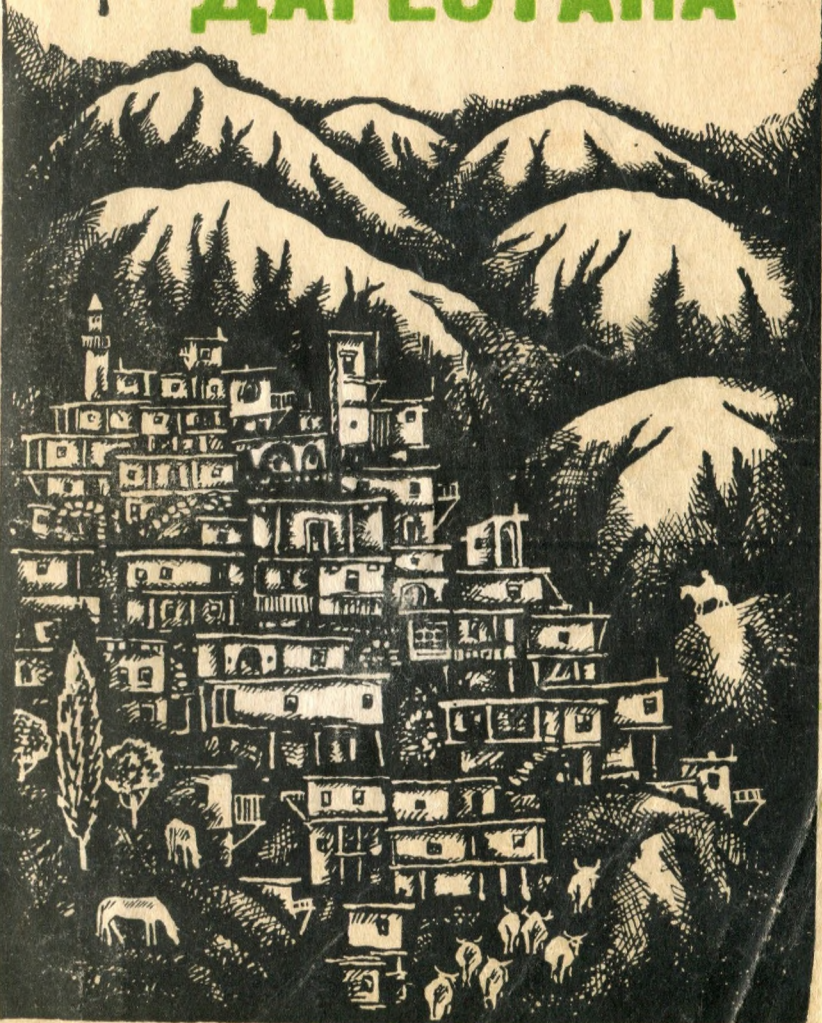

12
12
P. M. МАГОМЕДОВ

ПО
АУЛАМ
ДАГЕСТАНА

3023A
M12
Р. М. МАГОМЕДОВ

ПО АУЛАМ ДАГЕСТАНА

Выписки из полевых дневников

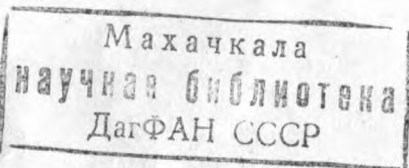
Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДАГУЧПЕДГИЗ, МАХАЧКАЛА—1977

Магомедов Р. М.
М 12 По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников.
Махачкала, Дагучпедгиз, 1977.
144 с.

М 65—144 —78—77
124 (03) 77

© Дагучпедгиз, 1977

86087

Я не пишу предисловие к этой книге, не хочу объяснять ее значение и звучание. Я просто хочу горячо рекомендовать ее читателям, которые интересуются не только историей, но и всем тем, что связано с жизнью народа, его судьбами, с его культурой. Именно по этой причине и меня захватила данная историческая работа, попавшая ко мне еще в рукописи.

Кроме того, есть еще некоторые обстоятельства, дающие мне право на вступление к работе Р. М. Магомедова. Я его старый читатель. Правда, его работы по истории были написаны, когда я только еще осваивал грамоту. Ведь он был первым историком-профессионалом из дагестанцев, и многое, сделанное им, оказалось сделанным впервые.

Я прекрасно помню начавшую выходить еще до войны серию небольших исторических книжечек. Интереснейшие, строго научные данные из истории Дагестана излагались в них языком, доступным всякому умеющему читать. На обложках стояло имя Расула Магомедова, в то время кандидата наук. Последующие труды профессора Р. М. Магомедова сохранили это привлекательное качество, о чем я могу свидетельствовать как их читатель. Для тех, кто знает, как работает Расул Магомедов, это неудивительно.

Я лично был свидетелем того, как он собирал полевой материал для данной книги в моем родном селении Цада и в других аулах нашего района. Как сейчас помню: вот он стоит в окружении старожиллов, спрашивает, слушает, сравнивает, вновь спрашивает, записывает... А интересовало его буквально все.

Конечно, так было не только в Цада. Р. Магомедов всю жизнь собирал предания, легенды, «устные мемуары», сведения о нравах, обычаях и традициях по всем уголкам Дагестана, у всех его народностей. Не столь уж трудно заметить многоцветность и многообразие этого целыми поколениями собранного фактического и художественного богатства. Сложнее разглядеть в глубине его

нечто общее, которое и оказывается самым важным. И уже по-настоящему трудно обобщить, обосновать это и донести до читателя. Расул Магомедов умеет, как немногие, извлечь суть и смысл из тысяч слов, сказанных сотнями людей на десятках наших языков — об этом лучше всего свидетельствуют его научные труды. За этнической и лингвистической пестротой, за многообразием имен и событий в них явно виден единый трудовой народ, издавна объединенный общностью своей исторической судьбы, борьбой со своими угнетателями, а ныне сплоченный воедино нашей Коммунистической партией.

Постепенно я стал понимать, что услышанное от народа Расул Магомедов проверяет через книги, а книги (чужие и свои) он проверяет через народ, через его оценку. И поэтому написанное им ценно, точно и по-настоящему народно. Такой исторический материал — это паспорт народа.

И еще одно обстоятельство дает право на вступление к его книге: он старый друг моего отца и многолетний сосед нашей семьи. Кстати, это одна из причин того, что я ознакомился с этой книгой еще в рукописи. Я помню Р. М. Магомедова гостем и собеседником отца, сначала молодым ученым, потом наркомом просвещения, затем одним из руководителей филиала АН СССР. Наши дружеские связи, многолетнее знание друг друга тоже вселили в меня уверенность, что в чем-то я могу понять эту книгу лучше других.

Будучи также хорошо знаком с книгой в рукописи «По аулам Дагестана», как и с предшествовавшими ей книгами Расула Магомедова, я полагаю, что она будет интересна для читателя не в меньшей степени, чем ранее изданные. Некогда А. М. Горький подал идею создания таких исторических работ о городах, селах, предприятиях, где были бы широко использованы воспоминания, оценки, мысли широчайших слоев трудящихся. Мне кажется, в книге «По аулам Дагестана» Расул Магомедов наиболее близко подошел к этой идее А. М. Горького. Книга эта не только интересна, но и полезна для всех желающих глубже знать прошлое, чтобы лучше понять настоящее.

Расул Гамзатов

В предлагаемой книге представлена значительная часть исторических преданий, заметок об исторических и археологических памятниках, о фольклоре и этнографии ста селений Дагестана, собранных в 1941—1965 гг. во время поездок, предпринятых мною с целью сбора материалов по истории, этнографии, археологии и фольклору. Часть из них уже была использована мною ранее в работах по истории Дагестана в той мере, в какой они были необходимы для научных обобщений. Публикуемый здесь материал — это главным образом записи из полевых дневников, лишь в минимальной степени подвергшиеся классификации и стилистической обработке, к ним добавлены лишь самые необходимые комментарии.

Издавая данный материал, мне хочется сделать все эти конкретные факты доступными, с одной стороны, для тех, кто специально занимается изучением прошлого Дагестана, с другой стороны — для всех, кого интересует вчерашний и сегодняшней день дагестанских народов, своеобразие различных сторон их жизни.

Начиная свои систематические поездки по республике, я прежде всего рассчитывал ближе познакомиться с родным краем, приобрести более конкретные, детальные и точные представления о прошлом и настоящем каждого дагестанского народа, о своеобразных отличительных чертах его культуры и общественного быта.

Человеку, смотрящему на Дагестан из Махачкалы и ни разу не побывавшему в горах, Дагестан представляется чем-то «сплошным», хотя и резко отличающимся от привычной и знакомой городской жизни. Прибывшему (особенно впервые) в любое селение Дагестана, напротив, прежде всего бросаются в глаза местные отличительные особенности — сначала в ландшафте, а затем в жизни сельчан, их языке, одежде, следах прошлого. И поневоле сама собою возникает мысль, что не только народности и этнические группы, но даже отдельные аулы или группы их в Дагестане столь же различны, сколь различны и неповторимы естественно-географические условия, языки и диалекты Дагестана.

Но когда близко познакомишься с краем, с населением, сам поживешь в местной среде (причем в разных местах) и подышишь одним воздухом с людьми разных районов, — постепенно начинаешь приходить к обоснованному убеждению в глубоком единстве всех дагестанских народов. «Подробности» хозяйства и быта могут иметь выразительные особенности в деталях (формы орудий труда, способы выполнения трудовых операций, облик селений и домов, детали архитектуры, утвари, одежды), но общая основа их одна. В традиционно сложившейся в прошлом общественной структуре масса ло-

кальных специфических различий, но в основе своей все дагестанские общины восходят к единому типу.

Итак, тысячелетний опыт учит нас, что за пестрыми, многообразными различиями в деталях надо уметь увидеть более существенное — общность в самой основе, причем как раз эта основа и является определяющей. Думаю, что это относится не только к прошлому, да и не только к одной республике.

Осматривая аулы и их окрестности, я находил и обследовал развалины старинных сооружений самого разнообразного характера. Далеко не всегда это были бросающиеся в глаза, отовсюду видимые башни, мечети, памятники эпиграфики, каллиграфии и декоративного искусства. Гораздо чаще это были скопления грубо обработанных камней с более или менее прослеживающимися линиями кладок и фундаментов, с трудом отличимые одно от другого.

Да и башни, укрепления, остатки замков и мечетей, если и сохраняли черты какого-то индивидуального облика, то чаще всего ставили в тупик своим расположением в самых казалось бы неподходящих местах: что могла охранять эта линия боевых или сторожевых башен, если никто даже не упомнит, когда в этой местности жили люди? Кто мог молиться в этой мечети, вокруг которой давно вырос лес?

И лишь узнавая связанные с этими «выразительными», а чаще «невзрачными» развалинами местные исторические предания, фиксируя топонимику и припоминая попутно те или иные подходящие отрывки из старинных сочинений, читанных в разное время в библиотеках и хранилищах Махачкалы и Москвы, начинаешь видеть в этих «кучках камней» либо следы обороны против иноземных захватчиков, либо память о борьбе народа против «своих» феодалов, либо страницу междоусобной борьбы, либо свидетельство мощных демографических и миграционных процессов, настоящих «переливов» древнего и средневекового населения из одной части Страны гор в другую.

Кстати, развалины старинных сооружений и устные исторические предания в чем-то начинают казаться очень похожими: в Чохе, Согратле, Уркарахе, Цудахаре, Хунзахе, Тануси, Пиляки, Мекеги мне рассказывали о приходе арабов, в Ахтах, Нижнем Кайтаге, Дарваге, Хучни, Арките, Ороте — о нападении «кочевников» (возможно, монголов), в Нижнем Кайтаге, Губдене, Чиркее, Гагатле, Анди до сих пор показывают остатки разрушений, произведенных войсками Тимура, в Дербенте, Табасаране, Кайтаге, Южном Дагестане многое напоминает об иранских захватчиках, в Кумухе, Чохе, Согратле, Мегебе, Джавгате, Карацане, Кае, Ахтах, Акуше до сих пор помнят о шахе Надире. После этого и в голову не придет, что Дагестан стоял в стороне от хода мировой истории. Все более или менее крупные исторические события на стыке Передней Азии и Юго-Восточной Европы, затрагивавшие Кавказ, не обошли стороной и Дагестан (исторические катастрофы, к сожалению, тоже).

Все это убеждает нас не только в сложности исторического процесса в Дагестане, — это заставляет думать, что научное значение некоторых сохранившихся здесь исторических материалов может выходить далеко за рамки местной истории.

Впрочем, память народа свидетельствует, что не всякое внешнее воздействие было непременно враждебным. Многочисленные предания о контактах с азербайджанцами, грузинами и армянами, на севере Дагестана — с чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами,

черкесами, балкарами, карачаевцами свидетельствуют о давних дружественных связях предков дагестанцев с братскими народами Закавказья и Северного Кавказа.

Исторические предания убеждают в том, что этнические и языковые различия никогда не были помехой в историческом развитии народов Дагестана. Народная память сохранила множество примеров сотрудничества и взаимопомощи представителей разных народностей, разных общин и селений как в военное, так и в мирное время. Это одно из ярких свидетельств исконного единства и многосторонней общности всех народностей и этнических групп Дагестана, порой дающее право рассматривать их в определенных случаях как единый народ даже в прошлом, не говоря уже о наших днях, когда народы всей нашей страны сплочены в единую братскую семью социалистических наций.

Следует сказать несколько слов о возможности использования собранных материалов как свидетельств о фактах и явлениях прошлого, т. е. как об историческом источнике.

Все виды исторического фольклора, в том числе и исторические предания, а также топонимику в исторической науке принято считать одним из видов исторического материала. Их часто называют устными историческими источниками. К историческим материалам может быть отнесена и значительная часть данных этнографии.

Для истории Дагестана, однако, эти виды исторических источников имеют исключительное значение (мы говорим здесь главным образом об устных исторических источниках).

Дело не только в том, что база письменных источников для истории Дагестана не так уж велика, что число их растет сравнительно медленно, сбор их далеко не закончен, а критическое исследование лишь недавно вышло из начальной стадии. Особенность местного устного материала еще и в том, что в Дагестане были сравнительно благоприятные условия для его стабильного сохранения: этому способствовали устойчивость горных сельских общин, сохранение ими в той или иной мере политической самостоятельности, трудность влияния извне, даже природно-географические особенности страны.

А такая разновидность устного исторического материала, как горная микротопонимика, по своему богатству, насыщенности и разнообразию может найти немного аналогий за пределами Дагестана.

Говоря о дагестанских исторических преданиях как источнике, особо хочу отметить значительную степень их достоверности в ряде случаев. В этом убеждает прежде всего их взаимная корреляция: если одно и то же историческое событие отразилось в преданиях разных селений или общин (нередко говорящих на разных языках), то изложение его везде обнаруживает большое сходство, различия же носят характер не столько взаимоисключающих противоречий, сколько детализации и взаимных дополнений. Еще более убедительны случаи, когда отразившееся в преданиях событие известно по письменным источникам: чаще всего последние в значительной степени подтверждают предание. Во всяком случае, почти всегда удается выявить исторический факт, лежащий в основе предания. Разумеется, во многих преданиях изложение исторических фактов подвергалось в той или иной степени «белотризации», со временем в действие вступают чисто художественные закономерности, многие фактические детали отбрасываются, разнородные события соединяются и т. д. С другой стороны, влияние локальных, социальных

и т. п. факторов доходит иногда до ярко выраженной тенденциозности. Однако в том и состоит задача исследователя, чтобы во всеоружии научных методов произвести критический анализ любого исторического источника (не только устного) и сделать его материал пригодным для использования в процессе воссоздания картины прошлого. Хочу лишь пожелать успехов в этом нелегком деле тем исследователям, которые воспользуются настоящей публикацией «По аулам Дагестана» — выпуском первым, вслед которому мы надеемся подготовить к изданию второй выпуск.

Добавлю также, что отношение к устным историческим источникам как к «материалу второго сорта» особенно несправедливо, если речь идет о древней и средневековой истории Дагестана. Признавая известные преимущества письменных источников, следует отметить, что в определенных отношениях устные источники более полны и лучше фиксируют некоторые стороны исторического процесса:

1. Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм и т. п. Письменные материалы, напротив, скудны в этом отношении.

2. В основном в устных источниках отражены наиболее характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т. п.), являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общественные формы и отношения. В местных письменных источниках такой материал встречается крайне редко.

3. Именно исторические предания дают значительный материал по истории социальной и классовой борьбы в Дагестане, особенно интересный для историка-марксиста. Письменные источники, относящиеся к древности и средневековью, в этом смысле гораздо беднее.

О важности исторического фольклора обстоятельно говорилось также в докладах на состоявшейся в сентябре 1976 года в Махачкале Всесоюзной научной конференции, посвященной теме «Фольклор и историческая действительность».

В заключение укажем на весьма важную и актуальную сторону устного исторического материала — возможность его использования в деле коммунистического воспитания трудящихся, прежде всего молодежи. Усиление интереса самых широких масс народа, особенно молодежи, к изучению прошлого своей страны свидетельствует о возросшем культурном уровне советских людей и в то же время обязывает нас, историков, вооружить и обогатить молодежь всесторонними знаниями об истории наших народов, передать новому поколению лучшие народные традиции, сделать конкретной и осязаемой преемственную связь поколений. Дагестанские исторические предания представляют для этого благодатный материал. Молодежь, которая не видела старой жизни и порой просто не может себе представить всей тяжести прошлого, они дадут конкретное представление об этом вчерашнем дне нашей истории. Чтобы сделать более понятным и осязаемым контраст минувшего и настоящего, величие прогресса, достигнутого во всех областях нашей жизни в исторически небольшой срок, я не упускал случая ушедшему старому противопоставить новое — наиболее выразительные факты старой жизни сопоставить с сегодняшней действительностью тех же самых аулов Дагестана. Примечательно, что именно предания и воспоминания старожиллов дают массу весьма доходчивого и эмоцио-

нально активного материала, направленного против идеализации прошлого.

С другой стороны, дагестанские исторические предания дают много примеров неистребимого стремления к социальной справедливости и свободе, героической борьбы с иноземными захватчиками. Опыт Великой Отечественной войны показал, насколько эффективным было обращение к славным примерам исторического прошлого в деле воспитания советского патриотизма. Думаю, что многие дагестанские исторические предания также могут послужить прекрасным материалом для этой цели. Материал народных исторических преданий может быть успешно использован творческими работниками, педагогами, а также пропагандистами и агитаторами в их благородном труде по коммунистическому воспитанию советских людей.

1. ПОЕЗДКА ПО АУЛАМ БУЙНАКСКОГО РАЙОНА

18 апреля 1941 г. мною была предпринята поездка по маршруту Эрпели — Ишкарты — Нижний Каранай — Ахатли — Чиркей. Целью поездки был сбор историко-этнографического и рукописного материала. Моим попутчиком был сотрудник ИИЯЛ, знаток арабского языка и литературы Абдурахман Казиев из Нижнего Джентугтая. Из рукописей нас интересовали тогда главным образом документы, связанные с национально-освободительным движением, с Шамилем и другими событиями, связанными с историей Дагестана.

1. ЭРПЕЛИ

По преданию, первоначально аул был расположен в местности Герек. Оттуда жители переселились в местность Гент-ичи, построили там укрепленное селение: обнесли его валом и деревянной оградой, так как в то время часто нападали различные искатели легкой добычи, разоряя селения.

Существует и другое предание о возникновении первоначальной истории Эрпели.

Некогда из с. Тануси в Чиркат, а оттуда — в местность Хурбек-тубе (Нижнего Караная) переселился некий Исмаил вместе с сыном Будаичи. В те времена здесь стояли дремучие леса. В них водилась разнообразная дичь и было много благоприятных для охоты мест. Здесь Будаичи соорудил себе убежище, а в лесу расставил ловушки и самострелы. Однажды, осматривая их, он заметил: над перекладной одного из самострелов ласточка свила себе гнездо (это считалось признаком исключительного плодородия данной местности). Будаичи решил поселиться здесь. Постепенно вокруг его жилья стали селиться другие люди.

Будаичи отличался храбростью, мужеством и стремился окружить себя такими же людьми.

Во время охоты и других предприятий Будаичи с товарищами заходил далеко на север, доходя до тогдашних кабардинских и черкесских владений. Кабардинские и черкесские князья видели в нем храброго, влиятельного союзника. Его дружба с кабардинскими и черкесскими князьями началась с того времени, как Будаичи удалось вернуть им табун лошадей. В награду за это Будаичи получил от кабардинцев и черкесов жену и прислужниц.

Подобную же услугу оказал Будаичи и шамхалу. Никто до него не мог вернуть шамхалу угнанное стадо, лишь Будаичи удалось сделать это. Шамхал дал дружине во главе с Будаичи и обществу (а также селению) прозвище «Эр-пери» (примерно: храбрецы-мужчины). Отсюда — нынешнее название Эрпели.

Произошло это при следующих обстоятельствах: Будаичи на свой страх и риск, не ставя в известность шамхала и не имея на то его указания, отбил шамхальский табун. Затем с дружиной перегнал табун под Тарки и разбил лагерь вблизи селения, приказав своим товарищам развести шесть-семь костров. Шамхал заметил костры, обеспокоился и послал слуг разузнать, в чем дело. «Скажите шамхалу, — ответили им дружинники, — что Будаичи возвращает ему стадо».

Получив такую весть, шамхал пригласил Будаичи в свой дом. Далее народное предание отмечает жестокую деталь нравов тогдашних феодальных дворов: шамхал, продолжая опасаться Будаичи, втихомолку решает отравить его.

На пиру шамхал велел поставить перед Будаичи кувшин с напитком, в который был подмешан яд. Будаичи догадывался, что напиток отравлен, но, не желая показаться трусом, выпил его. Однако не умер. На теле его была неизлечимая рана. Ночью под действием яда рана вскрылась, и яд, а также все вредное, что было в ране, полностью вышли наружу.

Наутро Будаичи, живой и здоровый, как ни в чем не бывало, сказал шамхалу: «У меня была рана, которая мешала мне во время боя. Ни один лекарь не мог ее излечить, — твой яд сделал это. Благодарю тебя за исцеление». При этом Будаичи был настолько разгневан вероломством шамхала, что хотел убить его на месте, однако вмешательство окружающих и в особенности же-

ны шамхала спасло последнего от смерти: Будаичи простил его.

Пристыженный шамхал спросил Будаичи, какое возмещение за зло и награду за великодушие и доброту хотел бы он получить. «Землю»,— ответил Будаичи. «Сколько?»—спросил шамхал. «Столько, сколько можно обозреть»,— был ответ.

Шамхал и Будаичи отправились в Эрпели. Там они взобрались на гору Исмаил-Тау. Перед ними открылась обширная территория. (Заметим, что согласно одному из преданий, сообщенному стариком Гересем, они обозревали земли в подзорную трубу.) Границы владений Будаичи были установлены от Огюзтау до р. Койсу, а на плоскости — до местности Атлан. Сюда входили и кутаны: Чубар-Арка, Кудуш, Чумегул — до самого Чирюрта. Позже на этой территории возникли селения, вошедшие в состав Эрпелинского феодального владения. Однако мир с шамхалом продолжался недолго. Вскоре Будаичи начал войну с шамхалом с целью освобождения от обязанности выплачивать ему дань, которой шамхал обложил эрпелинцев, и из-за спорных земель. На стороне Будаичи выступили и акушинцы, также желавшие освободиться от обложения данью.

После Будаичи главой эрпелинцев стал Ахмед-хан, которого в свою очередь сменил Мехти. Оба они продолжали борьбу с шамхалом. Герсю, сменившему Мехти, пришлось столкнуться уже с царскими войсками.

Нам кажется уместным привести здесь вариант предания, записанный в Каране со слов 75-летнего колхозника Агаева.

Близ Верхнего Караная расположена местность Хурбук-гух. Там жил человек по имени Гарнай-Исмаил (от его имени и произошло название «Каранай»). У этого человека было два брата (имя одного из них Данд-бек). Братья враждовали с шамхалом из-за спорных земель между Хурбуком и Кафыр-Кумухом: каждая из сторон заявляла, что земли принадлежат ей.

Однажды у шамхала был угнан большой табун лошадей. Исмаилу и его родственникам посчастливилось отбить этот табун, и они решили вернуть его шамхалу. После возвращения табуна шамхал и Исмаил помирились.

Однажды шамхал прибыл в Хурбук и посетил дом Исмаила. Желая отблагодарить его за возвращенный

табун, шамхал предложил Исмаилу назвать награду, которая ему больше всего нравится. Исмаил решил прежде посоветоваться со своими обеими женами. «Возьми золото и деньги»,— сказала первая. «Бери лучшую землю»,— посоветовала вторая. Исмаил последовал совету второй жены. Вместе с шамхалом вышел он на Хурбук-гух, и все земли, которые можно было обозреть с горы, шамхал вынужден был отдать Исмаилу.

Гарнай-Исмаил основал Верхний Каранай, его брат Данд-бек — Эрпели, другой брат — Капчугай.

Сын Гереея Уллубий, ставший после отца эрпелинским князем, часто враждовал с Гази-Магомедом и Шамилем. Во время военных действий войска Шамиля трижды брали Эрпели. Уллубий был захвачен горцами в плен, а позже казнен.

Постепенно в Эрпели оформилось феодальное владение, во главе которого стоял бий. Любопытно, что бий, его семья и потомки, которые назывались карачибекими, проживая совершенно обособленно, не входили ни в одно из традиционных кровнородственных объединений («тайп»).

Все крестьяне, даже лично свободные, находились в той или иной степени в феодальной зависимости от бия, платили ему подати — «ясак» (в то время существовал также натуральный оброк — «алим»), обрабатывали земли, принадлежащие бию (это уже разновидность барщины).

Еще тяжелее было существование военнопленных из Грузии, Кабарды, Черкесии — так называемых «лагов», положение которых приравнивалось к рабскому.

В местности Али-Курух, в пяти километрах от с. Эрпели, в прошлом происходила продажа рабов, а также обмен и выкуп пленных.

В с. Эрпели жил народный певец Тамаш Гебеков — простой крестьянин. Песни его отличались сатирической направленностью. Этот 80-летний певец тянулся к новой, светлой жизни и в своих песнях воспевал ее. Незаурядный сатирический дар он использовал для критики адатов, духовенства, всего консервативного и реакционного. Однажды в присутствии представителей духовенства, бывших кадиев и религиозников, Тамаш исполнил такую едкую песню, что слушатели, являвшиеся одновременно персонажами песни, не выдержали и разбежались, не дослушав ее до конца. В то же время Гебеков нахо-

дил теплые слова для воспевания колхозов, которые только еще начинали создаваться, для призыва односельчан к новой жизни.

Творчество этого незаурядного поэта известно далеко не достаточно.

* * *

Мне неоднократно приходилось слышать, что в Эрпели существовала объемистая рукописная книга «Исманл-Коран», в которую записывались события от основания аула вплоть до Великой Октябрьской революции. По-видимому, это действительно был рукописный коран, на полях которого делались глоссы летописного характера, так что он постепенно превращался в своеобразный хронограф (такие случаи в Дагестане нередки). К сожалению, не удалось выяснить, где находится эта рукопись сейчас. Возможно, местным краоведам-любителям удастся отыскать и сделать достоянием науки этот интересный исторический источник.

2. ИШКАРТЫ

О прошлом с. Ишкарты существуют разноречивые предания. Некоторые из них перекликаются с преданиями соседних селений.

Один из наших информаторов (Б. Арсланов) сообщил, что самые разнообразные сведения, относящиеся к прошлому с. Ишкарты, были изложены в рукописной книге «Коча». Однако эта книга вместе с другими была продана ее владельцем жителю с. Верхний Дженгутай Тажуддину Кадиеву.

Наши информаторы—Абдурахманов (90 л.), Акаев Г. (90 л.), Алховатов, Б. Арсланов—сообщили нам несколько преданий об основании и о первопоселенцах на землях с. Ишкарты. По-видимому, заселение ишкартинской территории происходило в несколько этапов,—отсюда и несколько различных преданий на эту тему.

По одной из версий, некогда из Салатавии пришли на эти земли бни, поссорившиеся на родине со своими близкими. Группа поселенцев состояла из семи семей. Они основали на склоне Каранай-бете самостоятельное поселение Казбекюрт. Место было удобным, свободной земли много, так что постепенно к ним стали подселять другие люди.

Однако население продолжало подвергаться набегам. Постоянные нападения заставили большую часть жителей Казбекюрта уйти в Чечню и другие места—постепенно поселение перестало существовать. Оставшаяся небольшая часть сельчан обратилась за покровительством к шамхалу. Он предложил им покинуть прежнее место и перебраться на плоскость, в низовья реки Шураозень (близ нынешней железнодорожной станции Шамхал), но сельчанам не понравился климат на плоскости, и они упросили шамхала позволить им остаться там, где они захотят. Таким местом оказалась территория нынешнего Нижнего Ишкарты, и шамхал вынужден был согласиться на это.

Согласно другому преданию, из Шама в местность Хурбук прибыл переселенец по имени Исмаил. Через некоторое время к Исмаилу явились товарищи с целью уговорить его вернуться обратно, но вместо этого сами поселились рядом с Исмаилом. Исмаил же стал их бием.

Занимались они главным образом охотой. Шамхал узнал об этом. Однажды шамхал прибыл в Хурбук. Исмаил пригласил его охотиться. Во время охоты, когда они взойшли на гору, названную позже именем Исмаила, шамхал решил подарить Исмаилу окрестные земли. Исмаил стал настаивать, чтобы шамхал продал их ему. Шамхал, видимо, не относившийся к этой сделке серьезно, уступил Исмаилу земли за одну пулю и заряд пороха.

Существует вариант этого предания, согласно которому из Шама в ишкартинские земли прибыл Будайчи. Когда Будайчи поселился в Хурбуке, у него не было ничего, кроме ишака и котла. Между тем, на ишкартинских землях уже жили люди: в трех километрах от Хурбука, в местности Мадасил-тау, представлявшей собой поляну, окруженную со всех сторон густым лесом, жили в землянках около тридцати семей. Будайчи удалось заставить их переселиться с этого места на земли, относящиеся ныне к с. Ишкарты, где они создали поселение и назвали его Петемахи. Позже, во времена Шамиля, в Петемахи осталось лишь двадцать пять дворов—остальные переселились в Чечню, где около Маюртупа основали селение с таким же названием.

В свою очередь это предание имеет вариант, в которой степени объясняющий, почему Будайчи настоял на уходе поселенцев из Мадасил-тау.

Дело в том, что обитатели Мадасип-тау стали нападать на Эрпели, покушаясь в основном на имущество биев и бийский скот. Эрпелинские бии, наконец, сумели выселить их на территорию нынешнего с. Ишкарты. Когда поселенцы устроились на новом месте, эрпелинцы обратились к ним с вопросом, будут ли они еще нападать или, наконец, прекратят свои нападения. «Не знаем пока, каков будет конец этой работы», — ответили переселившиеся. В ответе прозвучали слова: «иш» (работа) и «арты» (завершение). Эти слова и определили название «Ишкарты». Таким образом, происхождение названия селения сравнительно позднее.

Еще позднее произошло разделение села на Верхнее и Нижнее Ишкарты: оно относится к периоду войны под руководством Шамиля. Во время этой войны в с. Ишкарты на некоторое время был размещен Апшеронский полк, сразу же там началось строительство укреплений, казарм. У крестьян отобрали значительную часть пахотных и пастбищных земель, оставив им всего триста десятин. В районе с. Ишкарты разгорелись бои между отрядами Шамиля и Апшеронским полком. Все это привело к тому, что в поисках более спокойного и свободного места жители селения постепенно переселились в местности Каршибек и Чиптак, основав там новое селение. Когда же Апшеронский полк покинул их территорию, часть жителей вернулись на старое место. Так возникли Верхнее и Нижнее Ишкарты.

Социальное расслоение в с. Ишкарты было типичным для того времени. Во главе ишкартинцев первоначально стояли бии, которых предание считает «мадитинцами» по происхождению. Последним бием был, по преданию, Али-Султан, женатый на одной из дочерей шамхала. Его дети и потомки были чанками (по-видимому, жена Али-Султана также была чанкой). Власть после Али-Султана перешла к его сыну Мамай-хану, а затем — к Гаджи-Магомеду. Основную массу населения составляли уздени, попавшие, однако, в зависимость от биев и чанков. Любопытно, что в тот период, который отражен в преданиях, мы видим не усиление, а, напротив, ослабление феодальных привилегий, связанное, по-видимому, с постепенным ослаблением местных феодалов и снижением их места на иерархической лестнице.

Предание гласит, что первоначально бий по местной адату имел право заставить крестьян работать на

себя три дня весной и три дня осенью, однако был обязан поставлять им во время работы хлеб, сыр, а также по одному барану на десять человек. Если же бий не выполнял полностью этого условия, то ишкартинцы бросали работу.

Затем, когда усилилась зависимость местных биев от шамхала, уздени стали работать на них по пять дней в году. Когда же биев сменили чанки, число отработанных дней уменьшилось до двух.

Зато уздени неизменно обязаны были уплачивать представителям класса феодалов кент-ясак и тав-ясак деньгами и натурой (размеры выяснить не удалось).

Существует предание, что дочь Али-Султана была похищена мюридами с целью выкупа. В качестве выкупа были даны не деньги, а земельный участок «Аччи» близ Чиркея. Это позволяет не только датировать конец «чисто бийской» династии в с. Ишкарты, но и свидетельствует о наличии у ее представителей собственных земель вне земельного фонда ишкартинского общества.

Определенный след в хозяйственной жизни и в быту ишкартинцев оставило пребывание в их селении Апшеронского полка. Население заимствовало у русских людей черты быта и навыки возделывания некоторых видов сельскохозяйственных культур. Здесь была открыта школа для детей офицеров и чиновников.

3. НИЖНИЙ КАРАНАЙ

Легенду о происхождении Караная, близкую по сюжету к эрпелинским преданиям, мы привели выше (см. «Эрпели»).

У информатора Патимат Сурхаевой (79 л.) нам удалось записать сведения о феодальных повинностях в Караная. Ей известны и имена каранайских феодалов: Джам-Гаджи, Бек-Султан, Таймаз-хан. На них сельчане-уздени обязаны были работать десять дней в году: три дня во время пахоты и посева, три дня в период прополки и обработки поля и четыре дня во время уборки урожая. Любопытно, что феодальная отработочная рента в Караная называлась старым общинным термином «гвой».

* * *

Кроме уздней, в ауле насчитывалось двенадцать хозяйств лагов. Лаги были бесправны: пока они являлись

собственностью феодалов, хозяева могли продавать их, безнаказанно убивать и т. д. Даже став членами сельской общины, лаги не пользовались правом голоса на сходках, не могли вступать в брак с узденками и т. п.

* * *

Каранайцы не поддержали первого имама и враждовали с ним. Тогда Гази-Магомед в отместку за это угнал отару овец, принадлежавшую каранайцам.

4. ЧИРКЕЙ

Чиркей вошел в историю Дагестана как старинный, многолюдный и оживленный центр экономической и политической жизни. В литературе уже отмечалось сходство этого аула, уклада его жизни с картиной горного аула, изображенного в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей». Из этого аула вышли такие известные люди, как Амирхан Чиркеевский — секретарь Шамиля, Раджабиль Магомед — руководитель артиллерии Шамиля, Айдемир Чиркеевский — талантливый этнограф и лингвист, один из сотрудников ученого-лингвиста П. К. Услара.

Из чиркеевского материала наиболее интересными показались нам две группы фактов: с одной стороны — сведения о далекой старине, с другой — факты необыкновенной живучести пережитков прошлого уже в новых условиях, результаты их отрицательного влияния на современную жизнь (кое-что об их проявлениях уже было опубликовано мной в книге «Легенды и факты о Дагестане»).

* * *

Сведения о далеком прошлом селения были получены у информаторов Ханукай Султан-бека (105 л.), Бараева Гази-Магомеда (74 г.), Талупанова Мусы (70 л.). Мне сообщили также, что существовала целая книга о Чиркее на арабском языке, но о судьбе ее никто ничего не знает. Г.-М. Бараев сообщил, что, насколько ему известно, записывание историй отдельных селений и обществ, входивших в имамат, началось в период Шамиля. Кроме того, сам Бараев по настоянию отца и под его диктовку записал сведения о возникновении Чиркея. По словам Бараева, эта рукопись попала к секретарю райкома партии Абакарову.

Наконец, мне удалось ознакомиться с записанным аджамом (якобы со слов самой нуцалчи Зазай-бике) преданием об основании Чиркея. Русский перевод его приводится в соответствующем разделе данной книги. Судьба подлинника мне неизвестна.

* * *

Основателями Чиркея все информаторы называют братьев Мусу и Хидри, опасавшихся кровной мести и бежавших сюда из горных районов Дагестана.

Братья, однако, пришли не на пустое место: на землях нынешнего с. Чиркей к этому времени уже существовало двенадцать хуторов, или небольших селений. Назывались такие селения чаще всего по именам глав селений, имевших титул нуцалчи. Имена некоторых нуцалчи того времени: Чупан-Росо, Цебеашу-Росо, Амирхан-Росо, Зазай-бике, Нуца-Базул-Росо, Инхоб-Росо, Бугакил-Росо, Ясазул-Росо.

Относительно родины братьев — основателей Чиркея — существуют разные варианты предания: один из них, сообщенный Султан-беком, говорит о том, что братья были выходцами из даргинских земель, другой же, сообщенный Бараевым, утверждает, что они были родом из Гидатля, из с. Гинтаб. Братья Муса и Хидри явились на хутор нуцалчи Амирхана (называются и хутора Цебеашу-Росо и Зазай-бике) и получили разрешение поселиться там. Но вскоре они перешли на другой хутор, однако и там не смогли хорошо устроиться.

Тогда братья облюбовали для поселения местность Чирки-тала (топоним происходит, согласно преданию, от кумыкского названия крылатого насекомого, мошкеры — «чиркей», в изобилии водившегося там; отметим попутно, что некоторые варианты предания говорят о кумыкском населении двенадцати хуторов). По краю этой местности протекала речка Аксу («белая вода» — обычное название всякой воды, пригодной для питья, его калькирует аварское название речки — Кахаб-тлин).

Братья обратились к Амирхану (вариант: к Зазай-бике, к Зайнаб) за разрешением поселиться здесь, обещая заплатить за это работой. Нуцалчи дали согласие.

Вскоре в Чиркей-тала стали стекаться переселенцы и беглецы из разных мест. Первые семь семей (письменный вариант предания называет шесть семей) явились основателями тухумов Чиркея, в частности прямые потомки братьев стали основателями тухума Парахатилал (от слова «мир»—спокойствие). Переселенцам пришлось начинать жизнь с освоения земли, выкорчевывания леса и кустарника. Работа и жизнь их были тяжелыми. Однако когда к братьям явились из родного села представители кровников и предложили примирение и возвращение домой, братья отказались: вокруг них уже выросло новое селенне.

* * *

Существовало предание, гласившее, что жители двенадцати хуторов давно уже замечали над Чиркей-тала какую-то поднимающуюся мглу.

По одной из версий, гарабаш (рабыня) старухи-нуцалчи Зазай-бике спросила как-то свою хозяйку о причине этой мглы. Та ответила, что облачный туман предвещает возникновение на этом месте большого поселения и что тогда все двенадцать хуторов перейдут туда (при этом информатор добавил, что у Зазай-бике был пророческий дар). Зазай-бике принадлежали горы Абач-меэр, Туз-таву.

Другая версия более рационалистична. Суть ее такова: братья Муса и Хидри и другие переселенцы постоянно выжигали кустарник и поддерживали огонь. На постоянный дым над Чиркей-тала обратили внимание жители двенадцати хуторов, и Зазай-бике (вариант: мати нуцалчи Амирхана) предрекла им, что там будет большое поселение.

Между тем, жителей в Чиркее становилось все больше, главным образом за счет все новых и новых переселенцев, стекавшихся сюда отовсюду. Это приводило к быстрому расширению осваиваемых чиркеевцами земель. Вскоре начались стычки из-за спорных участков с жителями двенадцати хуторов; чиркеевцы предложили им или переселиться в Чиркей, или найти себе другое место, а земли продать жителям Чиркея.

Население хуторов понимало, что борьба с чиркеев

цами будет безуспешной. В то же время им не хотелось переселяться в Чиркей, и большинство из них перебрались в Аксай, Эндери и другие места. Только нуцалчи всех хуторов первыми согласились перебраться в Чиркей, а спустя некоторое время за ними последовали оставшиеся еще на хуторах люди.

Так было на одиннадцати хуторах. Двенадцатым хутором оказался Бекюрт (информаторы интерпретируют это название как «крепкое селение»). Он был хорошо укреплен, имел лишь один хорошо охраняемый вход. Чиркеевцы многократно приглашали жителей хуторов переселиться в Чиркей, предлагали за любую цену купить у них бекюртовские земли, но ни мольбы, ни угрозы, ни выгодные предложения не могли поколебать бекюртовцев. В то же время захват укрепленного Бекюрта штурмом представлялся крайне трудным. Тогда чиркеевцы пошли на хитрость. Они двинулись к Бекюрту тремя отрядами: воины одного отряда переоделись в шкуры медведей, другого — в шкуры волков, а третий отряд незаметно занял место в засаде на опушке леса у самого Бекюрта.

Рано утром воины в медвежьих шкурах кинулись разорять посевы, а воины в волчьих шкурах напали на стадо бекюртовцев. По тревоге бекюртовцы поспешили спасать скот и посевы и далеко отошли от своего поселения, оставив его без защиты. В это время отряд, находившийся в засаде, без труда захватил Бекюрт, и его население вынуждено было принять условия чиркеевцев. Одни бекюртовцы переселились в Чиркей, другие разъехались в разные места. (Более подробная и интересная версия захвата Бекюрта изложена в записи, перевод которой мы поместили в соответствующем разделе книги).

* * *

В Чиркее образовалась своеобразная социальная структура: хотя Чиркей, по преданию, посылал своих представителей на церемонию утверждения очередного шамхала, все же носителей феодальных привилегий среди его жителей — потомков переселенцев — не оказалось, основную массу составляли уздени. Зато уздени делились на несколько своеобразных сословных категорий, исходя из того, насколько давно их предки поселились в Чиркее (чем раньше появились здесь предки данной

категории людей, тем более привилегированное положение занимали их потомки).

Лагами оказались те жители Чиркея, предки которых поселились здесь в последнюю очередь. По своему общественному положению они не отличались от представителей этого сословия других аулов Дагестана, но сословные пережитки в Чиркее оказались очень стойкими.

Здесь же следует отметить, что в Чиркее довольно рано тухумы потеряли свой кровнородственный характер и стали чем-то вроде административных подразделений, включающих в свой состав вновь прибывающих поселенцев.

Название некоторых тухумов: Уру-Али (по вере члены его были христианами), Дибирасулал (из Зубутли) Ашильтасел (из Ашильта), Пирасулав (из Казн-Кумуха), Подаразул (из Мадни-Тала около Эрпели). Подробнее о тухумном делении в Чиркее сообщается в рукописи предания, перевод которого помещен в соответствующем разделе данной работы.

* * *

Чиркей, по-видимому, далеко не сразу приобрел то значение в экономической и политической жизни Дагестана, о котором говорилось в начале данного раздела.

Чиркеевцы были организованы по-военному. Их военное объединение известно под названием «Нахбаказул бо», или Салатавское вольное общество (в состав Нахбаказул бо входили следующие населенные пункты Чиркей, Зубутли, Хубар, Миатли, Жуламул-Росо, Ичка Гозтала, Дылым, Алмак, Буртунай, Гертма, Гуни Ихаб).

Предание гласит, что в местности Миккиласул-кули некогда происходили ежегодные собрания представителей всех аулов Салатавии—по три-пять человек от каждого аула. Здесь в течение пяти-шести дней они обменивались новостями, накопившимися за год, но основной задачей собрания было решение правовых и политических вопросов. Созданный здесь же совет старейшин выносил по всем вопросам решения и приговоры, не подлежащие оспариванию. Об этом заботился специальный исполнитель («алаби»), избирающийся собранием. Здесь же вносились изменения и дополнения в адаты.

На такие собрания приглашались и представители Чиркея, который подпал под юрисдикцию этого совета

На собрании из числа салатавцев избирались алаби, следившие за исполнением решения совета. Никто не имел права выступать против решения этого собрания. Протестующего сажали на несколько дней в яму и штрафовали в пользу собрания. Если же кто-либо отказывался выполнять решение собрания, в наказание сжигали его дом. Старейшины в Чиркее именовались «русталалами», в других местах — «бегаулами», «шухби».

В книге «Легенды и факты о Дагестане» я уже кратко упоминал об этом общественном институте—своеобразном пережитке доклассовых отношений, отразившем и общинные формы управления, и возрастающую роль общинной знати, и первоначальное подчиненное положение Чиркея.

* * *

У А. Бакиханова в книге «Гюлистан-Ирам» содержатся сведения о вторжении Тимура на чиркеевские земли и разрушении им укреплений под названием «Берк-тау», «Алхас-тау», «Чупан-тау» и «Батлук». Сохранились развалины этих укреплений. Эти события нашли отражение в топонимике о Чиркее. Дорога, идущая от современного Чиркея в сторону Салатавских гор, называется дорогой хромого Тимура. Там же имеются могилы, которые местные жители называют могилами киргизов.

* * *

Часть собранного мною в Чиркее материала отражает социальную действительность конца тридцатых годов с характерной для нее острой борьбой старого с новым в идеологии и в быту. С точки зрения историка небезынтересно проследить те конкретные формы, которые приняла эта борьба в дагестанском ауле. Это позволит яснее представить всю огромную меру усилий, все трудности борьбы, которую вели в то время партия, комсомол, все передовые люди республики за торжество нового, советского образа жизни. Я часто бывал в чиркеевской школе, на колхозных собраниях, ходил по аулу, беседовал с людьми на годекане. Из злободневных проблем меня интересовали всеобщ, положение женщины, способы преодоления религиозных и патриархально-феодалных пережитков.

Тагир Алиев, директор чиркеевской школы, энергичный, волевой человек, много делавший для обновления жизни аула, был одним из главных моих информаторов и неразлучным моим спутником по Чиркею.

Вот некоторые факты, которые он мне сообщил.

С охватом девочек всеобучем дело обстояло плохо. Из пятисот сорока трех учащихся учениц было сто девяносто девять (кстати, девяносто детей еще не были охвачены всеобучем). При этом примечательно снижение числа девочек-учениц от младших классов к старшим. В первых классах школы обучались девяносто учениц, во вторых — тридцать три, в третьем — двадцать одна, в четвертом — двадцать пять, в пятом — двадцать четыре, в шестом — шесть, а в седьмом — ни одной ученицы.

Почему же девочкам не давали возможности оканчивать школу? — Дело в том, что в Чиркее было принято рано выдавать девушек замуж. В пятых и шестых классах были засватаны по шариату все ученицы без исключения, а в четвертом классе — 50%. При заключении махара (шариатской регистрации брака) фактически происходила продажа девушек. Размер калыма в среднем составлял от трех до пяти тысяч рублей.

Обычно в возрасте девяти-десяти лет родители отрывали дочь от школы и запирали ее дома вплоть до выхода замуж. Она не должна была никого видеть, ей не разрешалось выходить из дома. Никто также не должен был видеть ее. В каждой комнате дома обычно было несколько дверей: при появлении постороннего девочка должна была как можно быстрее ускользнуть в одну из них.

При заключении махара несовершеннолетняя невеста, естественно, не имела права голоса. Родители сами подбирали ей мужа. При этом большую роль играли сословные и тухумные предрассудки.

Иногда дело доходило до курьезов. По обычаю, дотрагиваться до платья девочки нельзя было ни при каких обстоятельствах. Однажды на уроке физкультуры учитель поправил положение рук пятиклассницы. Это оскорбило ее, и она немедленно ушла из школы.

Благодаря обычаю затворничества в селении были женщины, до тридцати лет не покидавшие дома. Некоторые из них впадали в иступленный фанатизм, граничащий с помешательством (Пашат Шахманова, например, объявила себя «святой»), оказывали соответствующее

влияние на других, организовывали религиозные проповеди. Иногда родители держали дочерей взаперти со дня их рождения.

Естественно, для многих такое добровольное тюремное заключение (жизнь без света, без движения) оканчивалась трагически: значительная часть затворниц была больна туберкулезом, от этой и от других болезней, будучи лишенными медицинской помощи, многие погибали. Если же затворница не умирала от болезни, то нередко она теряла здоровье и губила навсегда свои лучшие годы (одну из таких затворниц — живую мумию — мне пришлось видеть своими глазами).

Следует отметить и случаи протеста затворниц. Так Бика Абакарова, находившаяся взаперти с девяти лет, часто видела в окно колхозника из Нового Чиркея М. Батыханова и влюбилась в него. В начале 1941 года ночью через окно она бежала к любимому человеку.

Это стало причиной кровной мести между двумя тухумами, причем дело осложнилось тем, что муж бежавшей оказался лагом.

(Показательна в этом смысле и личная история моего информатора, но об этом я писал раньше.)

Когда партийная организация, сельсовет и школа начали все более активно выступать против обычая затворничества, его приверженцы стали скрывать факт наличия у них дочерей.

Накопец в январе 1941 года директор школы сам отправился по домам. Он обнаружил шестьдесят две затворницы школьного возраста и старше. С помощью партийной организации и сельсовета их удалось направить в школу. Взрослым девушкам пришлось учиться вместе с подростками: затворничество не только лишает возможности приобретать знания, но и тормозит психическое развитие.

Для меня все, что я увидел и услышал, было дико и казалось несовместимым с советской действительностью, поэтому я вынужден был обратиться в обком партии со специальной запиской о необходимости усиления идеологической работы среди населения Чиркея.

Учительница русского языка и литературы Абраменко также рассказала о фактах отрицательного влияния на школьников пережитков прошлого: «Снять платок в классе (т. е. выполнить элементарное требование «Правил для учащихся») для учениц считается позором.

В этом году большинство учащихся держали уразу Среди учеников нередко наблюдаются проявления сословных различий: ребят лагского происхождения называют «рабами» и т. д., школьники-«уздени» обособляются от них.

* * *

Присутствуя на колхозном собрании, я заметил, что из семидесяти пяти участников собрания всего двадцать одна женщина, причем все женщины пожилые, среди них не было ни одной молодой.

Женщины не принимали участия в голосовании. Это не означало, однако, что они «воздерживались». Когда я спросил, почему они не голосуют, колхозницы лаконично ответили мне: «Таков обычай».

На собрание женщины пришли через отдельный вход. По чиркейскому адату, они были закутаны в платки до самых глаз — явление редкое для Дагестана.

* * *

В те годы нередко были случаи соблюдения такой обычая не только в Чиркее, но и в других аулах Дагестана. При встрече на улице с мужчиной, даже совсем молодым — почти подростком, женщины должны были закрывать лицо, оставляя лишь отверстие для глаз. а пожилые женщины — поворачиваться лицом к стене, спиной к мужчине.

* * *

А. Омаров из с. Буртунай сообщил мне о существовавшем там обычае: если женщина оказывалась на перекрестке дорог и замечала идущего мужчину, то она должна была остановиться и не имела права пересходить дорогу до тех пор, пока мужчина не проходил мимо.

* * *

О проявлениях пережитков прошлого, о борьбе с ними немало рассказали мне председатель сельсовета Лабазан Гаджиев и коммунист Магомед Гамзатов. Вот что я сумел записать:

«Большая часть населения и даже школьники религиозны. Молятся даже дети, начиная со второго класса.

Боясь проводить религиозную (и не только религиозную) агитацию открыто, фанатики используют для это-

го коллективные погребальные моления верующих на кладбище по случаю чьей-либо смерти.

Результатом таких «молитв» бывают следующие факты: некоторые колхозники не употребляют в пищу продуктов, которые получают в качестве оплаты своего труда в колхозе, считая эту пищу «харамом» (чем-то вредным).

О широком распространении религиозности говорит и тот факт, что даже некоторые школьные учителя не полностью освободились от религиозных пережитков, в еще большей степени это относится к их семьям.

Махар приспособился к новым условиям и «существует» с регистрацией брака в сельсовете. За этот обряд мулле платят пятьдесят — семьдесят рублей. Существует и калым, размер которого колеблется в среднем от трех до пяти тысяч рублей, изредка опускаясь до двух-двух с половиной тысяч рублей, причем влияния пережитков не избежали даже отдельные комсомольцы. Случаются и печальные курьезы: иногда почти совсем слаженная свадьба расстраивается оттого, что стороны в последний момент «не сошлись в цене».

Не является редкостью сватовство малолетних. С ним тесно связано затворничество. Я был свидетелем такого случая. У колхозника Д. Яхьяева была взрослая дочь, о которой никто не знал, так как родители держали ее взаперти в течение пятнадцати лет, начиная с трехлетнего возраста. Сельсовет заинтересовался этим фактом. Когда депутаты явились к родителям, те заявили, что их дочь уже третий год болеет. Вызвали врача. Оказалось, что девушка здорова, однако родители приказали ей лежать в постели и делать вид, что больна. Вмешательство сельсовета «излечило» ее: во время моего пребывания в Чиркее она посещала школу.

* * *

Современный читатель с трудом поверит, что тридцать с небольшим лет тому назад все описанное имело место в Чиркее, где ныне строится ГЭС, крупнейшая на Северном Кавказе. Тем не менее, это записи очевидца и свидетелей. Эти факты, ныне исчезнувшие, позволят ощутимо почувствовать, как далеко шагнула наша республика в своей культуре и быту за последние годы.

II. ПОЕЗДКА ПО АУЛАМ ГУНИБСКОГО РАЙОНА

В июне 1941 года мною была предпринята вторая поездка по аулам Дагестана. Во время этой поездки состоялось мое знакомство с известным грузинским ученым академиком А. С. Чикобава. Вместе с ним мы выехали из Махачкалы в Гуниб. А. С. Чикобава остался там для своих лингвистических занятий (он изучал аварский язык, его грамматический строй), а я отправился по маршруту Чох — Обох — Согратль — Мегеб.

Меня интересовал в то время этнографический материал, факты исторического прошлого дагестанских народов. Особенно меня тянуло побывать в местах исторических событий, лично осмотреть их, поговорить со старожилами, свидетелями прошлого, книжниками, владеющими восточными языками, а также участниками революции, гражданской войны и социалистического строительства.

Мне удалось собрать довольно интересный материал по средневековой истории Дагестана, национально-освободительной и классовой борьбе, по гражданской войне и колхозному строительству, а также по этнографии и устному народному творчеству.

Здесь публикуется часть полевого материала, который мне удалось тогда записать и сохранить.

1. ЧОХ

Чох — один из крупных и многолюдных населенных пунктов Дагестана. Разгром полчищ Надир-шаха в Анддалале в XVIII в. принес широкую известность этому селению. Выходцами из Чоха в прошлом были многие дагестанские «алимы» (ученые-арабисты): Ахмеддибир Абдулатиф, Али-Гаджи (автор «Сказания очевидца о Шамиле») и другие.

Один из известнейших героев гражданской войны в Дагестане Магомед Омаров-Чохский был родом из Чоха. Мои информаторами были Абдулгаджи Ахмеддиров, 84 г. (кстати, его отец был муфтием во времена Шамиля), Абакаров Гаджи — 77 л., Омармусал Омаров — 45 л., Шарап Османов — 57 л., Муртазали Дибиров, Абдулла Самедов — 67 л., Муртазали Дайтов — 79 л., Сапиюла Омаров (сын Омарова-Чохского), М. Ибрагимов (секретарь партийной ячейки), И. Рамазанов (председатель колхоза).

• • •

До образования современного аула Чох на его территории было расположено двенадцать мелких поселений, в том числе Гергиль, Панус, Бихних, Росла-ада, Саадул-кульба и другие. Развалины поселений сохранились до сих пор. Затем население этих аулов объединилось в один аул Чох, составив соответственно двенадцать основных его тухумов. По преданию, на месте, где позже возник Чох, ранее было общее кладбище для упомянутых выше мелких поселений. Оно до сих пор существует в черте селения.

После объединения аул получил название «Чох» от фразы «Хинди олда чох», буквально означающей «теперь много» (иногда информаторы обращают внимание на то, что фраза эта тюркская, и указывают, что так выражали удивление завоеватели, многократно вторгавшиеся на чохские земли). Новое поселение было настолько велико, что из него могли выехать сразу пятьсот всадников.

По преданию, предки чохцев были христианами-армянами (т. е. армянского толка). Информаторы сообщают, что мнение это опирается, во-первых, на случайные находки на здешней территории камней с надписями «армянского облика» и характерными изображениями; во-вторых, с этим согласуются некоторые чохские фамилии, происходящие, по преданию, от имен родоначальников тухумов: Нахибашевы, Шахназаровы, Арбухановы, Ахмедиловы и т. д.

Отметим попутно, что некоторые тухумы долго именовались в соответствии с названиями мелких поселений, оставленных жителями при создании Чоха, например, Гергиль, Панус.

Рассказывают, что Абумуслим, местопребывание которого находилось в Хунзахе, двенадцать раз приводил чохцев к исламу, и двенадцать раз чохцы возвращались к своей прежней вере, пока, наконец, не приняли ислам окончательно и не стали его ревностными распространителями.

Такая же история повторилась с ругуджинцами: они убили миссионера, поставленного Абумуслимом, и отказались от мусульманства. Тогда Абумуслим приказал чохцам выделить из своей среды знатных людей и послать их в Ругуджу, чтобы уговорить «нечестивцев». Чохцы послали двух стариков, но оба они были убиты ругуджинцами. Тогда чохцы объявили тревогу и пошли на Ругуджу. Произошел бой, в результате которого ругуджинцы покорились и приняли магометанство. Абумуслим в награду дал чохцам знамя и меч. Он же, говорят, приказал, чтобы чохцы ежегодно в день уразы-байрама выносили знамя, с гордостью потрясали мечом, обращая свой взгляд в сторону Ругуджи, и разбивали глиняные чашки. Эти действия надо было якобы понимать так: ругуджинцы покорились только мечу, который крошил их, а камни, бросаемые в глиняные чашки,— это проклятье жителям Ругуджи.

Абумуслим, чтобы навсегда подчинить себе ругуджинцев, приставил к ним своего человека, чохцев он поселил на своих землях.

Род ругуджинских князей Амир-Али идет от этого ставленника Абумуслима. Некоторые жители Чоха, Османовы Гаджи-Магомед и Шарапи и другие, также считали себя потомками миссионеров Абумуслима.

Ругуджинцам не по душе было исполнение указанного обряда. Ежегодно они предлагали чохцам корову с условием, чтобы те не требовали от них в данном году исполнения обряда.

Обычай грозиться в сторону Ругуджи после молитвы в большой мечети сохранился до XIX века. Сам кадий несколько раз, обращаясь в сторону Ругуджи, потрясал мечом, а аульский глашатай бросал с крыши глиняные горшки, собравшиеся старались разбить их на лету. Чем больше чашек разбивалось в воздухе, тем, считалось, лучше: по поверью, следовало ожидать богатого урожая. Упавшие неразбитые чашки якобы предвещали несчастье.

Чохский обычай не нравился ругуджинцам, и в дни

праздника все ругуджинские муталимы, учившиеся в чохской мечети, обычно уходили из Чоха. Однажды ругуджинцы послали своих людей к Шамилю с жалобой на этот обычай. Шамиль приказал чохцам прекратить проведение обряда, но те продолжали делать это тайно. Когда Шамиль, будучи в Чохе, узнал, что обряд этот все еще проводится, он потребовал объяснений у чохского аима Абдулкадира. Тот ответил, что чохцы машут мечом не в сторону ругуджинцев, а через Ругуджу в сторону Тушетии.

Ругуджинцам Шамиль сказал, что если меч чохцев убьет хотя бы одного из них, то он сам выдаст им двадцать заложников из Чоха.

* * *

В Чохе мне удалось записать легенду о Камалул Башире. Омар-мусал Омаров, считавший себя одним из дальних потомков Камалул Башира, поведал мне легенду о своем предке и показал его могилу. К сожалению, на надгробном памятнике не сохранилось даже следов какой-либо надписи,— это обыкновенная стела из слоистого песчаника. Однако другие сельчане подтвердили, что это действительно могила Камалул Башира, который был родом из Чоха.

Башир, сын Камала, отличался от своих сверстников необычайной красотой. Его голос звучал как сама песня. Когда он пил, было видно, как вода проходит через его горло. Белизна кожи, румянец лица, мягкий и нежный взгляд—все это привлекало внимание к Камалул Баширу. Девушки при виде его загорались пламенной любовью, а женщины забывали о своих мужьях. Пленные необычайной красотой юноши, горянки по пятам ходили за Камалул Баширом, едва он появлялся на улице.

Родители дочерей жаловались на Башира его отцу. Отец во всем винил сына и требовал, чтобы он прекратил свои похождения. Камалул Башир уверял, что он тут ни при чем, что сами женщины не желают оставлять его в покое. Соседи предложили, чтобы отец спал в доме рядом со своим сыном. Отец Камалул Башира последовал их совету и сам убедился, что женщины пытаются проникнуть в комнату, где спит его сын.

В конце концов, говорит легенда, Камалул Башира вынудили покинуть родной аул. Он долго скитался на

чужбине, жил в далеких горах, в диком лесу и скучал по родине.

Не выдержав одиночества, Камалул Башир вернулся в родной аул Чох и заявил отцу: «Я по-лисьему не могу жить». Тогда чохцы сговорились и потребовали, чтобы отец убил сына, иначе они сами убьют его. Отец ответил: «Я не смогу вынести, если вы убьете его. Я — отец, я его взрастил и вскормил — пусть от моей руки он и погибнет». Не желая, чтобы весь аул стал его кровным врагом, отец сам убил Камалул Башира.

Легенда гласит, что даже после погребения Камалул Башира женщины не могли и не желали примириться с его смертью: трижды они выкапывали его труп из могилы, и трижды приходилось хоронить его заново.

Могилы Камалул Башира на чохском кладбище стала местом паломничества женщин.

* * *

В Чохе бытуют некоторые варианты предания о битве с Надир-шахом, упоминаемым в тамошних преданиях под красноречивым прозвищем «Зулму-хан» (хан-угнетатель).

Так, когда Надир наблюдал за ходом боя, его внимание привлёк среди противников всадник на беспокойном коне, сражавшийся, как лев. «Кто это?» — спросил Надир у Сурхая Казикумухского, бывшего при нем в роли отчасти вассала, отчасти военнопленного. «Это мой сын Муртазали», — ответил Сурхай. «Если бы он был моим сыном, я бы согласился отдать за него половину войска», — сказал Надир-шах.

Битва была настолько ожесточенной, что по окончании ее поле сражения («Хурбийн-хабуне») было усеяно трупами каджаров и обильно орошено их кровью. Место это стало столь нечистым, что несколько лет над ним даже дождь не шел.

* * *

Чохцы гордятся своим героем-земляком М. Омаровым-Чохским. Мне пришлось беседовать с его сыном Сапиюлой. Сапиюла работал в то время заведующим учебной частью школы. С любовью и восхищением вспоминал он о своем отце. Рассказал Сапиюла и о его трагической гибели. С его же слов я записал некоторые сведения о Чохском.

Родился он в 1307 году хиджры (1889 или 1890 г.). С юношеских лет бывал в отходе на заработках в Баку, Одессе, Новороссийске, Москве — дома почти не жил. Он занимался не столько крестьянским трудом, сколько промышленным. Фактически Омаров-Чохский был рабочим.

Накануне Октябрьской революции он вернулся на родину. Работал вместе с Махачом Дахадаевым, был также командиром одного из отрядов. Гибель Махача Омаров-Чохский глубоко переживал, оплакивал героя-революционера. После этого печального события М. Омаров-Чохский усилил работу среди бедняков селения. Когда началась открытая борьба с деникинцами, он горячо включился в нее. Несколько раз Омаров-Чохский был ранен. Не раз говорил он своим приближенным о непримиримости Махача к врагам революции. При этом сын вспоминает, что отец его любил цитировать слова Махача: «Железной метлой сметаем мы белоказарков, с ними не может быть никакого мира!»

* * *

При Шамиле наибом в Чохе был Муса-Хаджняу, а после него — Инкау-Хаджи, тесть сына Шамиля Магомед-Шафи.

* * *

До революции аульские богачи были крупными владельцами земель и скота. Из их среды выходили и офицеры. Богачи захватывали общественные земли и лишали крестьян пастбищ. Бедствующие крестьяне уходили на заработки в Баку. Там находился и отец Омарова-Чохского. Передают, что крестьяне в 1915 году тайно собрались в ауле и решили послать Омара Омарова в Баку к чохским рабочим с сообщением о своем тяжелом положении. Бакинские рабочие из Чоха обратились в Темир-Хан-Шуру к губернатору с просьбой разрешить чохским беднякам пользоваться пастбищными землями на одинаковых условиях с сельскими богачами. Губернатор отказал в их просьбе.

После Октябрьской революции чохские бедняки добились отмены привилегий, которыми пользовалась аульская верхушка, и восстановления всех своих прав на принадлежавшие им земли.

Шейх Кучратлинский Ибрагим-Гаджи дважды напал на Чох. Оба раза кулаки бежали из аула, и беднякам, находившимся на стороне большевиков, одним приходилось защищать село.

После шейха на аул напал Гоцинский. В это время в ауле было мало людей, так как многие ушли в партизанские отряды, многие — на фронт. Но когда стало известно, что Гоцинский в ауле, чохцы-партизаны вместе с отрядом Б. Алибекова вернулись в аул и прогнали врага. Чохцы рассказывали, что Гоцинский при появлении красных с такой поспешностью обратился в бегство, что трудно припомнить что-либо подобное. При отступлении Гоцинского его преследовало все население — и мужчины, и женщины.

Тогда же был организован партизанский отряд во главе с Магомедом Омаровым, отряд боролся с бандами шейха Ибрагима, Саид-бека, Гоцинского.

2. СОГРАТЛЬ

Научный интерес к данному селению был вызван тем, что оно известно как центр организации отпора нашествию иранских полчищ Надир-шаха и место их поражения, а также как один из центров образованности в Дагестане, где было известное медресе. Среди преподавателей медресе были Абдурахман-Гаджи, его сын Гаджи-Магомед, Ахмед-кади, Ибрагим-Дибир, Оц-Омар, Ризван-Хаджиясул. Аул был знаменит и своими мастерами золотых и серебряных дел и искусными кузнецами.

Во время поездки удалось собрать разнообразный материал по этнографии, эпиграфике, а также исторический фольклор и предания, которые мы приводим выборочно.

Что касается других памятников, то к числу наиболее интересных следует отнести могилы Магомеда-Эффенди Ярагского, Сурхай-хана (по местному преданию, якобы убитого за измену восставшими против Надир-шаха, Будала-Ахмеда, имама Магомед-Гаджи).

Моими информаторами во время пребывания в Согратле были Магомед Омаров, Абдулла-Гаджи Шейхилов, Айшат Абдуразакова, Дибир Магомедсаидов, Махатиллов, Магомед Ганипалов.

О происхождении названия селения у согратлинцев наиболее распространена следующая версия: «Сел» на местном диалекте означает крутое, овражистое, малодоступное место, отсюда и первоначальное название их селения — «Салукь».

Труднодоступное место было избрано первопоселенцами Согратля не случайно: времена были беспокойные, и люди в полной мере ощущали тяжесть феодальных междоусобиц и раздробленности.

Вот предание, характеризующее тогдашний образ жизни согратлинцев.

На хуторе Бизала жил пастух, у него была собака. Однажды на его стадо напали неизвестные люди. Они убили пастуха и угнали овец. Собака бросилась в селение, держа в зубах кинжал хозяина и всем своим поведением давая людям понять, что случилось несчастье. Люди прибыли на место трагедии, но было уже поздно.

С того времени в Согратле был установлен адат: дабы избежать повода для кровопролития, считать, что если чужое стадо забредет на согратлинскую территорию, то оно переходит в собственность согратлинского общества, если же согратлинское стадо окажется на чужой территории, то оно переходит соответственно в собственность владельцев этой земли.

Первоначально в Согратле было три тухума: Бадарил, Килдир и Адухунал.

Раньше на данной территории было около трех десятков хуторов и селений. Большинство из них в настоящее время представляют собой развалины. Однако некоторые селения существуют поныне. К таковым относятся: Пиридулмахи («хутор молнии»), Обоноб (от названия растения), Гургул-Раала (по одним объяснениям — «вершина ветра», по другим — «вершина Георгия»), Рухти-Раала, Хурутль («урожайное место»), Карзада, Асунав, Цукоб, Кудаб-нухала («большая пещера»), Хициб, Безсло, Рухи-чудала.

Между жителями некоторых селений установились родственные отношения. Для безопасности часть хуторов объединились в один аул, расположенный в труднодоступном укрепленном месте.

Существует предание, что в период объединения этих хуторов в единый аул Силукь (нынешний Согратль) его жители исповедовали христианство грузинского толка. Называют даже имя грузина-феодала Митли, кото-

рый жил на окраине селения (отсюда и название этой территории — «Митлиб»).

Из преданий о междоусобицах наиболее выразительны легенды о судьбе аула Бацада. Вначале это был крупный, сильный и богатый аул, которому принадлежало много земли. Но в результате многочисленных войн он терял свои преимущества, постепенно они перешли к согратлинцам.

Первого проповедника ислама в Согратль, по преданию, прислал из Кумуха сам легендарный АбуMuslim. Согратлинцы, однако, убили этого посланца. Но через некоторое время они все же были вынуждены принять ислам. Якобы из-за того, что они приняли ислам добровольно, АбуMuslim не поставил над ними «хана» — таким путем согратлинское общество сохранило независимость.

* * *

О нашествии Надир-шаха и его поражении в Согратле существует множество преданий. Приведем некоторые из них.

Надир-шах, дойдя до Хициба — полей на правом берегу Согратлинской речки, начал наступление на Андалальские земли через Турчидагский перевал. Одновременно он послал гонца к согратлинцам с меркой пшена. Это должно было означать, что войско Надир-шаха столь же многочисленно, сколько зерен в мерке, и сопротивление ему бессмысленно.

Согратлинцы вернули ему мерку с зерном, передав впридачу общипанного, голодного петуха, который на глазах опешившего «инокорителя вселенной» быстро склевал все пшено. Это должно было означать: как голодный петух склевал пшено, так и дагестанцы истребят многочисленное войско иранцев.

Вместе с пшеном Надир-шах послал согратлинцам пространный фирман, в котором угрожал им и предлагал сдаться, предупреждая, что сопротивление будет для них равносильно катастрофическому поражению.

Согратлинцы не стали писать длинного ответа, а послали Надиру лишь короткую записку со словами «Ини ва ин» (буквально: «Если... , а если...»). Ни сам Надир, ни его придворные долго не могли понять послания согратлинцев, пока один из наиболее ученых иранцев не сообразил, что это намек на известную цитату из ко-

рана, смысл которой таков: если люди идут по правильному пути — бог на их стороне, а если нет — то им следует винить лишь самих себя.

После этого стало ясно, что сражение неминуемо.

По обычаям времени, битва началась поединком. Иранцы выставили своего самого сильного воина. На встречу ему вышел один из согратлинцев по имени Магомед Гази. Самоуверенный иранец прокричал в его адрес: «Если у тебя есть жена и дети, то жена твоя останется вдовой, а дети — сиротами!» Согратлинец бросился на противника, одолел его и кинул в речку.

После этого враждующие стороны столкнулись на полях Хициба. В сражении, кроме согратлинцев, во главе которых стоял Магомед-кади, приняли участие представители едва ли не всех дагестанских земель, затронутых нашествием Надира. Предание называет хочешь, ополченцев из Хунзаха, остатки отряда Муртузали Кумухского. Бой был упорным и ожесточенным. Дагестанское войско сражалось из последних сил. В самый критический момент битвы на помощь дагестанцам со всех сторон, из всех окружающих аулов и хуторов двинулись женщины, переодетые в мужскую одежду и вооруженные чем попало. Их вмешательство и решило исход боя: иранцы начали отступать. Дагестанцы преследовали их до окрестностей Мегеба, где поражение войска Надир-шаха стало очевидным.

* * *

При Шамиле наибом над согратлинцами был Абдула, его сменил Хурш, тоже согратлинец. Позднее наибом сюда был послан Курбанил-Магомед из Бацада.

3. МЕГЕБ

Моими информаторами в Мегебе были Санд Муртузалиев (70 л.) и Маър Гаджиев (70 л.).

В прошлом аул Мегеб был знаменит тем, что здесь жил один из крупных ученых — Дамадан, известный как переводчик с фарси на арабский язык труда Улугбека по астрономии, книги «Зидж» и трудов по медицине. Умер он в Гяндже в 1725 году. К сожалению, подробные записи, относящиеся к его биографии, у меня не сохранились, — лишь часть преданий, связанных с его именем, уцелела в моих заметках.

В какой-то мере, однако, и они проливают свет на отдельные стороны жизни известного ученого. По преданию, Дамадан учился в Закавказье, а затем с целью пополнения образования побывал в Турции и в Иране. Он даже был приглашен ко двору шаха. Далее легенда гласит, что в него влюбилась шахская дочь и он тайно увез ее в Дагестан. Узнав о ее исчезновении, шах долго не мог выяснить у придворных, где его дочь. Наконец один человек сказал, что видел, как ее вез некий дагестанец. Шах тут же послал трех человек в Кази-Кумух, чтобы те тайно разведали, где находится его дочь и похититель. Посланцы отыскали их в Мегебе и сообщили об этом шаху. Тот немедленно собрал войско для похода, чтобы выручить дочь, но она неожиданно умерла. Разгневанный шах огнем и мечом вторгся в Дагестан. Шахом этим предание считает Надир.

Удивительно переплелись в этой легенде реальные факты из биографии Дамадана с явно сказочной фабулой и воспоминаниями об историческом событии, тяжелом бедствии — нашествии Надир-шаха.

Другое мегебское предание повествует, что некогда близ селения находился источник воды, которая вызывала безумие у каждого, кому приходилось ее пить. По этой причине в селении постоянно происходили многие несчастья. Джамаат Мегеба обратился к Дамадану как к выдающемуся ученому с просьбой сделать так, чтобы источник этот исчез. Дамадан согласился сделать это и в конце концов уничтожил источник.

В этом предании сквозит восхищение народа перед могуществом науки.

* * *

О нашествии Надир-шаха сохранились и достоверные предания, которые отличают убедительные детали и подробности. В основном эти предания совпадают с записанными в Согратле, отличаясь лишь некоторыми дополнениями и вариантами, из которых наиболее интересные мы приводим здесь.

Надир, идя от Кумуха, устроил ставку на вершине горы Чалда-меэр. В Согратле находился тогда глава андалальцев — согратлинский кади Дибир-Муса. Сюда постепенно собирались воины со всего Дагестана, здесь было принято решение о генеральном сражении. Полем сражения должна была стать местность Хициб, отделяв-

шаяся от старого Согратля (ныне развалины) лишь речкой и представляющая собой ее террасу, наклонную, впоследствии возделанную земледельцами, ограниченную рекой и довольно крутыми склонами горного отрога. Ни сам Хициб, ни тем более прилежавшая к нему местность не позволяли применять ни кавалерию, ни многочисленную пехоту: рельеф поневоле должен был разбить сражающихся на небольшие группы, лишив тем самым противника преимуществ маневра крупными силами и сделав решающим фактором личную инициативу воина, его личную храбрость и индивидуальную воинскую подготовленность, т. е. все то, в чем дагестанцы превосходили иранцев.

Любопытно отметить, что накануне решающего сражения горцы мелкими стычками завлекали наступающие иранские войска к Хицибу — месту генерального сражения. Однако шах заподозрил какую-то ловушку, приостановил наступление и начал переговоры, истинной целью которых был не мир, а выяснение положения и намерений горцев. На переговоры с иранцами отправилась немногочисленная, но представительная группа горцев, во главе которой был один из военных руководителей. Вся группа вероломно была убита захватчиками. Когда известие об этом дошло до Согратля, кади сказал: «Теперь между нами не может быть мира. Пока рассудок наш не помутится, будем воевать и уничтожим вторгшегося врага!»

Описания сражений в мегебских и согратлинских преданиях совпадают.

После того как иранцы на Хицибском поле дрогнули и начали отступать, оказалось, что дорога, по которой они пришли, отрезана подкреплением из Хунзаха, а перевал занят лакцами из Ури и Магар-аула. Отступающие поняли, что они окружены. Недалеко от Мегеба, в местности Магева-Кана-хури произошло финальное сражение, решившее окончание битвы. Следует отметить, что в этой местности до последнего времени часто попадаются человеческие кости, окислившиеся обломки железа и наконечники копий.

III. ПОЕЗДКА ПО АУЛАМ ХУНЗАХСКОГО РАЙОНА

Первые мои работы, относящиеся к истории аварского народа, были написаны тогда, когда я еще не совсем представлял себе Аварию. Правда, здесь мне пришлось побывать в нескольких населенных пунктах в 1935 году в составе этнографической экспедиции Е. М. Шиллинга.

Однажды для меня наступил период, когда оказалось недостаточно общедоступного книжного и архивного материала. Появилась необходимость воочию увидеть места исторических событий, глубже окунуться в древность, посетив сохранившиеся до наших дней памятники старины, яснее представить прошлое аварцев и других народов Дагестана. Так летом 1955 года я решил совершить поездку по аулам Хунзахского района по маршруту: Хунзах — Цада — Гиничутль — Ахальчи — Сиух — Шотода — Обода — Тануси — Гонох — Батлаич — Харахи — Орота — Гоцатль. Дружески содействовал организации этой поездки Гаирбек Арбулиев, работавший тогда секретарем райкома партии. Но историк не способен просто ездить и смотреть: он постоянно бывает занят поисками каких-то новых сведений: преданий, эпиграфики, подъемного археологического материала, рукописей и документов. В исследователе всегда живет надежда обнаружить и восстановить забытые страницы истории, ввести в оборот науки новый материал.

Кроме того, я помнил, что мне предстояло побывать на территории бывшего Аварского ханства, а ведь нигде в Нагорном Дагестане феодализм не достигал столь развитых форм, как здесь. Поэтому меня не покидала надежда собрать необходимый материал по выяснению специфических, конкретных форм феодального развития и социально-политического строя, сложившегося здесь в прошлом и относительно слабо затронутого воздействием внешних факторов. Меня интересовали также воз-

можные остатки каких-либо сведений о раннесредневековом Серире, которые помогли бы пролить свет на вопрос о преемственности развития политической власти в Нагорном Дагестане.

Поездка эта вполне оправдала мои ожидания. Ниже привожу наиболее интересные, с моей точки зрения, извлечения из своего полевого дневника.

1. ХУНЗАХ

Хунзах — в прошлом столица Аварского ханства, один из древних и значительных экономических, политических и культурных центров Дагестана. Отсюда вышла целая плеяда исторических личностей, сыгравших заметную роль в истории Дагестана — не случайно этот аул известен за пределами Аварии, главным образом произведениям А. Бестужева-Марлинского и Л. Толстого.

Сведения о прошлом Хунзаха почерпнуты главным образом у З. Алиханова, Б. Качалова, Г. Арбулиева, Г. Исмагиева и М. Дибирчу. Использованы также мои личные наблюдения.

* * *

По преданию, до появления ислама в Хунзахе жили «грузины» (имеются в виду хунзахцы, исповедовавшие христианство, шедшее из Грузии). Интересно сопоставить с этим предполагаемым фактом не только общеизвестные факты находок каменных крестов и грузинских надписей в окрестностях Хунзаха, которые исследовали и опубликовали акад. А. С. Чикобава, проф. Т. Е. Гудава и Д. М. Атаев, но также и сообщение русской экспедиции 1828 года о том, что в кладке стен хунзахской мечети были обнаружены камни, на которых отчетливо выделялись изображения крестов с грузинскими надписями.

Вокруг Хунзаха кое-где сохранились развалины башен и небольших укреплений. Раньше их было значительно больше. Во время войны и грозивших опасностей в этих развалинах укрывались женщины и дети.

* * *

Хунзах делится на пять частей: Хорик (место, где расположено озеро), Самплак, Шотода, Шуларта (здесь

был расположен укрепленный дворец нуцала), Шарака (также вблизи озера).

Когда ислам достиг Хунзаха, то, по преданию, первыми его приняли жители Самилака. Здесь же была воздвигнута первая хунзахская мечеть (по свидетельству Заирбека Алиханова, она была выстроена в 1526 или 1527 году).

Другим памятником, свидетельствующим о введении ислама в Хунзахе, является известная гробница, приписываемая Абумуслиму, где хранятся его сабля и халат. Менее известна могила современника Абумуслима — Амир-Ахмеда, также находящаяся в Хунзахе.

* * *

Одним из наиболее интересных для меня вопросов был вопрос перенесения столицы ханства в Хунзах, обстоятельства перенесения политического центра, степень преемственности развития местной государственности от Серира до Аварского нуцальства, а также взаимоотношения Хунзаха и Тануси.

Но в самом Хунзахе мне не удалось напасть на след каких-либо преданий и фактов, относящихся к этой проблеме и поясняющих известное место из «Тарихи-Дагестан» о Тануси как первоначальной резиденции аварских правителей. Складывалось впечатление, что хунзахцы никогда не имели понятия о существующем прежде другом политическом центре, — это удивило меня.

Однако, исходя из наличия в Хунзахе значительного количества памятников, связанных с введением ислама, а также из того, что местные исторические предания возводят непрерывную местную историческую традицию ко времени распространения ислама, можно предположить, что вторичное возвышение Хунзаха относится к периоду окончательного утверждения ислама.

Одно ясно, что за Хунзахом закрепилось старое племенное название «Хунз». Общество Хунз было самое многочисленное среди остальных обществ (Хиндалал, Хедалал, Нака-Хиндалал).

Существует и другое предание, которое гласит, что после введения ислама в Аварии появился человек из рода Сураката, звали его Ханзах. Ханзах якобы и положил начало хунзахской династии нуцалов. Предание это, однако, нуждается в критическом осмыслении.

* * *

Наиболее влиятельными тухумами в Хунзахе считались Маджарилал, Дайтилал и Угузилал.

Происхождение Маджарилал не вполне ясно: по местному преданию, они появились в Хунзахе как многочисленный тухум, однако через некоторое время большинство из них ушли в «землю маджаров» — в Хунзахе же осталось меньшинство.

Свидетельство слишком скудно, чтобы дать основания связать их с участниками переселения маджаров в IX веке в Паннонию или же с жителями г. Маджар на Центральном Кавказе, разоренного в конце XIV века во время нашествия Тимура. О бегстве его обитателей и расселении их в разных частях Северного и Восточного Кавказа у многих кавказских народов существуют легенды.

Предание о Дайтилал (Дайтиевых) гласит, что этот тухум вместе с тухумом Угузилал во время нашествия Надир-шаха взял на себя инициативу сплочения народа и организации ополчения, отличившегося в решающей битве у Согратля. Многие Дайтиевы героически погибли. О них сохранились также предания в Чохе, Мегебе и Согратле.

Название тухума Угузилал наводит на мысль о турках-огузах; примечательно, что в Хунзахе, желая припугнуть и утихомирить расшалившегося малыша, иногда употребляют поговорку, буквально означающую: «Тише, огузы идут!»

* * *

Любопытным пережитком старины является хунзахский обычай — при продаже домашнего животного отрезать клочок шерсти и оставлять его дома. Считается, что это оберегает дом от разорения и способствует зажиточности (видимо, по представлениям древних, этот клочок шерсти символизировал целое животное).

* * *

Дворец нуцалов и джума-мечеть в Хунзахе не сохранились, однако население помнит местонахождение обоих этих значительных памятников феодальной эпохи.

На месте джума-мечети ныне разбит огород, и мне не удалось обнаружить там сколько-нибудь выразительных

строительных остатков. От ханского же дворца уцелело небольшое количество камней, в том числе подпятник ворот — массивный камень с углублением, в которое упиралась ось одной из створок.

Зато сохранился Тажал-Гамач («опора жестокости») — массивный камень с отверстием; на этом камне некогда восседал хунзахский хан, творя суд и расправу. По преданию, на площадке напротив этого камня по приказу хана некогда был сожжен Хочбар. Позднее по приказу второго имама Гамзат-бека здесь была казнена ханша Баху-бике.

* * *

Население Хунзаха делилось на следующие сословные категории: хан, беки, чанки, уздени, лаги. В нем полностью были представлены все иерархические ступени феодального общества. До сих пор известны земли, уголья, селения, которыми владел хан. Лучшие ханские сады находились в Голотлинской долине, в четырех километрах от Хунзаха, у селения Хиниб, а также в Голотле, Цельмесе, Тлохе, Гоцатле. Земли «Матлис» были ханскими сенокосными участками и пастбищами. Гора Ак-ру-меэр напротив Хунзаха целиком была пастбищной горой хана. Земли «Хахита», «Нак-меэр», «Грутли» использовались как пахотные и пастбищные и также принадлежали хану.

Селения Ках и Хиниб были населены лагами — рабами хана. Уздени в определенной степени также находились в зависимости от хана. Вот некоторые любопытные (но далеко не полные) сведения о зависимости населения от хана, сохранившиеся в памяти Б. Качалова: хунзахцы должны были ежегодно давать хану по три фунта меда «с каждого дыма», а жители Хиндаха и Коло — по полсабу золы орехового дерева для стирки.

* * *

О жестокости ханской власти говорит такое предание. Однажды за ослушание хан посадил в яму семерых хунзахцев. («В том числе моего прадеда Гаджиева», — добавил 75-летний информатор Б. Качалов.) Вскоре все семеро по приказу хана были убиты палачами, которых назначали из числа лагов с. Ках. Ночью ханские палачи тайно подбросили трупы казненных к их дворам.

Информаторы показали мне следы ханских ям, игравших роль тюремных камер — в 1955 году они еще были заметны. Старожилы показывали мне также хунзахскую скалу, откуда сбрасывали горцев по велению хана.

* * *

Судя по преданиям, многовековая власть ханов все же не смогла истребить традиций общинного самоуправления в Хунзахе и окрестных аулах.

В Хунзахе существовали чухби (чукби) — знатоки и блюстители адата и судьи по адату.

В определенное время суток — от восхода солнца до полудня — чухби собирались в общественном месте, решали все спорные вопросы и давали необходимые указания.

Если дело было особо важным или между судьями возникли разногласия, то они привлекали к решению сельского бегаула (если дело решалось по адату) или дибира (если дело решалось по шариату).

Тюркский термин «бегаул» употреблялся у аварцев в значении «старейшина», или «уполномоченный с исполнительной властью».

Если сопоставить факт наличия общинных должностных лиц и судей с договорными документами, где «нущал» и «хунзахцы» упоминаются раздельно (текст одного из них я приводил в книге «Легенды и факты о Дагестане»), то напрашивается вывод об относительной самостоятельности сельского общества по отношению к ханской власти. Во всяком случае, даже в столице ханства традиционные общинные институты не были полностью ханской администрацией и в какой-то мере временами могли ограничивать феодальный произвол.

* * *

Одна из записанных мною легенд касается отношений между иранским шахом и аварским ханом. Шах якобы пожелал, чтобы аварский хан прислал ему коня, который был бы ни вороной, ни белый, ни гнедой, ни серый, ни... (далее перечисляются все мыслимые лошадиные масти). Нущал ответил, что готов исполнить это желание, но пусть посланцы шаха явятся за таким конем ни в понедельник, ни во вторник ни... далее перечисляются все дни недели).

В этой легенде нашел свое отражение бытующий у многих народов сказочный сюжет, и нет даже следа действительного исторического факта. Но, на наш взгляд, поспешно было бы делать вывод, что легенда вовсе лишена всякого исторического значения: суть политических взаимоотношений с шахом, его нереальные претензии и самостоятельная политическая позиция феодальных государств Дагестана схвачены народом очень точно. Это один из примеров того, как просто и точно народ дает оценку, казалось бы, самым сложным историческим явлениям.

* * *

Учитель хунзахской школы Заирбек Алиханов любезно ознакомил меня с коллекцией подлинных документов на арабском языке либо подробно переводя их, либо ограничиваясь смысловым переводом.

Этот пожилой учитель — любитель родной истории и фольклора — спас от гибели интереснейшие исторические источники:

письмо хунзахского хана сыну Нуцал-хану с просьбой прислать ему подкрепление к с. Голода;

совет Ахмед-хана Нуцал-хану заключить союз с цудахарцами и кундинцами и не рассчитывать на обманщика-шамхала, ибо «шамхал говорит правду лишь тогда, когда обмануть нет никакой возможности»;

обещание обществ Хедалал (аулов Обода, Гортколо, Ахальчи, Шотода, Сиух) поддержать Султан-Ахмед-хана в борьбе с царскими войсками; в состав Хедалала в старину входили Ацалук, Танус, Батлаич;

требование от имени «Хундрилал (Хунзилал?) бо» к с. Накитль выплатить дань — девяносто мерок зерна независимо от состояния хозяйства и числа людей со дня заключения договора;

ответ дибиров, хаджи, алимов и старейшин одного из обществ, «особенно же от автора письма имама Ануш-Айюба», Магомед-нуцалу;

требование военачальника Магомеда, сына Кидали, и Али, сына Маку, от имени джамаата с. Гигатли к Нуцал-хану вернуть беглеца-лага с имуществом.

Перевод ханской родословной и еще трех небольших документов из коллекции З. Алиханова мы помещаем в соответствующем разделе книги.

• • •

Предание говорит, что хинибцы — это бывшие пленные грузины, позже ставшие рабами хунзахских феодалов. Есть и другое предание, свидетельствующее, что хинибцы — это те же хунзахцы, но попавшие в кабалу к нуцалам.

* * *

В Хунзахе мне рассказали, что с. Накитль было основано выходцами из Хунзаха и все его жители считались подданными хана. Причем, передают, что накитлинцы платили по мерке («къали») зерна (16 кг) с каждого двора. Платили они каждый раз не одному и тому же лицу, а всякому хунзахцу, приходившему в село. Таким путем ханские люди могли несколько раз в год брать магалу с одного и того же лица. К тому же по первому требованию зерно еще надо было смолоть.

2. ЦАДА

В Цада я побывал вместе с моим другом — литератором и фольклористом А. Ф. Назаревичем. Цада известен как родина двух замечательных поэтов — Гамзата Цадасы и его сына Расула Гамзатова.

Гамзата Цадасу я знал хорошо еще с довоенных лет. После войны мы жили в одном доме. У него был дар располагать к себе любого: сразу покоряла его манера держаться, степенность, умение приобщаться к людям — одним словом, впечатляющая внешняя культура. Вскоре собеседник начинал ощущать и глубокую внутреннюю культуру Гамзата: его ум, житейскую мудрость, классическую, глубоко усвоенную восточную образованность. Очень часто я заставлял его за чтением рукописных книг, в которых он постоянно делал пометки. Я сам неравнодушен к рукописям. По моей просьбе Гамзат охотно пояснял мне документы на арабском языке, убедительно комментируя непонятные места. Когда речь заходила об истории Дагестана, он буквально оживал. Некоторые исторические сведения, относящиеся к прошлому Цада, я впервые услышал от него — было бы справедливо назвать его моим первым информатором.

Другое дело — его сын Расул. Он вырос в иное время, с детства был очень энергичен и подвижен. Жи-

востью характера и общительностью он привлекал к себе всеобщую симпатию. Рано обнаружилась у него любовь к меткому слову и шутке — видимо, отцовское наследие.

Таким же оставался он, сопровождая нас в Цада, когда мы гостили у него. Мы привыкли постоянно видеть Расула в общении с односельчанами-колхозниками, завсегдатаем и заводилой везде, где собираются люди, ловящим каждое удачное слово, каждый штрих народного культурного наследия.

Здесь уместно сказать, что многое из собранного не утомимым Расулом (главным образом то, что относилось к истории Цада) попало в мой полевой дневник. Он был одним из самых результативных моих информаторов, добровольным и неутомимым гидом и переводчиком.

Он же познакомил меня с информаторами Али Гусейновым (75 л.), Мусой Магомедовым (65 л.), Гамзат Дибиром Максудовым (76 л.), Максудом Гамзатовым и другими цадинцами.

* * *

В Цада существовал такой обычай: в декабре, в день зимнего солнцестояния, зажигать костер на горках Хамир-хо и Бариян. Такого обычая придерживались и соседние аулы. Огонь по-аварски «ца». Считается, что либо от этого, либо оттого, что селение расположено на солнечном склоне, происходит его название «Цада».

Недалеко от Цада имеется огромный камень, за которым укрывались дозорные. В их обязанности входило извещать жителей аулов Хунзахского плато о приближении врага. Возможно, что этот сторожевой пост положил начало нынешнему аулу.

* * *

Первыми поселенцами Цада предание называет выходцев из Хунзаха, из тухумов Угуз и Чудаха. У Угуза было десять сыновей, а у Чудаха — десять дочерей. Их потомками являются нынешние цадинцы. Гамзат Цадаса принадлежал к тухуму Угуз.

* * *

Цадинцы пользовались у соседей репутацией порядочных, уравновешенных людей. Поэтому, если между

соседними сельскими обществами возникали споры, то арбитров по традиции чаще всего приглашали из Цада. Обязанности примирителя в свое время приходилось выполнять и Гамзату Цадасе. По общему мнению, он прекрасно справлялся с этим делом: помогал его большой авторитет среди окрестного населения.

* * *

В Цада было записано следующее интересное предание, касающееся истории Аварии в целом.

При Умма-хане наиболее значительными были три бо — Хунзахское, Гидатлинское и Ахвахское. Между Гидатлем и Ахвахом некогда начались ссоры, и гидатлинцы стали одолевать ахвахцев. Последние обратились за помощью в Хунзах, к Умма-хану. Гидатлинцы были разбиты.

В знак благодарности Ахвахское общество выделило в подарок каждому воину Умма-хана по одному барану. Однако войны не получили подарка: всех баранов Умма-хан присвоил себе. После этого Умма-хан стал требовать от ахвахцев, чтобы те ежегодно выделяли ему такое же количество баранов. При этом он заявил, что таков был договор, когда ахвахцы просили его о помощи против Гидатля.

Однажды, остановившись в с. Джалатури со своей дружиной, Умма-хан потребовал от жителей плату за пользование водой — по ритлу зерна с хозяйства (что составляет полмерки, т. е. приблизительно 6 кг). В ауле имелся всего один источник воды, который дружина при желании легко могла бы перекрыть. Жители вынуждены были согласиться на требования Умма-хана. С тех пор ханская дружина каждую осень ходила в Ахвах за данью, а на обратном пути в Хунзах останавливалась в с. Джалатури, требуя с жителей зерна и кур.

* * *

Напротив с. Цада поселились Чупановы из рода хунзахских ханов. Как-то у одного из них родился сын, и Чупанов пригласил Угуза из Цада. В качестве подарка по этому случаю Угуз уступил Чупанову свой пастбищный участок «Жанимегъ» на одну осень. Позже это послужило поводом для захвата Чупановым и данного, и других цадинских пастбищ и присвоения их навечно. Цадинцы ничего не могли поделать с ханским родствен-

4*

ником, но так как без пастбищ обойтись было невозможно, то вынуждены были отныне за осеннюю пастьбу скота на этой земле обрабатывать у Чупанова участок земли (приблизительно в два гектара).

Цадинцы еще в царское время многократно обращались к окружному начальству с просьбой о восстановлении справедливости: о возвращении захваченных Чупановым земель, но безрезультатно.

Напротив, после окончания войны в Дагестане земли между Цада и Геничутлем, находившиеся в совместном пользовании этих селений, царские власти отобрали и передали Инкачул Дибирю в награду за активную помощь в подавлении движения Шамиля.

При Советской власти земли Чупанова и Инкачула стали достоянием колхоза с. Цада.

* * *

В Цада в свое время частым гостем был знаменитый поэт Махмуд из Кахаб-Росо. Цадинец Салих Каймазов был кунаком Махмуда.

* * *

В одной из своих книг я кратко упоминал о древнем обычае амушинцев. Сообщу о нем подробнее. Максуд Гамзатов, начальник районного отдела милиции, сообщил мне со слов 138-летней женщины по имени Чака из с. Амуши следующее.

В этом селении существовал такой обычай: стариков достигших преклонного возраста, клали в корзину из прутьев и сбрасывали со скал. К моменту моей записки эта женщина была еще жива, но жила в с. Цельмес.

* * *

Цадинские старики рассказывали мне, что во время осады Хунзахской крепости бандой Гоцинского сельчане по совету Гамзата тайно от врагов снабжали продовольствием осажденных красных бойцов.

* * *

Небезынтересны и сравнения стариков-цадинцев старшей жизни односельчан, которую они хорошо помнят с жизнью наших дней.

Старики говорили мне, что раньше они не знали даже того, что происходит в пределах их округа, сейчас

же в Цада есть радио, и жители в курсе событий всего мира. «Порой у нас болит сердце: так сильно мы переживаем то, что происходит в Индокитае, Индонезии и других местах», — рассказывали старики.

Раньше после окончания полевых работ цадинцы, чтобы свести концы с концами, уезжали на заработки в Грозный, Владикавказ, работали на железной дороге или на строительстве каменщиками. Своего хлеба не хватало — ездили за кукурузой в Чечню. Сейчас все по-иному: доходы жителей заметно возросли, и покидать Цада с целью заработков давно уже никому и в голову не приходит.

В последнее время изменения происходят еще более быстрыми темпами. Такой пример. Когда магазин только открылся, товары туда завозили на лошадях. Сейчас их доставляют автомашины. Недалеко то время, когда по воду приходилось ходить на речку за два километра. Бывали случаи, когда в суровую зиму речка полностью промерзала, и воды не оказывалось ни в ней, ни в роднике, расположенном в семи километрах от селения. Тогда аул бедствовал. Но с тех пор как проложили водопровод, родниковая вода постоянно поступает в аул. В постройку водопровода существенный вклад внес Гамзат Цадаса.

3. ГИНИЧУТЛЬ

Посещение Геничутля было для меня самым плодотворным. Заирбек Алиханов познакомил меня здесь с замечательным человеком — заслуженным учителем ДАССР Мансуром Гайдарбековым. Гайдарбеков большой знаток истории аварских земель, он в совершенстве владеет арабским языком, много лет посвятил учитель собиранию исторических, этнографических сведений, фольклора, рукописей и документов. У него богатый личный архив восточных рукописей. М. Гайдарбеков щедро снабдил меня сведениями самого разнообразного характера о своем селе, а в еще большей мере — о других аварских землях. Он перевел по моей просьбе некоторые документы из своей коллекции. Его переводы мы поместили в соответствующем разделе книги.

Материал, записанный мной в Геничутле, также имеет отношение к истории сел. Ругуджа, Гопатль, Ках, Сиух, Телетль, Гонода, Хунзах.

Вот что поведал мне М. Гайдарбеков об истории своего аула.

Вокруг современного Гиничутля до сих пор можно обнаружить развалины древних поселений.

На развалинах поселения Гьялла М. Гайдарбековым был найден камень, на котором изображен крест с грузинской надписью (камень передан в Республиканский краеведческий музей).

С развалинами другого аула — Чинараала — связана такая легенда: некогда это был процветающий аул, но однажды к нему подступили враги, и жителям пришлось бросив все, уйти в другое место. Но перед уходом одна старуха бросила на землю, где пробивался многоводный сельский источник, грязное одеяло, чтобы враги не заметили источник и не воспользовались водой.

Вернувшись в аул, жители увидели, что источник высох. Поневоле им пришлось бросить свои дома навсегда и поселиться на месте современного Гиничутля.

Вблизи Гиничутля были также развалины третьего аула Палагарт.

По преданию, основателем современного аула Гиничутль был выходец из Хунзаха по имени Чисті-Гисий.

Само слово Гиничутль происходит от «ганчиик» — «под камнем», что точно соответствует его местоположению.

Предание гласит, что сначала Гиничутль полностью зависел от Хунзаха: вплоть до истребления аварских ханов гиничутлинский кадий назначался хунзахским кадием и был ему подчинен; входя в состав ханства, жители Гиничутля платили подать нуцальскому дому, а затем кадию; даже хоронить своих покойников гиничутлинцы должны были в Хунзахе. Однажды между Гиничутлем и Хунзахом возник спор из-за земельного участка «Алаат»: злоупотребив своим преимуществом метреполи, хунзахцы без всяких разбирательств самовольно вспахали эту землю и стали ею пользоваться. Жители Гиничутля начали открытую вооруженную борьбу против зависимости от Хунзаха и подчинения хунзахскому кадию. Им удалось избавиться от всех форм зависимости, прежде всего от обязанности платить подати. В этой борьбе их поддерживали жители соседних аулов, в особенности с. Батлаич.

Во время постройки новых домов в с. Гиничутль были найдены древние могилы и высохший источник, обложенный со всех сторон камнями, причем на этом месте было обнаружено не менее десяти человеческих черепов. Напрашивается сопоставление этого сообщения с приведенной в начале легендой.

* * *

Вышеприведенные сообщения о Гиничутле — это лишь небольшая часть устных и письменных исторических сведений, относящихся к истории Аварии, которые удалось записать у М. Гайдарбекова. Некоторые из них мы приводим ниже.

М. Гайдарбеков рассказал, что в 1934 году в Ругудже ему пришлось встретиться со стариком по имени Булач, который, по его словам, оказался последним потомком ругуджинских ханов. Булач рассказал Гайдарбекову, что самыми дальними предками — ханами, которых он помнит, были братья — ханы Андил-Али и Андил-Иса. У Андил-Исы был сын Тахту, а у Андил-Али — сын Султанил-хан. У Султанил-хана были жена Меседу и сын Магомед-Мирза. Сам рассказчик — Булач — является внуком Тахту.

Случилось, что Тахту убил одного ругуджинца. После этого Тахту пришлось укрыться в одной из башен, где он сидел четыре года. С ним был лишь один человек — оружейник и золотых дел мастер. Тахту был обнаружен лишь при истреблении ругуджинских ханов Гамзатбеком.

Возможно, из-за невольного отстранения Тахту от общественной жизни в рассказе Булача в качестве феодала-правителя фигурирует только Султанил-хан. По словам Булача, все родственники Султанил-хана носили прозвище «хиндилсил», т. е. «ханского рода». У Султанила был дворец и трон; рядом с дворцом возвышались башни. Остатки дворца сохранились до сих пор. Кроме того, в Ругудже была отдельная кулла, постоянно затвора на замок, где имели право производить омовение только хиндилсил. На ругуджинском годекане находился камень, специально предназначенный для использования его в качестве скамьи для Султанила.

Советником у Султанил-хана был Элдари-Магома, которого называли также Чуна Чезр.

Султанилу принадлежали местности Бокнеб (пахотные земли), Мачи мечі (пастбища) и Мачаниб-руху (лес).

Когда на Ругуджу двинулись воины Гамзат-бека, между ними и воинами ругуджинского хана в местности Колоб майдан произошла битва, в которой, как известно, ругуджинцы потерпели поражение.

* * *

В Гиничутле мне удалось пополнить свои записки о прошлом с. Гоцатль.

Желая сделать Гоцатль центром своих владений, беки построили там мечеть для мелких окрестных поселений, а существовавшие в них ранее небольшие мечети закрыли. Этот факт является интересным примером утилитарного отношения феодалов к религии как к политическому рычагу.

* * *

Одной из привилегий гоцатлинских феодалов считалась следующая: если нуцалчи («нуцияв») или чанки привозили свое зерно на мельницу в то время, когда на ней поочередно молили зерно уздени, то помол прекращался, остатки перемалываемого зерна возвращались хозяину, и сразу же начинался помол зерна феодала.

* * *

Готовность узденей к защите своих прав, видимо, сдерживала феодальный произвол. Мне рассказали такой случай. Один гоцатлинский уздень пахал землю. Нуцалчи прислал человека с повелением прекратить пахоту. Уздень резонно возразил, что если не вспахать землю сейчас, то потом будет поздно. Тогда на поле явился верхом на коне сам нуцалчи и обратился к пахарю: «Я ведь велел прекратить пахоту!» Уздень ответил: «Вон на дереве висит ружье, оно дает мне право пахать. Если хочешь отменить это право,— тебе придется разговаривать с ружьем».

* * *

По преданию, гоцатлинские нуцалчи использовали любой повод для того, чтобы из каждого дела извлечь для себя выгоду. Не было ни одного случая смерти гоцатлинца, когда бы нуцалчи не вмешались в дележ на

следства, надеясь при этом поживиться частью его. Это, естественно, вызывало разногласия.

* * *

Земли, расположенные между р. Гала и нынешним шоссе на Хунзахском плато, принадлежали хану и обрабатывались его лагами из с. Ках. Большая часть этих земель во времена Шамнля перешла в «байтулмал» (казну имамата). После окончания войны они стали использоваться гоцатлинскими лагами, но затем были выкуплены офицером царской армии Казияевым—выходцем из с. Ках.

* * *

Несколько преданий было связано с именем Гамзат-бека, второго имама Дагестана, уроженца Гоцатля.

Как известно, сестра Умма-хана Бахтика была выдана замуж за Ибрагим-хана Шушинского. Провожать Бахтику в Карабах отпирвилось много ханских подданных, среди которых было немало гоцатлинцев; все они вернулись с богатыми подарками.

Однако Бахтика любила другого человека—брата Алискендер-бека Гоцатлинского. Она не скрывала своих чувств, долго не соглашалась на брак с Ибрагим-ханом. Ее брат Умма-хан знал об этом, но не посчитался с чувствами сестры и выдал ее замуж насильно. На эту тему существует народная «Песня о Бахтике».

Брат Алискендер-бека, сумев попасть в число провожатых, последовал за любимой в Шушу. В Дагестан он не вернулся: поселился в Шуше и жил там около года. Об этом узнал муж Бахтики—Ибрагим-хан. Он подошел к возлюбленному Бахтики убийц, которые умертвили его.

Разумеется, об этой истории и о трагической смерти брата узнал и Алискендер-бек. У него сложилось убеждение, что Умма-хан помог убить его брата. Началась его вражда с хунзахскими ханами.

Существует также предание, в котором говорится о том, что гибель Умма-хана в Джаро-Белоканской земле произошла якобы от отравления и что к этому был причастен Алискендер-бек Гоцатлинский.

Как известно, Алискендер-бек был отцом будущего имама Гамзат-бека.

* * *

Однажды Алискендер-бек решил раздать часть своих овец беднякам в качестве zakata (милостыни). Он пригнал стадо на то место, где ныне стоит хунзахская крепость, и раздал овец бедным людям из двенадцати аулов, окружавших Хунзах.

Ханы расценили этот акт религиозного благочестия как политический жест — попытку Алискендер-бека привлечь на свою сторону рядовых крестьян, усилить свое влияние на них. Это очень не понравилось ханам и в еще большей степени настроило их против Алискендер-бека.

Алискендер-бек был женат несколько раз. Однажды он похитил в Грузии некую Хай, заставил ее принять ислам и женился на ней. Хай родила ему сына, Мурад-бека, погибшего позже в день истребления аварских ханов.

Мать Гамзат-бека была из рода гоцатлинских нуцалчи.

* * *

Некоторые из преданий, записанных мною в Геничугле, относились к Сиуху. Одно из них я опубликовал ранее (о сиухском чанке Фатали, которого иронически называли «разноцветным», намекая на сословное неравенство его отца и матери), привожу здесь остальные.

В Сиухе сложилась поговорка: «Свет изменчив в один и тот же год один хан пахал, другой убирал урожай, а третий молотил». В поговорке явно намекалось на частую смену феодальных правителей.

В период, когда аварские ханы были истреблены мюридами и хунзахский трон оказался вакантным, царские власти предложили его сиухскому беку Сурхаю, находившемуся в родстве с нуцальским домом. Тут же у Сурхая нашелся соперник — Анкалав.

* * *

С Сурхай-беком связано и объяснение одного топонимического названия — «Чодро-гох» (буквально: «шатровый холм»). Холм этот находился на горе Чора-меэр. По преданию, это было место летней резиденции Сурхая: здесь постоянно каждый сезон ставилась его палатка.

• • •

В Мушулинском сельском обществе тоже некогда были ханы. По преданию, они происходили от четырех семей — родственников нуцалов, переселенных в Мушули, чтобы служить здесь опорой хунзахского хана, управлять населением согласно ханской воле и в то же время иметь приличествующий феодалу доход.

Когда мюриды, по приказу Гамзат-бека, выступили против этих ханов, те оказали сопротивление, надеясь на помощь из Хунзаха. Они засели в боевых башнях и стали ожесточенно обороняться, так что мюриды, будучи не в силах захватить их с бою, стали думать о снятии осады.

Мушулинские ханы, по-видимому, не пользовались любовью своих подданных, — это их и погубило. Узнав о колебаниях мюридов, одна сельская старуха сообщила им, что у ханов не более чем на два дня боеприпасов. Мюриды воодушевились: теперь о снятии осады не могло быть и речи. Нарубив побольше деревьев в ханских садах и в лесу, они соорудили что-то вроде передвижных завалов, прикрываясь которыми сумели подобраться к самым башням. Затем мюриды подождли сырое дерево и под прикрытием этой дымовой завесы ворвались в башни и истребили ханов.

* * *

Подобные предания удалось записать о Телетле.

Телетлинцы должны были ежегодно по одному дню работать на своих ханов. У ханов Чупана и Анкалава была рабыня Куркучилай (вариант: Куркули-караваш), которая управляла ханскими кладовыми. Если кто-либо из телетлинцев не выходил на ханские работы в назначенный день, Куркучилай входила в его дом и разбивала самое ценное из посуды. У телетлинцев еще долгое время бытовала поговорка: «В счастливый дом не войдет Куркучилай».

* * *

Существовала запись, что телетлинские ханы были сожжены на костре по повелению наиба Кебет-Магомы в 1250 году хиджры (1834—1835 г. н. э.) — так погибли сыновья Чупана Алискендер и Алибек.

Однако существует предание, что одному из отпрыс-

ков телетлинских ханов — Магомед-хану — удалось уцелеть. Малолетнего Магомед-хана пожалела рабыня. Она тайно переправила его к родне хунзахских ханов — там он и воспитывался. По достижении Магомед-ханом совершеннолетия наследник аварских ханов выдал за него замуж свою сестру и выделил ему во владение землю. На этом месте возникло с. Гоготль, там была продолжена династия телетлинских ханов.

* * *

По преданию, уцелели также родственники телетлинских ханов — Гунаш и Демши, которые спаслись бегством в с. Андик (ныне Советский район).

* * *

Однако более всего преданий о столице Аварского ханства — Хунзахе, о его обычаях и нравах в эпоху феодализма мне пришлось услышать в Гиничутле.

Судя по преданиям, самым распространенным видом феодальной эксплуатации было взимание «магалы», это название употреблялось как собирательное для всех видов натуральной ренты, шедшей в пользу хунзахского хана: от значительных количеств зерна и скота до пучка чеснока.

Примечательно, что в Дагестане, как и во многих сопредельных землях, для обозначения разных видов феодальной ренты употреблялись термины иностранного происхождения, восходящие к разработанной феодальной терминологии Ближнего и Среднего Востока.

Насколько мне известно, слово «магала» не имеет аналогий в других языках. Это может свидетельствовать о значительной древности и местном происхождении явления, обозначаемого данным термином.

Предание гласит, что за неуплату магалы плательщик мог быть наказан лишением дома и другого движимого и недвижимого имущества.

Иногда магалу собирали предварительно в каком-либо селении данного общества, а потом уже везли в Хунзах. Так, например, магала с аулов Нака-Хиндальского общества сначала свозилась в с. Тлайлух, а оттуда переправлялась в Хунзах. Однако нередко плательщик должен был доставлять магалу непосредственно к ханскому двору. Эта неприятная сама по себе обязанность сопровождалась унижительным обычаем: если вьючный

осел, на котором была доставлена магала, начинал оправляться, его хозяин обязан был подставить свою шапку, дабы ослиный навоз не загрязнил нуцальского двора.

* * *

Иногда, впрочем, излишнее рвение в сборе магалы плохо кончалось для нуцалов и их посланцев.

Существует предание о том, как однажды хунзахский нуцал пригласил к себе наиболее авторитетных гидатлинских старейшин. В беседе с ними он советовал не придавать серьезного значения мелочам. Гидатлинские мудрецы лишь посмеялись в ответ, не особенно веря словам нуцала.

Вскоре трое ханских сыновей отправились собирать магалу в общество Тлурутли (туда входили аулы Хиндах, Могох, Заната, Батлух, Накитль и Мита), относившееся к Гидатлю. Один бедный тамошний сельчанин стал упрашивать ханских сыновей отсрочить ему уплату магалы, так как год был для него неудачным, да и заплатить надо такую мелочь — связку чеснока. При этом он сослался на слова хана, обращенные к гидатлинским представителям. Но тут выяснилось, что если речь идет о магале для нуцала, то мелочь превращается в нечто важное. Слово за слово — вышел спор, затем — ссора, в результате которой один из ханских сыновей был убит.

В этом предании, вероятно, отражен один из эпизодов усиливавшегося феодального угнетения, вызвавшего в конце концов в Гидатле движение Хочбара.

* * *

По преданию, если раб или рабыня по какой-то причине не желали оставаться у своего хозяина, они могли обратиться с просьбой о защите и посредничестве к какому-либо авторитетному лицу. В аварском языке существовал специальный термин «тарки», обозначающий освобождение лага.

Во всех аулах хунзахского ханства было принято при освобождении рабов предлагать им немедленно покинуть аул. В случае, если они желали остаться, их обязывали во всем быть покорными узденям. На этот счет заключался договор между рабами и сельчанами.

Если после набега в аул приводили пленных, то находившиеся среди них мусульмане имели право заявить

протест против обращения их в рабство, а также обратиться к ученым с требованием подтвердить их принадлежность к исламу и на основании этого освободить от рабской доли.

Существование этого правила подтверждается многими письменными документами.

* * *

В Гиничутле сохранились изустные сведения о существовавшем некогда следующем правиле: в случае женитьбы раба на рабыне чужого хозяина дети от этого брака становились собственностью хозяина рабыни. Отсюда и поговорка, бытовавшая у аварцев: «Он любит своих детей как раб», — в том смысле, что раб в любое время мог лишиться своих детей, т. е. у него не было права на детей.

* * *

Когда умирал кто-либо из ханского дома, рабы и рабыни должны были в знак траура надевать шкуры только что зарезанных животных.

* * *

Об одной из жен Нуцал-хана — Сумалах — существовало такое предание. Сумалах была сначала рабыней, в обязанности которой входило стелить хану постель. Она была очень красива. Нуцал-хан обратил на нее внимание и хотел сделать своей наложницей, но ему это не удалось, и хану пришлось жениться на Сумалах.

Рабыни, на которых женился хан, назывались по-аварски «хума».

* * *

Существовало, по преданию, древнее правило: наследовать хану мог только хан. В случае, если хан умирает, не оставив потомства, ему наследовал хан другой династии, а не кто-либо из близких родственников умершего.

* * *

На основании упоминаний в различных документах совместно с владельцем этих документов Мансуром Гайдарбековым составлен следующий вариант предословной аварских ханов (возможно, не совсем полный):

Андуник — нуцал,

Дугру — нуцал (он же именовался Турарав и Нуцал-шейх; воевал с жителями с. Орота),

Умму — нуцал,

Дугру — нуцал, сын Умму-нуцала (он же именовался Кудияв Булач, т. е. «Большой Булач»),

Умму — нуцал (убил в с. Ках двух своих братьев — Анкалава и Магомед; сам был убит в с. Параул),

Магомед-Мирза, Магомед-нуцал, Умма-хан (умер в 1125 году хиджры), Умма-хан (по русским источникам — Омар-хан) — сын Магомед-нуцала,

Гебек,

Султан-Ахмед-хан,

Баху-бике, Кихилай-бика.

* * *

Однажды ханше Баху-бике сообщили, что бо (население, из которого набиралось ополчение) голодает. Она пренебрежительно ответила: «Разве им недостаточно тэха (толокна) и сыра?» Жадность и безразличие к судьбам подданных у феодалов иной раз превосходили элементарный расчет: ведь бо были опорой ханства!

* * *

В преданиях сохранилось множество любопытных черточек феодального быта.

Вот некоторые из них.

Окна дворца Ахмед-хана были застеклены. Стекло для окон было привезено из Нухи. (Еще в начале XIX века окна со стеклами считались сверхроскошью.)

Когда ханша Баху-бике была беременна, ее от Дженгутая до Хунзаха от села к селу доставляли на специальных носилках. Между тем простые горянки в подобном положении не избавлялись даже от полевых работ.

При жизни своей хунзахский хан собирал подати, но и в случае его смерти опять же с населения взыскивали материал ему на саван.

Если кому-либо из подданных было необходимо добиться приема у хана, то он обязан был явиться во дворец в приличной одежде, которая для таких случаев хранилась особо — в убогой повседневной одежде люди к хану не допускались.

Во время уразы-байрама ханы собирались в местно-

сти Топтида для игр: здесь они бились куриными яйцами. (Несколько позже на этом же месте сами они были истреблены по приказу Гамзат-бека.)

* * *

Судя по отрывочным упоминаниям в преданиях, фольклоре и в письменных источниках, одежда аварцев в период существования ханства заметно отличалась от их недавней традиционной одежды. Так, состоятельные люди носили широкие шелковые шаровары. Убранство невесты было следующим: шаровары из красной ткани «шелли» (тонкая ткань, подобная ткани «хебет») и рубашка из «алты-аршина» (шерстяной ткани разных расцветок). Платок был из простой ткани «мирзай-хана».

В с. Гонода рассказывали, что в старину женщина во время танца должна была снимать обувь.

4. АХАЛЬЧИ

В этот аул я попал вместе с А. Ф. Назаревичем, отклонившись от маршрута по настоянию Р. Гамзатов, оказавшегося там раньше нас. Расул провел ночь на пролет в обществе ахальчинских девушек, исполнивших множество интереснейших народных песен вперемежку с шутками, притчами, пословицами и танцами. Фольклорист А. Ф. Назаревич нашел здесь для себя обильный материал. Я же был вознагражден несколько позже, когда мне организовали встречу с Дибиром Нурмагомедовым (81 г.), некогда бывшим в течение двенадцати лет бегаулом Ахальчи. Собрались пожилые и уважаемые люди селения, дополнявшие и комментировавшие рассказ основного информатора о прошлом аула, а также о событиях в Сиухе и Ободе.

* * *

По преданию, Ахальчи существует со времени легендарного Сураката — властителя Аварии и родоначальника нуцальского дома, которого известная хроника «Тарихи-Дагестан» относит к донсламским временам. Ахальчинцы платили Суракату дань зерном, мясом и другими продуктами. В течение длительного времени они не могли избавиться от этой обязанности, так как пытавшихся протестовать убивали.

Между тем под скалой «Бакхурил тлюру» поселилась

группа людей, именовавшихся «Омарикулал» (варианты: «Омаликунал», «Амаликумых»). Поселение их называлось «Тлюрутуль». Люди эти постепенно заняли положение знати в Ахальчи. Они успешно защищали и аул и его земли от внешних посягательств. В свободное время они главным образом курили трубки, причем лежа. Это был большой и сильный род.

Вскоре Омарикулал начали притеснять ахальчинцев: стали отнимать у них скот и злоупотреблять правом первой ночи, которое присвоили себе. Мужественно сносили ахальчинцы их издевательства. Наконец терпение ахальчинцев иссякло. Однажды сельчане устроили ложную тревогу. Омарикулал выступили из укрепления за пределы аула навстречу ожидаемому врагу. Ахальчинцы окружили их на открытом пространстве и уничтожили. С того времени перестал существовать род Омарикулал, а могилы их показывают и по сей день.

* * *

Рассказывают, что однажды в Ахальчи пришли двое хузахцев. Одна ахальчинка подслушала их разговор, из которого ей стало ясно, что они посланцы аварского хана и что договариваются они о том, как лучше выполнить ханское поручение — обложить ахальчинцев данью и в каком размере ее взимать. Женщина немедленно передала эти сведения сельчанам. Те возмутились и тут же убили ханских посланцев. Могилы их до сих пор сохранились у ахальчинской мечети.

Однако же нуцал сумел подчинить себе Ахальчи и обложил его жителей данью.

* * *

Население Ахальчи относилось к узденям. Однажды женщина из шотодинских лагов вышла замуж за ахальчинца. Ее односельчане порицали этот брак, детей называли «рабами», хотя отец их был узденем.

* * *

Жители Ахальчи делились на семь тухумов. Удалось выяснить названия четырех из них: Кадиясулал, Дайти-лал, Чулакилал, Абдулачилал. Некогда существовал и тухум Хажилал, но он был истреблен ахальчинцами по той причине, что члены его стали захватывать общественную землю и притеснять односельчан.

* * *

Сохранились подробные сведения о былом общинном укладе.

Во главе селения стоял «росдал кудияв», т. е. сельский глава. Помощниками его были четверо чухби. Они в основном решали все дела общины, вплоть до штрафов и наказаний ее членов за различные нарушения. О решениях всех оповещал глашатай — «эл» («гIел»), или «чауш».

Когда с. Ахальчи попало в зависимость от аварского хана, традиционные общинные должности были сохранены, но суть их была совершенно фальсифицирована, приспособлена к феодальному укладу. «Росдал кудияв» стал назначаться ханом. Он получил право отменять всякое решение чухби, которое казалось ему неправильным, полностью контролировал их деятельность и был фактически уполномоченным хана в Ахальчи. В XIX в. «росдал кудияв» стал называться «бегал», в других селениях — «бегаул».

* * *

Сообщение Ахальчи с другими аулами ханства было затруднено частыми грабежами на дорогах. Покидать аул было крайне опасно.

* * *

Некогда в с. Ахальчи, в доме Дибирова, хранилась рукописная история Сураката. Позже она попала к ахальчинцу Магомеду Ахмедханову, живущему в с. Зиури.

* * *

В свое время происходили столкновения ахальчинцев с жителями с. Мочох из-за пастбищных земель. В то же время сами ахальчинцы чинили произвол над жителями с. Гацалук, угоняли их скот. Последние не могли противостоять ахальчинцам, так как были малочисленны.

Постепенно укрепляются отношения ахальчинцев с хунзахцами: они становятся союзниками.

* * *

В Ахальчи мне удалось записать несколько преданий, относящихся к Сиуху и Ободе.

Сиухские феодалы считали себя ханами, так как происходили из наслу (рода) хунзахских нуцалов. Рассказывают, что у Фатали были сыновья Гебек-хан и Уммахан.

Ободинцам пришлось отдать хунзахскому хану участок «Топтида-бак» в качестве традиционного подарка по случаю рождения ханского сына.

Около с. Обода находился камень «Рукел-гамач». «Рукел» означает «сборище». Возле этого камня хан время от времени собирал представителей аулов ханства. Бегаулы каждого джамаата оповещались о собрании письмами. По своему усмотрению они посылали представителей к камню «Рукел-гамач», куда являлся и хан.

* * *

Среди алимов и правоведов XVIII века был известен Курбан-Али из Ахальчи.

* * *

5. СИУХ

Мои информаторами в Сиухе были Магомед Ибрагимов (80 л.), Кура-Магомед Юсупов (69 л.), К. М. Гафуров (60 л.), К. А. Анилов (50 л.).

* * *

Название селения образовано от слова «си», означающего возвышение (точнее — башню). По другой версии, название произошло от имени первого поселенца по имени Си.

Когда-то существовал и Нижний Сиух, от которого остались одни развалины. Он был разрушен очень давно, во время войны с Гидатлем. Гидатлинцы к тому времени приняли ислам и стали ярими газы (борцами за веру), а сиухцы все еще продолжали оставаться «неверными» — отчего между теми и другими существовала вражда. Близ Нижнего Сиуха до сих пор сохранилось домусульманское кладбище.

* * *

Сиухские феодалы именовали себя ханами. Здесь следует отметить, что в большинстве исторических преданий, которые были собраны в аулах, некогда входив-

ших в Аварское ханство, сиухские феодалы считаются беками (а начиная с Фатали — даже чанками), хотя они и состояли в несомненном родстве с нуцальским домом. Отсюда, вероятно, их претензии на ханский титул. Они получили право пользоваться доходами с шестнадцати селений. В числе этих селений информаторы назвали Сиух, Тукита (Ахвахский район), Голотль, Амуши, Цельмес. Резиденция феодалов была в Сиухе, жители которого были обязаны работать на них несколько дней в году. Население делилось на узденей и лагов.

К «ханским» землям относились: половина местности Матлас (другая половина принадлежала хунзахским ханам), некоторые пахотные участки вокруг Сиуха и пастбищные горы Талоколо и Нах-меэр.

* * *

Варианты местных преданий, однако, возводят родословную сиухских феодалов к «курейшитам» — соплеменникам пророка Мухаммеда, которые, якобы, явились в Дагестан вместе с Абумуслимом.

По другой версии, генеалогия местных феодалов восходит к легендарному Суракату, повелителю Аварии (видимо, через их родство с нуцалами, считавшимися его прямыми потомками).

По местному преданию, первым сиухским ханом был Гебек, за ним — его сын Сурхай, затем сын Сурхая Фатали. Последний имел шестерых сыновей. В памяти информаторов сохранились имена пятерых: Сурхай (старший), Умма-нуцал, Аббас, Магомед, Мирзабек. Последний унаследовал власть. Один из вариантов предания шестым сыном Фатали называет Амир-Султана.

Как-то Амир-Султан нанял крестьянина Азизова Магомеда обмолотить хлеб. По окончании работы Азизов потребовал уплаты, — Амир-Султан отказал ему. Произошла ссора, в результате которой Азизов зарезал Амир-Султана кинжалом у ворот ханской резиденции (развалины ее сохранились), но при этом и сам Азизов был тяжело ранен: позже он умер от ран в с. Шотода, куда вынужден был бежать как убийца и кровник, изгнанный из аула. Это случилось в 1312 году хиджры (1894 г. н. э.).

Последний известный потомок этой феодальной династии носил имя Гебек. Отпрыски этой династии в период Октябрьской революции и гражданской войны

стали яркими контрреволюционерами, активно поддерживали Н. Гоцинского (из их рода была и жена Гоцинского) и создали в Сиухе очаг контрреволюции, который был ликвидирован в 1921 году, после взятия Сиуха частями Красной Армии.

Мне пришлось видеть в Хунзахе могилу Фатали Сиухского. Он случайно погиб там, сорвавшись в обрыв неподалеку от ханского дворца, был похоронен в Хунзахе.

* * *

С представителями этой династии соперничал еще один родственник хана, живший в Сиухе — Анкалав, богатый и влиятельный человек, имевший немало земель. Незадолго до смерти Анкалав продал земли сиухским крестьянам. Когда он умер, Фатали забрал все его имущество и потребовал от крестьян вернуть купленные земли, так как это, мол, — наследство ханов, и владеть им может лишь человек ханского рода. Крестьяне пытались сопротивляться, но безуспешно: Фатали отнял у них земли Анкалава.

* * *

Председатель колхоза с. Сиух Махач Исбагиев рассказал мне слышанное им от жителя с. Ингердах (Ахвахского района), 110-летнего старика Магомеда. Старик рассказал, что одним из видов магалы, взимаемой хунзахскими ханами с этого селения, наряду с мясом, были фазаны и что ему в ранней молодости также приходилось охотиться на фазанов для уплаты хану дани.

* * *

В прошлом в Сиухе существовала медресе, были и сведущие ученые-арабисты: Дибир-Гаджиев (умер в 1923 году), Кура-Магомед Гаджи, Магомед-Дибир, Юнус, Исмаил, Дибир, Абдулла Капур-Дибир, Али Гаджиев, Алибек-Дибир, Саид, Магомед Яхьяев.

Арабист Иса имел богатую библиотеку, она сохранилась у его сына Мусагаджи до настоящего времени.

* * *

Житель с. Сиух Усман Мусасев передал мне несколько небольших, но любопытных писем и документов. Вот перевод одного из них:

«От наиба Али Килича (Хунзахского участка)—всем джамаатам. Слышал, что вы скрываете от учета свое имущество. Предупреждаю: не скрывать от обложения царя свой скот, землю, сенокосные участки. Меня не интересует налог — я заинтересован в учете. Все, что будет обнаружено как скрытое, будет отобрано в казну царя».

У У. Мусаева есть «Астрономия» Улугбека, переписанная в 1115 году хиджры (1703—1704 гг.). Имя переписчика — Шейху.

6. ШОТОДА

Здесь мои информаторами были Алибек Гимбатов (80 л.) и Магомед Гаджиев (80 л.).

А. Гимбатов рассказал, что шотодинцы считают себя переселенцами из Хунзаха, главным образом из хунзахского квартала Шотода. Не желая находиться в подчинении у хана, предки шотодинцев ушли оттуда, поселившись на земле, где ныне расположен аул Шотода.

«Я помню, еще во время русско-японской войны мой тухум совместно вел хозяйство. В тухуме было около двадцати хозяйств, каждое хозяйство имело свою пахотную землю в качестве мюлька, но были и общие пахотные земли. Тухум наш назывался Хаджилал.

В этом селении были уздени и лаги.

* * *

М. Гаджиев рассказал, что, по преданию, основание аула Шотода связывают с Абумуслимом-Шейхом.

Предки шотодинцев не пожелали подчиниться Суракату и ушли от него, поселившись на нынешнем месте. Здесь они приняли ислам.

От первоначального их поселения ныне остались развалины. Поселение было обитаемо до 1142 года хиджры (1729—1730 гг.), до того времени, когда началась чума. Большинство жителей погибли, а из бежавших от эпидемии в горы остались в живых Хочбар, Аргули и Али. Каждый из них положил начало тухуму — эти тухумы существуют до сих пор. Эти же трое были основателями ныне существующего с. Шотода. Прежнее селение постепенно разрушилось — развалины его находятся недалеко от нынешнего с. Шотода.

* * *

М. Гаджиев сказал, что в свое время записал сведения о прошлом с. Шотода у 120-летнего старика — потомка родоначальника тухума Хочбара. Вот его родословная: сын Хочбара — Магомед, его сыновья — Кади Гусейн, Муртазали, Короткий Мирза, Али Галбац. У Али-Галбаца было трое сыновей — Магомед, Гусейн, Гаджи. Гаджи был сподвижником Хаджи-Мурада, он погиб. После его гибели родился сын, которому также дали имя Гаджи. Сыном этого Гаджи и является информатор Магомед Гаджиев. Старик у которого М. Гаджиев в свое время записал все это, был сыном Кади.

Когда Хочбар, Аргули и Али заложили новые дома, около них стали строиться люди из разных мест — бродяги («апарак»). Так постепенно выросло с. Шотода.

* * *

Шотодинцы были обязаны охранять ханские горные пастбища от тушинцев. Названия этих пастбищ — «Энчоро», «Талоколо», «Чара», они расположены вплоть до моста Мундеро (Ботлихский район). Кроме того, шотодинцы принимали участие в организовывавшихся ханом набегах на Грузию.

* * *

При ханах управителем аула Шотода считался ханский уполномоченный бегал. Он не жил в Шотоде постоянно, а приезжал сюда время от времени, разбирая дела, оставляя распоряжения. Повседневными же делами в ауле ведали трое — чухби (почетные люди, судьи).

* * *

В с. Шотода долгое время жил знаменитый Хаджи-Мурад. Он был женат на шотодинке. Еще до женитьбы Хаджи-Мурада связывали прочные узы дружбы с пятнадцатью джигитами. С ними он всегда был готов делить пополам и радость и горе. Именно шотодинские наездники принимали участие в похищении Хаджи-Мурадом ханши из Дженгутая.

* * *

Когда однажды у хана родился сын, шотодинцы сделали хану подарок — уступили участок пахотной земли

«Игиштани». Таким образом они надеялись вызвать благосклонность хана. Для хана же это было лишь способом ограбления подданных, прикрытого «обычаем».

* * *

У шотодинцев всегда были натянутые отношения с сиухской знатью, часто дело доходило до мелких стычек. Когда установилась Советская власть, шотодинцы активно поддержали ее, двадцать четыре шотодинца влились в ряды красных партизан. Последние отпрыски сиухских феодалов, сыновья Фатали, став активными контрреволюционерами, решили свести старые счеты с шотодинцами. Они решили организовать осаду с. Шотода, но эта затея закончилась для них безуспешно.

* * *

Колхоз в с. Шотода был организован в 1936 году. Он состоял из пятнадцати хозяйств. Первым председателем колхоза был М. Абдулхаликов, секретарем партийной ячейки — М. Гимбатов. Кулаки всячески мешали организации колхоза, но после их разоблачения в колхоз вступили все сельчане.

7. ОБОДА

В этом ауле моими информаторами были Осман Магомедов (85 л.), Юсуп Алиханов (80 л.), Магомед Юсупов (72 г.).

* * *

Название аула происходит от слова «бугла» — голо зерный ячмень. Ячмень давал на здешней земле исключительно богатые урожаи, отсюда — «Гюбода» («Обода»).

* * *

По преданию, первым поселенцем на месте аула был некий Али из Сирии. В окрестностях с. Обода до сих пор показывают гробницу, которая считается местом его погребения. В ауле сохранился и тухум Али.

Затем в поселении, основанном Али, стали селиться люди из Кахаб-Росо, Бжгы, Ингердаха, Местеруха.

* * *

Ободинец Мака Умаров сообщил, что, когда он был секретарем партийной ячейки в с. Ахальчи, там при постройке школьного здания была обнаружена могила, в которой наряду с бронзовыми вещами был найден каменный крест с надписями трех видов: буквы их соответственно напоминали грузинские, еврейские и русские (может быть, греческие?). О дальнейшей судьбе находок ему ничего не известно.

* * *

Ободинцы считают, что их аул на протяжении всего существования в основном не зависел от хана, но эту независимость его жителям приходилось отстаивать в постоянной борьбе. Основной причиной вражды были горные пастбища «Бакъли», «Талаку-меэр», «Чари-меэр», которые ханы постоянно стремились захватить. Иногда им это удавалось.

Сохранилось предание, что некогда ободинскому джамаату принадлежали земли в местности Тобот (около трехсот гектаров). Видимо, в период усиления зависимости ободинцев от хана последний стал принуждать их уступать ему эти земли в качестве подарка по случаю рождения сына (об этом феодальном обычае уже говорилось). Опасаясь конфликта с могущественным соседом, ободинцы волей-неволей уступили. Но один из сельчан — Ушагилав — не согласился с этим решением и добился того, что джамаат выделил ему из уступленных хану земель долю, которую Ушагилав сумел сохранить за собой.

* * *

В с. Обода можно услышать и такую легенду. Некий хунзахский феодал затеял с ободинцами тяжбу из-за земли. На суде, происходившем на спорном участке, он поклялся, что стоит «на своей земле»: предварительно феодал тайком наполнил свою обувь хунзахской землей. Таким мошенническим путем он захватил спорный участок. Здесь легко можно узнать широко распространенный по всему Дагестану «бродячий сюжет». Маловероятно, что легенда эта отражает действительный факт, но она, безусловно, отражает резко отрицательное отношение жителей аула к феодальным методам захвата

земли и постоянную готовность ободинцев оспаривать права феодалов на землю.

* * *

В ободинском фольклоре сохранились и воспоминания о периоде феодальной зависимости. Так, в ауле бытовала песня, в которой пелось:

Али-Мамадне льяльарилагун
Ургьн юхун хвечиш дур херай эбел.

Информатор ободинцев Гасангусейнов пояснил эту песню следующим преданием. На месте хутора Чулана, не доходя до крепости, жил некогда Али Мамади Кажари. Он заставлял ободинцев работать на своих землях, причем бил работников кнутом. Ничего более об этом феодале узнать не удалось.

* * *

По преданию, на кладбище «Буцрани хаба» находился камень с надписью, гласившей, что всякому, кто поднимется по перевалу Харахи, следует отрубить голову.

* * *

В периоды смягчения отношений между ханом и ободинским джамаатом ободинцы принимали участие в ханских набегах партиями по двадцать-тридцать человек.

Как и большинство аулов, с. Обода населяли уздени и лаги. Хан особенно благоволил к трем ободинским тухумам — Манатилал, Шахайлал, Кайлал, выделяя их из остальных узденей и опираясь на эти тухумы в ауле.

За службу хану последний добился передачи им из общинных земель сенокосов и пастбищ «Нуси» и «Кулутли». Примечательный факт: предание свидетельствует об условном феодальном землевладении, причем в качестве своеобразного «коллективного вассала» выступают целые тухумы, а сеньор (хан) узурпирует право распоряжаться землями зависимых общин. Это предание тем более интересно, что в письменных источниках за весь период феодализма в Дагестане встречаются лишь единичные свидетельства о существовании здесь ленных отношений.

* * *

Информаторы сообщили целый ряд интересных фактов о классовой борьбе в ауле накануне Октября, о событиях революции и гражданской войны.

В 1911 году через с. Обода перегоняли скот Н. Гоцинского. Чабаны были вооружены, грозили всякому, кто тронет овец, арестом и штрафом. Между тем овцы сильно потравили и вытоптали посевы, что нанесло большой ущерб ободинским крестьянам.

Ободинцы решили запретить перегон овец через аул. Но это не помогло, перегон продолжался. Тогда жители стали ловить овец с целью задержать стадо. Это стало известно Гоцинскому. Вскоре из центра округа прибыли вооруженные люди, арестовали около двадцати ободинцев и отправили их в окружную тюрьму (среди них был и мой информатор — Осман Магомедов).

В тюрьму явился окружной начальник — полковник Брусиллов с переводчиком и начал допрос: кто сколько захватил овец, резал ли их и т. п. Один из заключенных — крестьянин Магома-Тайгу — не поднялся при появлении полковника. Разъяренный полковник обратился к нему с вопросом, почему тот не встал. Магома-Тайгу ответил, что не заметил начальника. Взбешенный полковник схватил его за бороду, поднял и закричал: «Теперь ты видишь меня?» — «Нет, не вижу и видеть не желаю!» — ответил крестьянин.

Ободинцы до сих пор помнят М. Оцуева, Г. Омилаева, Ю. Царлидкова: они были борцами за справедливость, заступниками за народные интересы.

* * *

Магомед Юсупов лично знал Махача Дахадаева, исполнял его поручения: расклеивал большевистские листовки еще в период Временного правительства.

Когда началась гражданская война, население разделилось на две части: сторонников Гоцинского — и сторонников Махача. Борьба между ними была ожесточенной. За время гражданской войны аул Обода четырежды переходил из рук в руки. В период осады Хунзахской крепости аул был захвачен отрядами Гоцинского.

Между тем из сорока четырех ободинцев был создан партизанский отряд (в нем был и информатор — Магомед Юсупов). Этот отряд принял участие в разгроме

Гоцинского и закончил свой боевой путь в районе Цуманды.

М. Юсупов вспомнил и особенно отличившегося партизана-ободинца Г. Сайбуллаева.

8. ТАНУСИ

В этом ауле моими информаторами были Казанби Кацараев (108 л.), Абдулхалик Гаджиев (80 л.), Юнусилав Магома (96 л.). Председатель Танусинского колхоза хунзахец М. Кебедов был неизменным участником моих бесед и осмотра достопримечательностей села.

* * *

Название Тануси происходит от «Тад-нуси»: «тад» — верхний, «нуси» — название этой местности (может быть, связанное с титулом «нуцал»).

* * *

У въезда в Тануси до сих пор находится большой камень треугольной формы с отверстием. По рассказам местных жителей, — это подпятник каменных ворот, существовавших во времена легендарного доисламского правителя Аварии — Сураката. Таких ворот было трое. Все они вели в замок, который существовал на месте нынешнего Тануси и был резиденцией Сураката.

Упомяну и другие памятники, относимые народной молвой к эпохе Сураката: большой одинокий камень в южной части селения, дальше которого властитель запрещал строиться, а также башни «Муслик» и «Арак» на летних колхозных пастбищах. О них я более подробно писал ранее.

Подданные Сураката, жившие в окрестностях его резиденции, были христианами, язычниками или иудеями. Жители Тануси были христианами. В доказательство можно привести рассказы жителей селения о том, что еще недавно около здания колхозной канцелярии находился большой камень с изображением крестов, каких-то знаков и букв. На камне, говорят они, кажется, была и дата. Однако камень этот увезли из селения какие-то люди, куда — не известно.

* * *

Подобная судьба постигла и рукопись по истории Тануси, довольно большую по объему. Содержание ее долго еще существовало в памяти старожилов. Рукопись хранилась в доме бегаула. Дом его в свое время подвергся разграблению, и с тех пор эту рукопись никто не видел.

* * *

Одна из упомянутых выше башен — «Арак» — названа так по имени одного из доисламских ханов. Отсюда и название горы Арак-меэр.

* * *

В Суракатской крепости в Тануси не было своего источника, и вода доставлялась туда из родников местности Гортльнуси посредством какого-то устройства. Тем не менее, укрепление это было многолюдно: по преданию, по сигналу тревоги выступал конный отряд, где только на конях белой масти было сто всадников.

Согласно легенде, от ворот замка Тануси до сторожевого поста на горе Акара (перед Хунзахом) была натянута железная цепь. Если с поста в замок или обратно надо было передать сигнал, сообщение или вызов, — цепь быстро натягивалась (у обоих ее концов дежурили люди). Это служило сигналом для дежурившего у противоположного конца цепи.

* * *

Еще одно танусинское предание: то ли во времена Сураката, то ли позже хунзахцы воевали с андийцами. Один из хунзахских ханов, Ахса Гимин, никак не мог подобраться к с. Гагатль в верхней части андийской котловины. Тогда он решил вечером в одиночку пробраться в селение. Заметив огонь в одном из домов, Ахса Гимин направился туда. В доме жила некая вдова. Она угостила «путника» кашей: он, вероятно, внушил ей доверие. А когда Ахса Гимин спросил, где находится более удобный подход к Гагатлю, вдова сама проводила его и показала это место.

Отряд хана ворвался в Гагатль. Андийцы не ждали врагов с этой стороны: их воины спокойно спали на поле. Все они были перебиты людьми Ахса Гимина, который таким образом завладел Гагатлем.

* * *

Гибель величия Тануси здешние предания связывают с проникновением во владения Сураката арабов. Аварцы оказывали пришельцам упорное сопротивление, и попытки арабов захватить Тануси оканчивались ничем.

Тогда арабы прибегли к хитрости. Перед боем они приготовили отравленную пищу и разложили ее в своем лагере. Завязав бой с войском Сураката, арабы притворно обратились в бегство, бросив лагерь. Воины Сураката, увидев готовую к употреблению пищу, не удержались от соблазна подкрепиться. Большинство из них умерли. Силы аварцев резко уменьшились, и арабы смогли захватить Тануси — столицу Сураката.

Данная легенда опять-таки основана на «бродячем сюжете»: ее можно услышать и в других местах Дагестана. Маловероятно, что она излагает исторический факт: скорее, здесь отражена народная оценка арабских завоевателей как противника опасного не столько силой, сколько коварством.

* * *

Из рассказов о последних доисламских ханах Аварии мне стало известно, что сына Сураката звали Баяр-Аббасом. Когда арабы одолели Аварию, он бежал в Грузию, набрал там войско, напал на арабов и истребил их. Так с переменным успехом борьба длилась в течение сорока лет, пока мусульмане в конце концов не взяли верх. В это время прекратила свое существование династия Сураката на аварском престоле.

Что касается Тануси, то здесь при введении ислама применялось принуждение, что побудило многих жителей покинуть столицу, и с тех пор она навсегда превратилась в обычный маленький аул.

Вначале рассказ информатора следовал известному месту сочинения «Тарихи-Дагестан», но в конце он вплотную подошел к давно интересовавшему меня вопросу, и я прямо спросил, существует ли предание о перенесении столицы в Хунзах. Информатор ответил: «Воюя против сторонников династии Сураката, Абу-муслим-шейх расположился близ Хунзаха. Там же остановились люди из Шама (Сирии). Когда мусульмане победили, их стабильный лагерь, естественно, превратился в резиденцию их наместника, а затем и в центр ханской

власти. Поэтому не имело смысла восстанавливать разрушенный и обезлюдивший Тануси. С того времени он утратил свое значение».

* * *

Тануси, впрочем, продолжал принимать участие в политической жизни ханства. По преданию, танусинские нукеры считались лучшими у аварского хана. Позже они служили наибу Шамиля—Магоме.

* * *

В сословном отношении жители Тануси делились на узденей, лагов и людей из ханского рода. Между прочим, среди тухумов Тануси уцелели прямые потомки Сураката — тухумы Кудияв-Малачила и Кулалчаги, однако они не были достаточно влиятельными. Из других тухумов информаторы смогли назвать следующие: Качараевы, Лабазановы, Зиралилал, Гасанилал, Шаматилал, Кадилали, Халганавилал, Хухучилал, Мухумилал.

* * *

Между жителями Тануси и унцукульцами порой происходили стычки из-за земли. По этой причине танусинцы выставляли дозорных на Холме Сигнала «Ахул Кинса», на горе Арак-меэр. Оттуда дозорные подавали знак в случае угрозы со стороны унцукульцев. Кстати, в одной из таких стычек был ранен Гамзат-бек.

Впрочем, для Тануси более опасным оказались другие враги: при царе, наряду со взиманием «солдатского налога», у танусинцев была отобрана часть земель и передана потомкам аварского хана, находившимся на государственной службе.

* * *

Кстати, некоторые танусинцы были участниками и русско-японской и первой мировой войн.

* * *

В Тануси сохранились традиционные общинные формы управления: исполнительная власть находилась в руках бегаула, при нем были трое—чухби, дибир и магуш. Названные лица, кроме последнего, имели печати, считавшиеся должностными атрибутами. В случае спора стороны договаривались о способе его решения: если по

адату,— то шли к чухби, если по шариату,— к дириру.

В важных случаях созывались сельские собрания, о месте и времени проведения которых оповещал магуш. Участниками этих собраний могли быть все мужчины аула, женщины не принимали в них участия. Каждый участник имел равное право голоса, но при этом большим весом обладали голоса стариков.

* * *

Любопытны некоторые адаты Тануси. Так, в случае, если умирал молодой человек, танусинцы не въезжали в аул верхом, а входили только пешком.

Если жена уходила от мужа, то чухби возвращали ее обратно до формального расторжения брака, инициатором которого имел право быть только муж.

* * *

Во время гражданской войны Гоцинский несколько раз занимал Тануси. Здесь находился его штаб. Гоцинский и полковник Кайтмаз Алиханов пытались обстреливать отсюда Хунзахскую крепость. Танусинцы были слишком малочисленны, чтобы отбиться. Они просили помощи из крепости, но осаденный гарнизон не мог им помочь. Позже, когда осада была снята, красные части изгнали контрреволюционеров.

9. ХАРАХИ

Моими информаторами в этом ауле были Джамалуддин Маликов (67 л.) и Дауд Хираров (83 г.).

* * *

Мне удалось записать два предания о происхождении с. Харахи.

Вот первое из них. Раньше с. Харахи называлось «Квекада». По соседству в местности Изулалинал был другой аул. Между аулами существовала вражда из-за полей и пастбищных земель. Эта вражда еще более обострилась после того, как жители Изулалинала приняли ислам: теперь они рассматривали соседей как язычников, к которым единственно правильным отношением со своей стороны считали войну, и были убеждены, что между ними невозможны никакие формы соглашений. Борьба между соседними аулами длилась очень долго,

и изнуренные квекадинцы, наконец, решили одолеть врага хитростью. Они направили по дороге, проходящей мимо аула Изулалинал, своего посланца с ослом, навьюченным мешками с орехами. Когда посланец проходил по местности Изулалинал, орехи якобы нечаянно рассыпались и покатались по склонам. Наблюдавшие за путником изулалинальцы не выдержали и бросились собирать орехи. Этого только и ждали квекадинцы, находившиеся в засаде. Они ринулись в опустевший Изулалинал и захватили его. С того времени с. Харахи владеет землями, на которых оно расположено.

Согласно другому преданию, прежде вместо с. Харахи тоже было два небольших поселения в местностях Койкада и Шулатута, а на месте нынешнего с. Харахи были небольшие хутора. Развалины названных поселений существуют поныне, расстояние между ними небольшое.

Эти аулы, по преданию, враждовали между собой, койкадинцы нападали на шулатутинцев, но не могли их одолеть. Наконец, койкадинцы решили применить хитрость: рассыпали со скалы яблоки. Шулатутинцы бросились собирать их. Тут-то койкадинцы и напали на шулатутинцев и одолели их. После этого оба аула были объединены в один. Это и есть современный Харахи (об этимологии названия информаторы ничего сказать не могли).

Как видно, в основе обеих легенд лежит один и тот же сюжет (обман врага с помощью рассыпаемой «приманки»), который можно встретить также в фольклоре других частей Дагестана. В то же время в них можно разглядеть и «рациональное зерно»: объединение в один аул жителей или нескольких мелких поселений, несмотря на их длительные враждебные отношения в прошлом.

* * *

Не удалось узнать у информаторов что-либо о доисламской истории предков харахинцев. Однако они сообщили, что якобы в стенах развалин древних поселений, как им помнится, были камни с надписями. В местности Беч багларал хурзал («покосные поля») есть думусульманские могилы, где нередко в кувшинах находили серьги, браслеты и другие предметы.

* * *

По мнению информаторов, харахинцы не считали себя подданными хунзахских ханов, но ханы не прекра-

щали попыток подчинить себе Харахи. В результате жизнь харахинцев в период существования ханства была очень беспокойной: за пределы селения люди вынуждены были выходить вооруженными. Хан и его люди не оставляли аул в покое: захватывали быков, лошадей.

И Харахи, и Орота, и другие мушулинские аулы противостояли ханским притязаниям. Все эти аулы объединились в Нака-Хиндал. Нака-хиндальцы называли хунзахцев «маарулал», причем это название сохранилось за ними поныне, хотя ослабел его первоначальный смысл чего-то противостоящего — Нака-Хиндалал.

В связи с такой расстановкой сил любопытно бытование в Харахи легенды, связанной с войной между аварским ханом и с. Орота. В Харахи до сих пор мух, роящихся над мусором, называют «хундрил тут» — буквально «хунзахские мухи»: название появилось после поражения ханского войска под Оротой, когда был убит и военачальник Иса (об этом я писал ранее). Над трупами ханских воинов роились мухи, которые с тех пор получили такое название.

* * *

Несмотря ни на что, харахинцы все же были обложены магалой в пользу хунзахских ханов. Магала эта считалась платой за пользование харахинцами пастбищем около Тукита и сенокосами в местности Хартли.

Хан сумел захватить также принадлежавшие плодородные земли «Теледа наха» между Харахи и Тлайлухом. Эти земли потом перешли в руки Чупановых, а затем — Алиханова и Карашиева.

* * *

Население Харахи произошло от трех тухумов. Оно делилось на уздней и лагов (последние составляли меньшинство). Постоянная исполнительная власть в Харахи находилась в руках бегаула, при котором было три чухби. Функции их совпадали с функциями аналогичных должностных лиц в других селениях Аварии. Отличие было лишь в том, что каждый харахинский чухби имел своего исполнителя («эл»).

* * *

Интересны некоторые харахинские адаты. Например, при появлении всходов мужчинам не разрешалось хо-

дить на поля. Считалось, что мужчина может «сгладить» урожай. Поэтому в поле в это время могли быть только женщины. Это очень древний обычай. Весьма вероятно, что он восходит к эпохе неолита, когда впервые возникло мотыжное земледелие, считавшееся тогда исключительно женским занятием.

Своеобразный обычай был связан у харахинцев с «праздником первой борозды» («Оцбаем»). Устройство праздника официально поручалось джамаатом одному лицу. Однако если у кого-либо в этот день рождался сын, то новоявленный отец также должен был участвовать в организации празднования «Оцбая».

* * *

Наибом над харахинцами при Шамиле был Магомед-Амин из Харахи. Он чинил много насилий над сельчанами. Шамиль сместил его и на его место назначил Шейх-ул-ислама из с. Орота. Последний был учителем сына шамилевского казначея Хаджияу Оротинского. Муфтисом в Харахи был Дибир-Дада. В Харахи в доме наиба Магомед-Амина несколько месяцев жил в качестве муталима сын Шамиля Магомед-Шафи.

* * *

Память стариков сохранила драматический факт социальной борьбы харахинцев до революции. Однажды царские власти увеличили налог с 30 до 40 коп. Тогда все взрослые мужчины Харахи, Ороты и других близлежащих аулов двинулись в Темир-Хан-Шуру к губернатору. К губернатору их не допустили; были вызваны войска; однако налог обещали снизить. Но вскоре крестьяне убедились в том, что их обманули: налог не уменьшили. Оротинец Гусейн-Дибир даже хотел напасть на губернатора, но присутствовавшие не допустили этого.

10. ГОНОХ

В этом ауле монми информаторами были Ибрагим Магомедов (75 л.), Магомед Максудов (76 л.), Идрис Казбеков (80 л.).

* * *

Название аула обусловлено его расположением: он лежит между двумя возвышенностями (по-аварски — «гохI»), отсюда Гонох («Гъонохъ»).

* * *

На возвышенности «Хабал гохI» когда-то была крепость, которую соорудили немусульмане. Сохранилось и доисламское кладбище. Бытует легенда, что на этом кладбище вблизи остатков крепости некогда нашли золотой серп и железный меч.

По какой-то причине крепость была оставлена, и обитатели ее переехали в поселение, которое они основали близ места нынешнего Гоноха (сохранились развалины). Есть предположения, что люди эти были то ли грузинами, то ли евреями. Во всяком случае, при разборе стен в этих развалинах был найден обломок плиты из мягкого белого камня с надписью, сделанной неизвестным алфавитом (о дальнейшей ее судьбе узнать не удалось). Кроме того, рассказывают, что лет тридцать тому назад в этих развалинах находили кувшины и якобы один из них был с монетами и золотом. Нашли также кольца, браслеты, серьги и кресты. Разумеется, ни одного из этих предметов увидеть не удалось.

* * *

Жители Гоноха делились на узденей и лагов. В свое время они платили хану магалу. Между жителями Гоноха и Ободы в прошлом происходили ссоры из-за пастбища «Бахьинлъар».

11. БАТЛАИЧ

В этом ауле моими информаторами были Расул Магомедов (56 л.), Малла Магомедов (108 л.), Алибахарчи (75 л.).

* * *

По преданию, до ислама в Батлаиче жили грузины (Малла Магомедов даже уточнил: тушинцы), исповедовавшие христианство. Аул входил в хунзахское владение Баяра (заметно сходство с именем Баяр-Аббаси из «Тарихи-Дагестан»).

Где именно располагалось селение в то время, — в точности неизвестно. Кстати, в свое время археолог Д. М. Атаев с помощью аранинских старшеклассников раскопал в местности Чина (примерно в семи километрах от Батлаича) остатки древнего аула. Между прочим, были найдены кувшин с человеческими черепами и кресты (все это было доставлено в аранинский школьный музей). Возможно, там был прежний Батлаич.

* * *

Батлаич, как и другие аулы, оказал упорное сопротивление исламу и, по преданию, боролся против арабов в течение двенадцати лет. Наконец после жестоких боев арабы захватили Батлаич, перебили половину жителей и подчинили оставшихся своему ставленнику Амир-Ахмеду. Между тем на горе Акару-меэр все еще держался сын Сураката. Через год аварцы восстали против арабов, и житель Батлаича из рода Кизамил-Омар убил Амир-Ахмеда в местности Карчик, в четырех километрах от Батлаича. (Позже труп наместника был перевезен в Хунзах и похоронен в месте «Самилазул хIор».) После избавления от арабского наместника аварцы смогли вернуться к прежней жизни.

* * *

По преданию, когда арабы бились с батлаичцами, в арабский лагерь явился некий Нусил-бетер, руководивший бо из с. Кудали. Он предложил Абумуслиму свои услуги с целью помочь завоевать Батлаич, но попросил за это права обложить батлаичцев данью: по мерке зерна с каждого двора. Абумуслим согласился, и Батлаич был захвачен. Дань же эта, по преданию, взималась очень долго.

* * *

Затем из-за права взимания налога с батлаичцев шла борьба между аварским ханом и андийцами. В конце концов Батлаич подпал под влияние хана. Сельчане были обязаны участвовать в набегах и войнах, которые вел хан. Хатилав и Умарилав стояли во главе сельчан.

* * *

По словам информаторов, довольно долго этноним «аварцы» относился лишь к населению Хунзахского хан-

ства: жители его противопоставляли себя не только андийцам и ахвахам, но даже койсубулинцам.

По-видимому, в этот период население Батланча по своему происхождению было довольно пестрым, судя по названиям тухумов, среди которых были и «черкесы» и «цыгане», и «катаки», и «калчи» и др. Среди них между прочим, был и тухум «Иваны» из Грузии.

Жители Батланча делились на узденей и лагов, причем число последних было необычайно большим. Главными занятиями батланчцев были скотоводство и земледелие. Овцы здесь очень быстро прибавляли в весе; существовала даже пословица о том, что «батланчское мясо без костей».

Ханы взимали магалу с Батланча. Иногда эта магала сильно увеличивалась, тогда жители выражали резкий протест.

При рождении ханского сына полагалось делать подарки как скотом, так и землей. Под этим предлогом хан вынудил батланчцев «подарить» ему пастбища и сенокосы в местности Чина-меэр, где находятся развалины старого аула, а также пастбища и сенокосы «Тадул хлар» в местности между Гиничутлем и Батланчем.

Из Батланча лаги ходили обрабатывать пахотные земли хана в местности Гьала и Ханасул кули, расположенные в трех километрах от Батланча.

* * *

Влияние ханской власти чувствовалось в Батланче сильнее, чем во многих других аулах. Так, хан назначал здесь и бегаула и четырех чухи (местное название чухби). Основным юридическим кодексом в ауле были ханские законы.

Интересно, что, когда Хаджи-Мурад был в ссоре с Шамилем, он, намереваясь воевать против имама, собрал около пятисот всадников с Аварского ханства именно в Батланче.

* * *

Жители Батланча были в основном в дружеских отношениях с соседними обществами. Однако порой обострялись отношения с ахвахскими аулами (Тукита, Местерух), а также с кородинцами, кюядинцами и гидатлинцами. Причина таких обострений заключалась в том, что, по мнению батланчцев, эти общества пытались не-

законно захватить батланчские земли на горе Акару-меэр.

* * *

Очень хотелось узнать что-нибудь новое, значительное об известном поэте Тажуддине Чанке. Батланчцы помнят своего знаменитого земляка, однако все рассказанное мне о нем было так или иначе общеизвестно. Упомяну лишь о некоторых деталях.

В Батланче считают, что Махмуд был учеником Чанки. В период жизни Чанки батланчским бегаулом был Гайдарбек. Видимо, творчеству Чанки предшествовала определенная поэтическая традиция: в ауле помнят, что во время Умма-хана здесь жил певец и поэт Кебедасулав, который успешно выступал на состязаниях с другими поэтами.

На вопрос о других известных в прошлом батланчцах информаторы назвали выдающегося мастера-каменщика Али Гаджиева, построившего мосты в Ботлихе, Тлохе, Голотле. К сожалению, о годах его жизни они смогли сообщить лишь то, что он жил до революции. Возможно, эпиграфические данные пополнят наши сведения о талантливом самоучке.

12. ОРОТА

В этом ауле моими информаторами были Гасан Муштайлов (65 л.), Магомед Гаджиев (80 л.), Аббас Тайгибов (63 г.), Джамал Магомедов (100 л.), Абакар Гасанов (83 г.), Магомед Арифов (102 г.).

* * *

По преданию, первыми поселенцами на месте Ороты были кабардинцы и черкесы.

Эта местность была в то время очень плодородной, и урожаи злаковых были столь велики, что проезжие люди постоянно видели здесь остроконечные верхушки больших копен. Такой верх копны называется «ари», отсюда — «Орота».

* * *

Постепенно в это плодородное место один за другим подсеялись все новые люди. Вскоре им пришлось защищаться от хунзахских ханов, которые постоянно пы-

тались включить Харахи и Ороту в пределы своих земель. Оба эти селения, а также ряд соседних, называвшиеся вместе Нака-Хиндалал, заключали время от времени между собой союзы для защиты от аварских ханов. Примечательно, что в Орооте также отмечается противопоставление «хиндалалов» и «магарулал» (жителей Хунзаха и близких к нему аулов).

* * *

Пока аул Ороота сохранял свою независимость, вокруг него было до тридцати каменных башен, боевых и наблюдательных. (Во время моего посещения аула я видел остатки многих из них.) Там постоянно находилась пожилая женщина, которая оповещала сельчан о приближении ханских войск или других врагов.

* * *

Борьба оротинцев с аварскими ханами шла с переменным успехом. Иногда ханам удавалось взыскивать с оротинцев магалу.

Интересно, что Умма-хан, по преданию, лично проверял качество зерна и проса, которым оротинцы платили ему по одной мерке с хозяйства. Делалось это таким образом: хан совал кисть руки в зерно, затем вынимал ее,—если на руке оказывалась пыль, он не принимал такое зерно к уплате как некачественное и плохо провянное.

* * *

Оротинцы постоянно отказывались от уплаты магалы, заключали союзы с другими хиндалалами, а также койсубулинскими аулами Игали, Унцукулем и другими, которые помогали хиндалалам в борьбе с ханами. Активная роль Ороты в этой борьбе подтверждается и наличием преданий об оротинцах—противниках хана и в других аулах Нака-Хиндалал. Вот еще одно предание, подтверждающее это.

Аварский хан назначил сборщиком дани в Нака-Хиндалал некоего цудахарца. Побыв некоторое время в этой должности, цудахарец пришел к выводу: любым путем необходимо заставить оротинцев исправно вносить магалу, тогда и другие хиндалальские аулы будут вносить ее безропотно.

Однажды, когда оротинцы в очередной раз отка-

зались от выплаты, хан поселил на их землях гацалухцев, которые позже образовали аул Хиндах.

* * *

Оротинцам временами приходилось участвовать в набегах хана. Пленным, принявшим ислам, они позволяли селиться в ауле, остальных же возвращали их близким за выкуп.

* * *

По преданию, в первой половине прошлого века за власть в ауле боролись два влиятельных сельчанина: Дибир-Гаджи и Анчилав. Победил Анчилав. Дибир-Гаджи вынужден был бежать в Грузию. Там он обратился за помощью к царскому генералу. Так или иначе, но Дибир-Гаджи вместе с отрядами царских войск появился в родных краях. Этот отряд подступил к Орооте, разгромив по пути Харахи, и предложил оротинцам сдаться. Они отказались. Тогда отряд разгромил и сжег Ороту, а Дибир-Гаджи получил чин сотника.

Когда аул был занят войсками Шамиля, имам приказал расправиться с родственниками Дибир-Гаджи. Истинной причиной этой расправы было предательство их родича, которого они продолжали поддерживать, внешним же предлогом была объявлена якобы совершенная ими кража кувшина из мечети. Когда Шамиль выходил из оротинской мечети, один из рода Дибир-Гаджи выстрелил в него, но промахнулся и сам был убит мюридами имама. После этого случая Шамиль не появлялся больше в Орооте.

* * *

Орота — родина визиря шамилевского казначейства и молочного отца детей Хаджняу Оротинского.

* * *

До революции оротинцы изготовляли из шерсти сукно и паласы. Из жителей села славился человек по имени Чувал Гаджи — кузнец, каменщик. Его считают одним из основателей строительства «Тлохского моста».

* * *

В Ороту приезжал Махмуд и встречался с сельчанами.

* * *

Во время гражданской войны оротинцы сражались на стороне большевиков.

Об Октябрьской революции они узнали только после того, как наиб из Харахи приказал им выступить против большевиков. Оротинцы отказались выполнять его приказ. Наиб грозился взыскать с отказавшихся по мерке зерна. Народ разбил эту мерку. Делегация в составе Х. Гусейнова, А. Алидибирова, Б. Чупдалова, Г. Рамзанова привела большевиков в аул. Сельчане восторженно встретили их.

13. ГОЦАТЛЬ

Мои информаторами в этом ауле были Юсуп Алиев (105 л.) и Магомед Османов, тогдашний секретарь парторганизации. Запись исторических преданий и фольклора, которую мы вели с А. Ф. Назаревичем, происходила в присутствии сельского актива, члены которого живо участвовали в беседе, старались помочь нам, уточняя и дополняя рассказы различными фактами.

* * *

Когда Гоцатля еще не существовало, эта земля принадлежала кудалинцам. От гор Гоцо, находящихся поблизости, произошло название «Гоцатль», так называли это место переселенцы — три семьи кровников, выселенных сюда из с. Тинди по приказу Магомед-нуцала.

По другим сведениям, тиндинцы поселились здесь несколько позже — в период войны с Надир-шахом. Однако это предание, возможно, отражает лишь один из этапов освоения гоцатлинской территории: во вновь основанный аул постоянно подселялись выходцы из Шотода, Гидатля. В Гоцатле существует выражение, что этот аул семь раз разрушался и семь раз отстраивался.

* * *

По местному преданию, именно в Гоцатле укрывался во времена Кавказской войны кахетинский царевич Александр.

* * *

Власть в Гоцатле принадлежала бекам, состоявшим в родстве с нуцалами — отсюда, видимо, и прозвище бе-

ков—«нуцалчи». Наиболее известен Алискендер-бек (Али-Эскендер), отец второго имама Дагестана — Гамзат-бека. Гамзат-бек относился к сословию чанков. В свое время Алискендер-бек был назиром (советником) нуцала. Однако впоследствии он поссорился с Уммаханом, подозревая последнего в причастности к гибели своего брата. По этой причине Алискендер-бек вышел из подчинения аварским ханам и вступил с ними в открытую вражду.

* * *

В Гоцатле жили нуцалчи (бек и его родственники), чанки, уздени, райяты и лаги, — здесь мы видим почти все ступени феодальной сословной лестницы.

Лаги и райяты жили преимущественно в Малом Гоцатле. Обе эти группы были лично зависимы от бека, но положение райятов было несколько лучше: им бек выделял надел, в то время как лаги совершенно ничего не имели.

* * *

Алискендер-бек оставил по себе память как о беке, постоянно покушавшемся на крестьянские земли.

Бекам в Гоцатле принадлежали пахотные земли «Ботлота» и лежащие за ними участки, а также пастбища — всего десять—пятнадцать гектаров.

Гоцатлинские уздени также имели свои мюльки. Беки разными способами стремились присвоить их: например, бек посылал своего раба и приказывал ему поставить кол на определенном участке узденя, потом начал доказывать, что эта земля бекская. По преданию, однажды бек поступил так с участком узденя Халал-Магомеда. Обстоятельства сложились так, что попытка реализовать мнимое бекское право пришлось сыну и наследнику Алискендера — Айдемир-хану. На его попытку отобрать участок Халал-Магомед язвительно ответил: «Я бы отдал тебе мою землю, но висящее здесь ружье не разрешает. Если ты будешь настаивать, мне придется с ним посоветоваться, а тебе поспорить. И, кроме того, мы не спросили согласия моего тухума». Это предание, с одной стороны — пример не только феодального произвола, но и крестьянского отпора, защиты своих прав с оружием в руках, с другой стороны — пример тухумной взаимопомощи и остатков былой вер-

ховной собственности тухума на земли всех своих членов.

* * *

Другим методом феодального захвата земли в Гоцатле были попытки беков объявить участки того или иного из умерших гоцатлинцев своей собственностью, находившейся во временном владении покойного. Вообще в Гоцатле и соседних селениях о здешних нуцалчи говорили, что они не дали спокойно умереть ни одному гоцатлинцу: постоянно старались поссорить родственников покойного при дележе наследства, чтобы урвать при этом часть для себя, а также разными способами, но с этой же самой целью ссорили между собой сельчан.

* * *

Наконец, Алискендер-бек применял и такой способ захвата: под каким-нибудь предлогом запрещал узденю пахать определенный участок, убедившись предварительно, что земля на нем хорошая. Через некоторое время бек захватывал этот участок. Крестьянина же при попытке к сопротивлению сажали в яму.

* * *

Вновь прибывшие в Гоцатль, а также недавние выходцы из Тинди и других аулов были обязаны работать на бека шесть дней в году. Уклонявшихся бек насильно заставлял работать. Бек везде расставлял своих сторожей, и те, если чья-либо скотина оказывалась на бекском участке, тотчас же резали ее.

Если у женщины из лагов рождался сын, бек продавал его, а если дочь — оставлял.

* * *

В период имамата наибом Шамиля в Гоцатле был арабист из Салта по имени Омар.

* * *

Колхоз в Гоцатле был организован в марте 1930 года. В него вступили семьдесят один человек. Первым председателем колхоза был М. Исмаилов. Однако колхоз распался, как объясняли информаторы, в результате активных действий кулаков. В марте 1931 года вновь началась организация колхоза. Кулаки всячески стара-

лись противодействовать этому. Они говорили беднякам: «У вас и так мало земли; если вы вступите в колхоз, то потеряете последнюю землю. Бедняков, шедших у них на поводу, кулаки посылали в Хунзах с протестами против образования колхоза, женщин также заставляли выступать против его организации.

Ныне в колхозе состоят триста пятьдесят семей аула. Колхоз имеет сто семьдесят гектаров земли вблизи Гоцатля. В 1954 году колхоз выдавал своим членам на грудодни по 7 руб. 20 коп., по одному-полтора килограмма яблок, килограмму пшеницы. В колхозе тогда было три тысячи голов овец.

instituteofhistory.ru

IV. ПОЕЗДКА ПО АУЛАМ АКУШИНСКОГО И ЛЕВАШИНСКОГО РАЙОНОВ

Поездки по аулам названных районов с целью сбора историко-этнографического материала я предпринимал неоднократно. Эта работа была начата мною еще до Великой Отечественной войны. К сожалению, в начале своей работы по сбору полевого материала я не всегда фиксировал его немедленно, часто надеясь возместить упущенное позже ввиду доступности для меня материала этих районов. На деле же это привело к потере некой его части. Поэтому данный раздел по количеству собранных фактов несколько уступает остальным.

Материалы, изложенные в данном очерке, имеют отношение к истории селений Акуша, Цудахар, Хаджалмахи, Куша, Гапшима, Усиша, Бутри, Муги, Харбук, Мегеб.

1. АКУША

Название «Акуша», по преданию, записанному дагестановедом Е. И. Козубским еще в прошлом веке, произошло от слов «аку» — высокий, и «иш» — место, селение*. В с. Бутри мы записали вариант этого предания. Некогда в Бутри жил талкан (князь) с четырьмя братьями. Эти пятеро никак не могли ужиться с бутринцами, постоянно ущемляли их во всем. Наконец бутринцы не вытерпели и изгнали братьев из аула. Аку бежал и поселился на территории нынешнего с. Акуша (т. е. «село Аку»). Сюда стали приходить люди и из других мест.

По преданию, уже первые поселенцы образовали магалы села, сохранившиеся доныне: Карша, Дайши, Панжук, Кадни.

* По другим версиям, название селения произошло от мекегинского «Ахъуша», т. е. «верхнее село».

Первые три части объединялись общим названием «Дарги», а последняя, Кадни, стояла особняком. Существует и речка Дарги-Херк, весьма бурная в периоды дождей. Таким образом, отметим, что термин «дарги», ставший впоследствии этнонимом, обильно представлен в местной топонимике.

Хотя еще в начале XIX века все даргинцы называли себя акушинцами (кос-где среди соседнего населения их называют так и поныне), слово «дарго» достаточно древнее. Первоначально оно, по-видимому, употреблялось как собирательное название пяти самостоятельных даргинских земель: Акуша-Дарго, Уцми-Дарго (распространенное среди даргинцев название уцмийства Кайтагского), Каба-Дарго (земли, тяготевшие к с. Урахи, ранее они входили в состав Уцми-Дарго), Хамри-Дарго (даргинские земли в бассейне р. Гамри-озень, ранее входили в состав Уцми-Дарго), Вуркун-Дарго (западная часть даргинских земель, позднее вошедшая в Казикумухское ханство). Следует упомянуть шестую из этих земель — Сиргу (Сирху), которая не носила названия «Дарго», хотя население ее составляли даргинцы. Термин «Дарго», присоединявшийся к названиям большинства даргинских земель, по-видимому, свидетельствует о былом политическом единстве населения этой территории, осознававшемся его жителями, и заставляет считать разделение их на самостоятельные земли позднейшим явлением. Жителей Акуша-Дарго их соседи кумыки называли «даргилярами». От них это название перешло в русский язык — «даргинцы».

Отсутствие термина «Дарго» в приложении к «Сирга» может свидетельствовать об обособленности Сирги от этого былого единства, что может быть легко объяснено изолированным географическим положением Сирги. Но общество «Сирга», как и акушинское, управлялось наследственным кадием и являлось союзником Акуша-Дарго.

Во всяком случае, для всех даргинских обществ язык, имевший лишь различия в диалектах, был общим. Это и есть одно из доказательств их общего происхождения.

В свою очередь, Акуша-Дарго состояло из пяти обществ: Акушала-хIуреба, Цудкурла-хIуреба, Ушшала-хIуреба, МикIхIила-хIуреба, МухIела-хIуреба. Каждая из названных единиц является объединением сельских

общин — джамаатов, а Акуша-Дарго в целом — союзом этих объединений. Буквальный смысл слова «хлуреба» — войско, ополчение. В последний период своего бытования этот термин понимался как обозначение единицы административного деления, однако его этимологический смысл свидетельствует, что он восходит к временам, когда общинные союзы выставляли самостоятельные военные отряды.

* * *

Отдельные хлуреба, из которых состояло Акуша-Дарго, могли на какое-то время отпадать от союза, а затем вновь присоединяться к нему — это типичное для феодального и дофеодального периодов явление. Объединение этих хлуреба вокруг с. Акуша держалось не столько на централизованном административном подчинении, сколько на тяготении к с. Акуша как к общему экономическому центру данной земли, а также ввиду политической (военной) необходимости. Иными словами, при участии Акуша-Дарго во внешних событиях (в особенности военно-политических) все хлуреба выступали как члены единого союза, во внутренней же жизни этой земли они обладали широкой самостоятельностью.

* * *

Самым ярким выражением общности акуша-даргинских хлуреба были собрания представителей всех селений данной земли, происходившие в местности Цахнабикла-дирка в трех-четыре километра от с. Акуша, рядом с с. Бургмакмахи. Местность Цахнабикла-дирка представляет собою ровную речную террасу, заросшую густой, всегда свежей травой, с куполообразным холмом посередине. По преданию, представители Акуша-Дарго, а также некоторых прилегающих сел Каба-Дарго заполняли равнину, а на холме восседал акушинский кадий. При таком стечении народа на этой равнине открывались прения и тут же принимались решения, касающиеся внутренних отношений даргинских обществ и внешне-политических акций.

Любопытен обычай, связанный с этой местностью: каждый даргинец старался пройти мимо нее так, чтобы ни в коем случае не взглянуть на холм. Считалось, что если на холм хотя бы случайно взглянет идущий на ба-

зар, то ему не видать удачи и не избежать убытков. Среди жителей соседних селений Бургмакмахи и Узни доньше живут легенды, что в холме скрыты золотой лук и другие сокровища.

Нам кажется, что наличие сакральных и ритуальных моментов, связанных с данной местностью, может свидетельствовать о значительной древности проведения здесь народных собраний, так как подобные события связаны с ранними стадиями развития общественного сознания.

* * *

Накануне Великой Отечественной войны я осматривал двухэтажную джума-мечеть, возвышавшуюся над селением Акуша. Это средневековое строение было необычайно интересным по своей конструкции и по размерам. В то время в мечети находились даже рукописи на восточных языках. Сейчас от этого своеобразного памятника искусства остались еле заметные следы. Оказывается, мечеть разобрали во время войны по указанию сельских «мудрецов» для каких-то строений.

Километрах в шести-семи от аула Акуша в сторону Левашей находится местность Карбуки-дирка — еще более обширная ровная площадь, где при чрезвычайных обстоятельствах собирались представители всех шести даргинских земель в более расширенном составе и даже представители соседних с ними обществ и феодальных владений. Здесь решались вопросы о войне и мире, а также принимались общие для всех даргинских земель решения. Как свидетельствует путешественник** прошлого века, последний раз такое собрание происходило в 1866 году из-за спора с губденцами за прогон скота. Территория эта контролировалась акушинцами, но считалась общей землей нескольких даргинских обществ. Хочу привести здесь одно предание, хотя записал я его в Харбуке еще в 1935 году, когда посетил этот аул вместе с известным этнографом проф. Е. М. Шиллингом.

** Владимир Вилльер де Лиль-Адам в своих путевых заметках «Две недели в Даргинском округе» писал: «В Карбуке-дирка раз в год собиралось народное собрание даргинцев для обсуждения важных дел, касающихся всего союза, и в последний раз сошлось на этот даргинский форум народное собрание в 1866 году, по поводу спора даргинцев с губденцами о пастбищах». ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1874, с. 16.

Давным-давно на месте Карбуки-дирка был расположен аул Карбук (Харбук), где жили предки нынешних карбукцев. Поблизости проходила большая дорога Карбукцы вместе с жителями с. Ме-Муги, расположенного неподалеку от них, в местности, где сейчас Аямахи грабили на этой дороге прохожих. Их разбой надоед даргинцам: жители всех сел, тяготевших к этой дороге, сговорились сообща напасть на грабителей и покончить с их разбоем. К этому делу решили привлечь и шамхала. Между тем жители Ме-Муги и Карбука узнали об этом плане. Поняв, что им не выстоять одним против всех, и не желая погибать, они тайно, ночью бежали со старого места. Карбукцы основали нынешнее с. Харбук (Дахадаевский район), а опустевшая равнина Карбуки-дирка осталась в совместном пользовании акушинцев, мекегинцев, усишинцев, мугинцев и цудахарцев.

Что касается обитателей Ме-Муги, то в с. Муги существует предание, что часть ме-мугинцев бежали сюда, а остальные — в Гунибский и Дахадаевский районы, где основали селения Мегеб и Меусиша. Отметим, что в отличии от предыдущих, предания о Карбуке-дирке лишены каких-либо сакральных сверхъестественных моментов и, судя по всему, излагают действительный случай, имевший место в эпоху средневековья. Следовательно, традиция проведения собрания на Карбуки-дирка явно имеет более позднее происхождение.

* * *

Любопытны предания об отношениях акушинцев с шамхалом: есть много изустных известий о заключении между ними союзов для каких-либо совместных действий, шамхал фигурирует также как постоянный член общедаргинских собраний на Карбуки-дирка. Нельзя считать случайностью наличие среди родников этой равнины одного, носящего название «шамхальского». Здесь в топонимике отразилось исправное посещение шамхалом общедаргинских собраний, с мнением и намерениями которых ему приходилось считаться. С этим фактом интересно сопоставить зафиксированное в русских источниках предание о обязательном участии акушинских представителей в церемониях утверждения нового шамхала, причем представителям Акуша-Дарго по традиции принадлежала почетная роль «коронования» шамхала папахой.

Где истоки этого обычая, свидетельствующего об определенной зависимости шамхалов от акушинцев? Ведь, с другой стороны, существуют известные письменные свидетельства о взимании шамхалом («валнем Дагестана») дани — ста быков ежегодно — с акушинцев.

По-видимому, обычай «коронования» шамхала акушинцами имеет более позднее происхождение, чем их былая зависимость от него. Письменные свидетельства о даннических отношениях акушинцев относятся ко времени, когда династия шамхалов прочно держалась в своей первоначальной резиденции — Кази-Кумухе, получив инвеституру своей верховной власти «первого среди равных» феодалов Дагестана, возможно, в период Золотой Орды, если не раньше.

Однако во второй половине XVII века положение шамхала в Кумухе стало непрочным, и, наконец, весь его тухум был изгнан, в основном его члены перебрались в с. Тарки, отдельные же его представители оказались в Аварии, Буйнаке и других местах. Известно, что, лишившись опоры в Кумухе, шамхалы искали ее в других местах и безуспешно: вряд ли кумухские изгнанники смогли бы утвердиться на плоскости без посторонней помощи. Между тем в этот период Акуша-Дарго выступает уже как ведущая сила среди даргинских земель, а все вместе в тогдашнем Дагестане они составляли внушительную силу. Не к этому ли периоду относится заинтересованность шамхалов в поддержке со стороны акушинских хлуреба? Не с их ли помощью шамхалы становятся самыми удачливыми претендентами на роль верховных феодалов плоскости, где уже созрели условия для появления такого носителя власти? И не эта ли поддержка акушинцев символически была отражена в традиционном «короновании» шамхала руками акушинских представителей? Нурбаганд-кадий — последний из наследственных кадиев всего союза, пользовавшийся правом надевать папаху на вновь избранного шамхала.

Во всяком случае, с этого периода становится совершенно явной ведущая роль Акуша-Дарго среди других даргинских земель, которую оно удерживает вплоть до включения Дагестана в состав Российской империи. К этому периоду относится употребление слова «акушинцы» как этнонима всех даргинцев, в особенности среди соседних народов.

Общезвестна исключительно важная роль акушинского кадия. Кадии не внезапно появились в этих землях — эта должность существовала со времен установления ислама в Дарго. Тогда же были назначены кадии в Цудахар, Сиргу. Первоначально, во времена, когда власть была в руках предводителей ополчений — хIуреба — или местных талканов, кадий был не более чем судьей. Однако исследователи (в частности, востоковед А. Мец) еще в XIX веке отмечали, что мусульманское право не отделяет четко судебных функций от исполнительных, и потому всегда остается формально законная лазейка для присвоения кадию политической власти. По-видимому, этот же процесс имел место в Акуша-Дарго: первоначально кадий избирался общинниками. Эта традиция (во всяком случае, формально) до конца сохранялась во всех даргинских селениях, включая центры отдельных хIуреба в самом Акуша-Дарго. Однако кадий с. Акуша, бывший главой для всех кадиев Акуша-Дарго, быстро становился типичным феодалом, превращавшим публичную власть, которую он получал от общины, в средство внеэкономического принуждения и феодального произвола. Русские источники начала XIX века свидетельствуют, что власть кадия Магомеда Акушинского была наследственной, т. е. сам он был представителем феодальной династии. — Вот еще один наглядный пример пути генезиса феодализма из общинных отношений.

В заключение отметим, что, опираясь на мощь Акуша-Дарго и его лидирующее место среди остальных земель, кадий стал оказывать весьма существенное влияние на политическую жизнь всех даргинских земель.

* * *

Проводя согласованную внешнюю политику, даргинские союзы общинных объединений чаще всего стремились к нейтралитету; наибольшую активность они проявляли лишь при внешних нападениях.

Ополчения формировались из объединений джамаатов из расчета: два вооруженных человека от каждого хозяйства.

Соседние феодалы, в особенности уцмий и шамхал (в более позднее время — казикумухские ханы), часто приглашали такие ополчения в свои войска.

Кази-кумухские шамхалы и аварские ханы добровольцев для набегов набирали в даргинских землях. Нередко такие набеги знать устраивала по собственному почину.

* * *

Одна из причин возвышения Акуши — важность этого селения как экономического центра. На акушинский еженедельный базар стекались люди из самых дальних селений. Посещение его становилось для жителей мелких, заброшенных сел и хуторов событием, которое помнят всю жизнь. Акушинцы ждали базара с большой радостью и удовлетворением, но отчасти и со страхом. Нередко на базаре встречались кровники, в свое время расселившиеся в разные места. Тогда происходили внезапные кровавые стычки, в которые могли быть вовлечены посторонние люди, и весьма часто базарный день сопровождался убийствами и ранениями.

У жителей села Джавгат Кайтагского района сохранилось предание о том, что акушинцы в свое время имели над ними какую-то власть. Так, например, джавгатцам известно, что в случае убийства, грабежа и других проступков акушинцы выступали в роли законодателей и взыскивали штрафы.

* * *

Власть кадия, опиравшегося на шариат, по существу своему была теократической. В этом, видимо, одна из причин того, что религия в свое время имела в с. Акуша исключительно глубокие корни. Выразительный факт: на четыре упомянутых выше квартала в Акуше приходилось семь мечетей, столько же коранских школ и медресе.

Живые традиции исключительной власти акушинского кадия долго продолжали жить в этом селении. Хотя политическая власть кадия после подавления движения Шамиля была в Акуше упразднена (последним кадием, пользовавшимся политической властью, был Нурбаганд), ее можно заметить и в деятельности шейха Али-Гаджи Акушинского, активно участвовавшего во время гражданской войны в военно-политических событиях.

Принципиальная линия, проводимая большевиками в период гражданской войны с Али-Гаджи, нейтрализовала опасность этих теократических тенденций: напротив, Али-Гаджи был использован как союзник Советской власти в борьбе с деникинцами и внутренней контрреволюцией. Зато в годы социалистических преобразований вред теократических тенденций становился все более очевидным.

Бывший бакинский рабочий, командир партизанского отряда во время гражданской войны, Магомед Андиев в 1924—1925 годах был секретарем партячейки в Акуше. Он вспоминает о настоящем засилии клерикалов в эти годы: ему вместе с небольшой группой коммунистов и сочувствующих приходилось противостоять злобным преследованиям группы Али-Гаджи, в которой особенную активность проявляли его сыновья и приспешники.

Партсобрания приходилось проводить скрытно, ибо клерикалы старались подкараулить их участников, на травить на них население, спекулируя на его религиозных чувствах и средневековых предрассудках для достижения целей чисто политических.

Клерикалы распоясались настолько, что перешли на путь открытых преступлений, не гнушаясь убийствами. Так, они мешали открытию кооперативного магазина: срывали с него замки, отравляли сторожевых собак, сбросили с крыши сторожа.

В голодные годы клерикалы препятствовали покупке населением муки в кооперативе, опять-таки спекулируя на темноте и религиозных чувствах сельчан: говорили, что кооперативная мука, смолотая на «русских огненных (т. е. паровых) мельницах», делает недействительными молитвы людей, употребляющих ее в пищу.

Столь же активно препятствовали они организации колхоза и школьному строительству в с. Акуша. Несмотря ни на что, первые коммунисты и советские работники в Акуше шаг за шагом закрепляли успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии, и вовлекали население в общее русло советского развития.

2. ЦУДАХАР

Цудахар в прошлом — один из важных центров даргинских обществ. Его роль в истории Дагестана просле-

живается от самого средневековья. По своему диалекту жители Цудахара и близлежащих аулов отличаются от акушинцев, урахинцев, мекегинцев. Однако Цудахар очень тесно был связан с Акушинским вольным обществом, и во внешних акциях оба эти общества всегда выступали совместно, приходя на помощь друг другу.

С Цудахаром у меня связано много впечатлений. В первый раз я попал туда пятнадцатилетним юношей в качестве мутаалима цудахарской мечети. Собственно говоря, я ушел из дому, чтобы поступить в обучение к цудахарским арабистам — хорошим знатокам арабского языка — с целью освоить этот язык. Однако мне, привыкшему к методам светской школы (я учился до этого в г. Самаре), условия учебы и быта в мечети показались невыносимыми, средневековыми, мрачными. Приходилось и учиться и ночевать здесь же — в мечети, питаться закатом — скудным подаением верующих. Занятия проводились от случая к случаю, ибо наших наставников никто не контролировал, а настроение заниматься с нами бывало у них не всегда. И прежде всего для меня был совершенно неприемлем смысл обучения, основанного на теологии, схоластике, на далеких от жизни моральных принципах. Я поныне удивлен тем, как мало впечатлений осталось у меня от первого посещения Цудахара: кроме мечетских стен, я ничего не помню.

Второй раз я посетил Цудахар в 1933 году: я гостил там. Впечатления от этого посещения были более богатыми. Тогда я учился на историческом факультете Дагестанского педагогического института — отсюда и интерес к истории аула. Я осматривал развалины древних поселений в окрестностях аула, записывал легенды о смелой девушке и двух ее спутниках, основавших Цудахар. В эти годы были живы участники революции и гражданской войны, красные партизаны. Это были люди удивительной отваги и мужества! Тогда шла слава о Кара Караеве, Хабибулле Шапиеве, Али Алтаеве, Рабадане Аскалдиеве, Арсланхане Рабаданове и многих других.

Я очень сожалею, что тогда мне не удалось подробно записать их воспоминания.

Позднее я бывал в Цудахаре неоднократно, являясь депутатом Верховного Совета ДАССР от Цудахарского избирательного округа. Помню старое, я имел возможность сравнить его с новым. Еще в тридцатые годы

в ауле были сословные предрассудки, трения между ту- хумами, кровная месть,— теперь ничего этого и в помини нет.

Непрерывными атрибутами, говорящими о мужском достоинстве их обладателя, у цудахарцев являлись тяжелый тулуп, кинжал, пистолет. Женщины носили головной убор с тяжелой серебряной цепью на лбу, одеты они были опрятно, отличались трудолюбием, были очень умелы, строгих нравов, постоянно содержали дом в порядке, однако голос их был заглушен не только в переносном, но и в буквальном смысле: в Цудахаре считалось, что петь песни — удел мужчин, а для женщины пение — недостойное занятие.

От всего этого ныне почти ничего не осталось. Я присутствовал в цудахарском клубе на выступлении колхозной самодеятельности: в зале сидели и мужчины, и женщины, нередко с детьми. И те и другие были красиво одеты, в их одежде сочетались современные и национальные элементы, а со сцены слышались песни колхозниц-цудахарок, оттеснивших в песне исполнителей-мужчин на задний план.

Будучи участником культсанштурма в этом районе в тридцатые годы, я видел, как местные жители нередко по неграмотности прикладывали к листу бумаги палец вместо подписи. Я помню создание первых очагов обучения в цудахарских аулах — ведь сам я в качестве культурмейца застрял тогда в Левашинском райкомкомсомола на три месяца, превратившись в его работника, поэтому я имел достаточно возможностей ознакомиться с тогдашним уровнем образования, быта и культуры.

Сейчас все переменялось. Проблема всеобуча давно решена, причем существует не только общеобразовательная, но и профессионально-техническая школа. Цудахарский Дом культуры не уступает городскому. Колхоз «Цудахарский» считается передовым и известен даже за пределами республики. Его долгие годы возглавлял замечательный организатор колхозного производства Шаралуддин Умаханов.

* * *

Существует несколько преданий о заселении территории Цудахара и об основании нынешнего селения. В период моего последнего посещения Цудахара еще

можно было заметить в местностях Чихахражи и Губахражи, в двух-трех километрах к югу от аула, остатки бывших здесь поселений. На горе, к западу от аула, в местности Булетарлабек также были заметны поселения. До сих пор среди цудахарцев бытует предание, что они — «гуржне», т. е. грузинского происхождения. Достоверных фактов на этот счет пока нет, однако, возможно, в этой легенде отразилась религиозная принадлежность первоначальных обитателей этой территории, живших в перечисленных поселениях.

Одно из преданий гласит, что обитатели этих поселений вместе с жителями других здешних аулов упорно воевали против арабов. Предводителем арабов предание считает Абуमुслима.

Эти поселения продолжали существовать и после проникновения в здешние места ислама. Мало того, одно из преданий, опубликованное мною ранее, утверждает, что именно сюда переселились жители девяти из двенадцати (или четырнадцати) аулов и одного города, которые были расположены в районе нынешнего с. Кадар (остальные три села одновременно основали Губден, а небольшая часть жителей слилась с кадарцами и акушинцами). Существует несколько версий о причине этого расселения: нехватка воды, эпидемия, нашествие врагов. Наиболее вероятной нам кажется последняя, причем скорее всего этими врагами могли оказаться арабы, а затем дербентские газни, о непрерывных походах которых на север от Дербента повествуют многие письменные источники.

Относительно развалин поселений вблизи Цудахара необходимо сказать следующее. Цудахарское предание, правда, не совсем ясно, сообщает, что они были сожжены врагами гораздо позднее нашествия арабов (вероятно, следует предполагать эпоху татаро-монгольского господства или время нашествия Тимура).

Третье предание о заселении Цудахара также опубликовано мною ранее: оно называет основателями аула трех молодых людей — девушку, ее брата и жениха, бежавших от власти деспота-талкана из местности Чахха.

По нашему мнению, все эти предания не противоречат друг другу: они могут относиться к периодам крупных подселений или к случаям возрождения на том же месте разоренного аула Цудахар — и те, и другие явления в эпоху средневековья были в Дагестане нередки.

Что же касается названия аула, то оно связано с расположением последнего. Недалеке от Цудахара находятся отвесные скалы, которые носят у местных жителей название «Чахи», т. е. «водопад». Слово «водопад» на тюркских языках — «су-ахар». Тюркское название «су-ахар» в произношении местных жителей превратилось в «Цудахар». Трудно сказать, так ли все это было на самом деле. Во всяком случае, нет ничего невероятного в широком распространении тюркского названия крупного торгово-ремесленного центра с относительно широкими экономическими связями.

* * *

В Цудахаре существовало четкое и строго соблюдаемое сословное деление жителей.

Кроме того, население Цудахара делилось на тухумы, из которых четыре были наиболее влиятельными. Каждый из этих четырех тухумов избирал по одному хулела (старейшине) сроком на три года. На общем собрании полноправных членов этих тухумов избирался кадий аула. Кадию и четырем хулела принадлежала судебная и исполнительная власть в Цудахаре.

Любопытно, что цудахарские должностные лица утверждались в должности на собраниях представителей всех джамаатов Акуша-Дарго на равнине ЦахИнабикладирка близ с. Бургимакмахи, описанных выше. Цудахарцы были неизменными участниками этих собраний.

* * *

Каждый из четырех основных тухумов Цудахара выделял из своего земельного фонда особый участок, весь доход с которого шел в пользу хулела данного тухума до тех пор, пока он занимал эту должность. При его переизбрании через каждые три года такой участок переходил соответственно в пользование каждого следующего хулела.

* * *

В случае отступления от цудахарских адатов и кадий и любой из хулела мог быть немедленно отстранен от должности. В этих случаях провинившемуся не помогали ни знатность, ни богатство. Предание сохранило один из таких примеров.

В Цудахаре жил некий Сулибанилов, относившийся

к той разбогатевшей тухумной верхушке, из числа которой избирались и хулела и кадии. Будучи как-то в с. Тарки в гостях у шамхала, Сулибанилов сказал ему: «Шамхал, кумыки — твои райяты, а там, в горах, цудахарцы — мои райяты». Когда это стало известно в Цудахаре, сельчане предали дом и имущество Сулибанилова огню, а его выселили в с. Убеки. По преданию, когда горел дом Сулибанилова, из него ручьем текло растопившееся сало от хранившихся в кладовой курдюков.

* * *

Цудахарский кадий считался вторым лицом в Акуша-Дарго после акушинского кадия. Предание сохранило имена некоторых здешних кадиев: Аслан-кади, Ника-кади. Власть их в рамках Цудахарского союза сельских общин была подобна власти акушинского кадия в Акуша-Дарго.

* * *

В Цудахарский союз сельских общин входили окрестные аулы: Хаджалмахи, Куппа, Кари-кадаин, Санамахи, Кули-бухни и другие. По преданию, все они образовались как выселки из Цудахара, который оставался по отношению к ним своеобразной «метрополией». Предание гласит, что некогда в Цудахаре был адат, согласно которому каждый цудахарец мог оставлять при себе в ауле лишь двух сыновей, а третьего и всех последующих, когда те становились взрослыми и обзаводились семьями, следовало поселять на цудахарских землях вне аула. Таково происхождение всех названных выше аулов; известны даже примерные даты возникновения некоторых из них. Очень долгое время все они находились в определенной зависимости от цудахарского джамаата. Один из наглядных примеров такой зависимости — обязанность жителей аулов-выселков хоронить своих покойников на кладбище с. Цудахар.

Хаджалмахи считается первым выселком из Цудахара. Первоначально на его территории существовали два небольших поселения — ЧяхИла бекI и Къаяла бекI, в каждом жили пять-шесть семейств. Затем начали прибывать переселенцы из Цудахара, и новый аул Хаджалмахи стал быстро расти. Однако связь его с Цудахаром закреплялась не только обязанностью хаджалмахинцев хоронить своих покойников на цудахарском кладбище,

существовал еще один интересный адат на этот счет: после заключения махара жених и невеста должны были три дня провести в Цудахаре — иначе брак считался незаконным.

* * *

Сохранилось предание о том, что бывали такие периоды, когда и Цудахар, и даже Акуша подпадали под власть кази-кумухского шамхала.

Иногда под его предводительством, а порой и самостоятельно цудахарские газин совершали набеги. Вместе с ними в походах принимали участие хаджалмахинцы и жители других выселков. Пленные, захваченные во время набегов, а затем и их потомки составили в Цудахаре, как и во многих других дагестанских аулах, сословие лагов.

3. ГАПШИМА

Сам я родом из этого села, мое детство и юношеские годы протекли здесь, да и в последующие годы я никогда не терял связей с односельчанами. Здесь я менее нуждался в информаторах: многое, связанное с прошлым аула, было известно мне с раннего детства, когда все крепко входит в память.

* * *

Жители считают свое село очень древним, а первыми обитателями этих мест называют «лесных людей». Такое мнение имеет основания: неподалеку от Гапшима, у фермы в местности Бецла-Кула археологи произвели раскопки, обнаружив материал эпохи бронзы и еще более ранних периодов.

* * *

Название селения происходит от слов «хIаб» — три и «ши» — село. Некогда объединились три села: Шиллабурхила («местность, обращенная к солнцу»), Жулселабурхила («террасы Жулсе») и ДехIшала («лицом к солнцу»), создавшие основу нового аула. Позже к ним присоединились и более мелкие поселения: Чемаша («верхнее село»), Вацараг, Урчихенкыла-кабка (буквально: «место пастбы лошадей»).

* * *

Первоначальное поселение расположено выше нынешней Гапшима на триста—четыреста метров. Называют его просто «Кабкала кала» — горная крепость. Разрушенное поселение было обнесено стеной, существовали и башни. Остатки стен и башен сохранились поныне. В крепости до сих пор школьники находят маленькие выемчатые наконечники стрел из кремня. С северной стороны крепости, где подход к ней относительно более доступен, стена с бойницами выполнена циклопической кладкой из огромных каменных глыб. Там же внутри крепости имеются обжитые помещения — пещеры.

Существует предание, что во время вражеских нашествий в Кабкала вместе с гапшиминцами укрывалось и население Шукты и Мегва. Осталось предание, рассказывающее о том, что однажды гапшиминцам пришлось обороняться от врагов, забрасывавших жителей крепости зажигательными глиняными сосудами. Трудно уточнить, кто именно были эти враги, но, очевидно, столкновение это имело место еще до изобретения огнестрельного оружия.

Укрепленное поселение Кабкала кала было обитаемо до тех пор, пока там была вода. Высохшие родники кала видны до сих пор. Когда вода почему-то исчезла, поселение вынуждено было перебраться вниз к реке. Однако крепость продолжала сохранять значение военного убежища. В более позднее время Кабкала кала служила удобным загонем для скота всего аула.

* * *

Селение было перенесено к речке в более широкое место ущелья, зажатого двумя почти отвесными скалами. Чтобы защищать его, в нижней узкой части ущелья были построены одна над другой две боевые башни. Естественной скальной трещиной они соединялись с верхней, третьей башней, отнотившейся уже к Кабкала кала, причем трещина играла роль траншеи — хода сообщения, по которому воины могли безопасно передвигаться от башни к башне от крепости вплоть до речки. Между тремя башнями были одинаковые расстояния. Речка же, представлявшая временами естественный путь, была перегорожена двумя бревнами, находившимися там еще во время моего пребывания в крепости. Они делали не-

возможным проезд всадника по руслу реки и в значительной степени затрудняли проникновение пешего в крепость.

* * *

Древняя традиция гапшиминцев — охранять по очереди вход в селение — оказалась очень живучей, она продержалась вплоть до Великой Отечественной войны. Еще будучи аспирантом, в тридцатые годы я видел сельчан, несших в порядке очереди охрану этого прохода.

Существовало специальное небольшое караульное помещение, примыкавшее к двустворчатым воротам и преграждавшее дорогу в селение. Охрана по ночам впускала в помещение отдельных запоздалых путников, двигавшихся вверх по ущелью. Их задерживали в караульном помещении до утра, чтобы при свете дня выяснить личность каждого, прежде чем позволить следовать дальше.

Живучесть традиционной охраны гапшиминских ворот объясняется, видимо, и тем, что по ущелью проходила скотопрогонная дорога, имевшая жизненно важное значение для населения Сирги Кулинского, Акушинского и части Дахадаевского районов.

Ворота преграждали и вход в Гапшиму с юга. Однако они охранялись не столь бдительно: охрана усиливалась лишь в беспокойные времена или в периоды эпидемий.

* * *

В Гапшиме было несколько тухумов, неравных по своему имущественному и сословному положению. Предки большинства из них в разное время поселились здесь. Нахбаркли — выходцы из Дахадаевского района, Хала-Аликали (Турхкали), Баликали, Хутайкали, Бакалкали, Амузгакали — выходцы из с. Амузга, ремесленный тухум, поселившийся последним, Бегакали, Каракали, Чандагайкали. Несмотря на преобладание черт соседской общины, тухумная общность в Гапшиме имела некоторое самостоятельное значение. Так, наиболее состоятельные тухумы имели свои общие загоны для скота. Раньше гапшиминцы ходили в походы отдельными тухумами, и каждый тухум имел свое знамя (знамя тухума Нахбаркали мы с Е. М. Шиллингом разыскали и сдали в фонд Музея этнографии народов СССР в Москве).

Весь годовой цикл хозяйственной и общественной жизни в Гапшиме был размерен праздниками традиционного сельскохозяйственного календаря, уходящими своими корнями в глубокую древность.

Первым весенним праздником такого рода был «Шин даркес» (буквально — «сделать воду»). Первоначальная сущность его сводилась к следующему: накануне выпаса скота на весенних пастбищах всей общиной очищались после зимы родники, водоемы, проточные каналы и русла, сооружались пруды для водопоя скота. В это время очищались и ремонтировались также тропинки и дороги, исправлялись подпорные стены и откосы откосов вдоль дорог.

Все это делалось очень торжественно. За день до праздника сельский глашатай — мангуш — оповещал сельчан о решении старейшин провести «Шин даркес» следующими словами:

Слушайте, слушайте!
Будьте вы под попечением аллаха!
Пусть дни наступят прекрасные,
Пусть обильно зацветет природа!
Завтра все идем на очистку водоемов—
И стар и млад.

Утро следующего дня начиналось музыкой (звучали зурна, гармонь, барабан). Собирались все, кроме стариков и старух, младенцев и больных. Надевали лучшую одежду, брали с собой пищу и лакомства. Мужчины надевали оружие и выезжали верхом (коней старались откормить к этому дню). Девушки одевались как можно наряднее, парни тоже старались выглядеть молодцами. Под звуки зурны и барабана, с пением песен процессия отправлялась на угожья. По пути производили ремонт дорог и троп, очистку и ремонт родников и водоемов, сооружали пруды. К обеду работа обычно заканчивалась, участники останавливались где-либо и угощались.

Затем начинались скачки, игры и танцы. Всадника, пришедшего первым, родственники обвешивали цветными материями. Здесь же во время танцев и игр парни и девушки могли заключать предварительные соглашения о браке посредством условных подарков (впрочем, такие соглашения потом все равно должны были утверждаться их родителями).

Праздник «Шин даркес» органично перерастал в праздник «БуцИ деркес» (буквально: «сгон волков»), охватывавший вторую половину дня до сумерек. Участники праздника растягивались цепочкой и шли по пастбищам и угодьям с зурной, барабанным боем и стрельбой: начиналась облава на волков. Они спугивали волков, прижившихся здесь в зимний период, и гнали их в сторону скалистых обрывов, либо истребляя по дороге (недаром мужчины выходили вооруженными и верхом на лучших конях), либо вынуждая прыгать вниз (при падении те, естественно, погибали).

Итак, сельскохозяйственный характер происхождения этих праздников, их чисто рациональный первоначальный смысл совершенно очевидны.

Поэтому хотелось бы указать на возможность возрождения этих празднеств как традиционных народных праздников весны, которые можно и нужно наполнить новым, современным содержанием, сохранив и улучшив их эмоционально-художественную сторону, и использовать в целях воспитания у современной молодежи коммунистического отношения к труду, для укрепления советских трудовых традиций.

* * *

Псле названных праздников — по происхождению пастушеских — наступал земледельческий праздник «ХъубахИруми», аналогичный празднику первой борозды в других частях Дагестана и означавший начало пахоты. Он проводился в марте. Праздник этот, безусловно, имел весьма древнее происхождение.

Традиционный обряд проведения его таков. В одну из мартовских пятниц джамаат просит одного из наиболее уважаемых сельчан провести первую борозду. Таковым всегда оказывается человек, которому организатор прошлогоднего «ХъубахИруми» сказал «дерхъаб». Иногда находится претендент, который сам вызывается организовать праздник, но чаще будущего организатора приходится уговаривать, так как он должен взять на себя немалые расходы по угощению сельчан (как минимум обеспечить быка и бузу на весь джамаат).

Утром в день празднества все мужчины и женщины собираются у организатора («халахъубзар»), причем в дополнение к мясу и бузе, которые он приготовил, приносят всевозможные лакомства. Здесь же появляются

один-два шута в войлочных масках с рогами. Начинается веселье.

По окончании пира все отправляются в поле. Шествие возглавляют старики и пахарь, за ними идут сельчане, молодежь, заключают шествие дети. При этом всю дорогу участники шествия поют ритуальную песню, в которой выражаются пожелания богатого урожая и приплода. Мальчишки обычно с нетерпением ожидают процессию на месте совершения обряда.

Старший пахарь символически разбрасывает по пашне зерно. Между тем запрягают быков. К их головам подвешивают ритуальные хлебцы: в виде крестов — это либо крест в его изначальном значении солнечного символа, либо пережитки былого христианства (к тому же их называют «къяна», т. е. «ложь», выражая этим отношение к доисламским верованиям). После совершения принятого в таких случаях обряда халахъубзар (старший пахарь) начинает пахоту. Собравшиеся при этом плещут на него водой, сыпят землю, иногда мажут лицо глиной и даже бросают пахаря в реку. Его тотчас сменяют добровольцы — с ними поступают так же. Затем начинаются игры, танцы, песни. Началом игр является скатывание с горки огромного круглого каравая («ХИрегари») с отверстием посередине. Мальчишки бросаются к нему, стараясь оторвать кусок побольше.

После этого состоится состязание по бегу, причем первой бежит группа мальчиков. Пришедший первым получает знамя, сделанное из детского платка, и хлеб с мясом. На тех же условиях проводится забег группы девочек.

Затем бегут, тоже группами, юноши, потом девушки. Победители также награждаются, лишь платок для знамени берется большего размера.

В финале бегут группы стариков, старух и хромых. Это комическое зрелище, к тому же шуты в масках сопровождают бегущих, подбадривая их. При забеге хромых шуты копируют их бег и попутно совершают акробатические трюки, требуют призов.

Затем устраиваются состязания по метанию камня и поднятию тяжестей. Далее проводится вольная борьба. Потом — соревнования по стрельбе, причем мишенями служат крестообразные хлебцы — къяна. Перед этими состязаниями отовсюду слышатся песни, там и тут можно увидеть пляски.

После всего этого организуются скачки. Они начинаются заездом шутов верхом на ярко украшенных ослухах, что также вызывает смех и веселье. Затем начинаются скачки на лошадях на определенное расстояние. В скачках принимают участие и наездники из соседних сел. Пришедший первым получает красное знамя и премию зерном и деньгами. (По некоторым сведениям, для лошади победителя выделяется особый сенокосный участок в местности Хьарчлаал.) Победитель должен устроить небольшое угощение; родственники обвешивают его и коня пестрыми кусками материи, и в таком виде победитель разъезжает весь день. После возвращения людей с поля праздник продолжается в селе—юноши и девушки устраивают танцы. Если в тот день рождается мальчик, он получает имя Хьубзар—в память об этом дне.

Кстати, когда наступает время уборки хлеба, первым ее начинает тот, кто был весной «халахьубзар». Осенью молодежь аула отмечает свой праздник: его участники—молодые парни—собирают каждый по одной «барха» (большой мерке) зерна. За собранное зерно они приобретают некоторое количество хлеба, бузы и мяса. Затем собираются в доме одного из участников и устраивают вечеринку. На нее приглашаются и уважаемые люди. Из числа приглашенных избирается «шах», который означает «кадия»—законодателя и его исполнителей—«нукеров». Перед началом празднества у всех отбирается холодное оружие. После пира начинаются танцы, песни; участники, одетые во все лучшее, проходят по установленному маршруту. Перед началом танцев приглашаются девушки.

Возможно, в основе этого обычая лежит традиционный ритуал праздника сбора урожая.

* * *

Земледельческая практика создала потребность в элементарном знакомстве с астрономией. Гапшмишцы определяли начало и конец каждого времени года по месту восхода и захода солнца. На склонах близлежащих гор были приметны камни, скалы, вершинки, солнце достигало их в разные времена года, перемещаясь по эклиптике,—эти объекты и служили «отметками календаря». Соответственно определялось время начала и окончания сельскохозяйственных работ.

* * *

Времена года и смена сезонов определялись и по чисто биологическим приметам. Появление в определенном месте у реки бабочек-поденок (эфмерид) означало, что можно ехать на плоскость. Момент появления поденок назывался «Турши», так как совпадал с появлением звезды того же названия на ночном небе в начале августа. Считалось, что кроме посещения плоскости в это же время следует спускаться на нижние части склонов пасущиеся стада. С этого момента также не рекомендовалось спать под открытым небом в горах.

Несмотря на обманчивую форму суеверий, в этих приметах сконденсирован многолетний рациональный опыт. И появление поденок, и восхождение «Турши» связаны с таким временем года, когда начинается ослабление летней жары. Естественно, что и на плоскости наступает состояние погоды, благоприятствующее здоровью, так как носители малярии—комары—теряют свою активность. В то же время более холодно и сыро становится ночью в горах—отсюда рекомендации относительно начала выпаса овец и ночлегов.

* * *

Зимой гапшмишцы держали крупный рогатый скот и лошадей в селении. Кормом служило заготовленное в предыдущий период сено, а также мякина. Мелкий рогатый скот, преимущественно овец, зимой не перегоняли на плоскость, его пасли на землях аула, используя для этого склоны с южной экспозицией. Зимой на этих склонах снег почти не держится: они всегда открыты солнцу и постоянно покрываются зеленью, пробивающейся между сухой прошлогодней травой. Одновременно существовала жесткая очередность использования этих склонов, строго соблюдая которую можно было дотянуть до весны.

* * *

В Гапшиме, в особенности среди женщин, сохранились некоторые любопытные обычаи, уходящие корнями в седую древность. Ранее я публиковал сведения об обычае, бытующем у ицаринских девушек и восходящем к эпохе матриархата (шуточная коллективная «расправа» над мужчинами из других селений),—этот же обычай бытовал и в Гапшиме.

До последнего времени в Гапшине, как и в некоторых других селениях Дагестана, среди женщин бытовал обычай татуировки (у мужчин этого не наблюдалось). Татуировка производилась иглами — костяными или из крепкого дерева «калам» (хотя металлические иглы и были известны, но их почему-то не применяли). Ими накалывался узор, затем он покрывался специальным составом, основным компонентом которого была сажа. Узоры назывались «калк» (буквально — «дерево»), видимо, потому, что рисунок, наносимый на руки, напоминал елочку. Татуировалась также и грудь. Иногда между бровями наносилась точка — «кант». Раз нанесенный рисунок оставался на всю жизнь и считался украшением девушки.

* * *

В Гапшине и других аулах порой и сейчас можно наблюдать лица грудных детей, раскрашенные глиной (преимущественно белой). Очевидно, этот обычай восходит к давним временам, когда родители стремились отпугнуть от ребенка злых духов — носителей бед и болезней: раскраской придавали ребенку необычный, преимущественно страшный вид, старались скрыть его красоту. Сейчас этот первоначальный смысл раскрашивания забыт, и раскраска бытует как традиционная деталь ухода за малышом. Она совершенно переосмыслена: на мой вопрос о ее назначении женщины отвечали, что это хорошее средство от потницы.

* * *

Еще одна интересная деталь гапшинских празднований, известная, впрочем, и в других аулах Дагестана — постоянное участие шутов в масках.

Маски бывают войлочные, с цветными лоскутами, рогами, усами и бородами — довольно смешные. Их носители стараются смешить собравшихся проказами, шутками, клоунадой, импровизируемыми тут же интермедиями, акробатическими номерами.

Первоначальное назначение маски, видимо, было иным. Она должна была не столько смешить, сколько скрывать лицо носителя, придавать ее обладателю таинственность, а иногда и устрашающий вид. Следы этого «серьезного» отношения к маске встречаются и сейчас: на маске, доставленной из Гапшины в Историко-

этнографический музей ДГУ, можно встретить и треугольные хайкары — талисманы, и рога — символ оберега, охраны.

Человек в маске на любом празднестве неприкосновен: он может не соблюдать общего ритуала, ему прощаются даже такие рискованные шутки, которые любому другому не сошли бы с рук безнаказанно. Он до сих пор — центр внимания собравшихся.

Что это: след былой власти человека в маске — распорядителя празднества? А может быть, это непреходящая фигура многих первобытных празднеств и даже мифологии, фигура, которую в мировой этнографической практике называют трикстером (трикстер — лицо, противостоящее обряду, порядку, стоящее вне его, олицетворяющее стихию, хаос). В этом вопросе еще предстоит разобраться этнографам и фольклористам.

* * *

Ранее я упоминал об обычае обматывания черепа и вытягивания шеи младенца. Добавлю некоторые детали: красивой считалась вытянутая, башнеобразная форма головы. Она достигалась осторожным массажем, когда ладонями стремились придать черепу желательную форму, затем череп бинтовали в несколько оборотов. Шею удлиняли не только с помощью специальной подушки, но и путем ежедневного осторожного вытягивания шеи, для чего младенца слегка тянули вверх за голову. Специальным массажем даже носу придавали ровную, иногда несколько выделяющуюся форму.

Все это объяснялось отчасти эстетическими представлениями древних, а отчасти стремлением придать всем членам своего родственного коллектива какие-то общие отличительные черты, подобно тому, как во многих первобытных обществах по форме и количеству шрамов после инициации можно было точно определить племенную принадлежность человека.

* * *

Набожность и суеверие имели широкое распространение в прошлом: дети были обвешаны треугольными амулетами (хайкарами), на каждой двери, иногда на фасадной части домов были отпечатки рук, на заборах можно было видеть черепа козлов.

Гапшима находилась на дороге, ведущей из горных районов на равнину, и гапшиминцам случалось бывать в других, порой отдаленных местах. Однако были и такие люди, которые ни разу в жизни не смогли побывать даже в Муги, хотя Гапшима входила в Мугинское общество, не говоря уже о других землях, расположенных за пределами земель аула.

* * *

Существовал обычай, по которому не принято было проезжать через село вскачь: на такого всадника все село смотрело как на врага. Следовало либо ехать шагом, либо, спешившись, вести коня на поводу. Не принято было и громко петь, проходя или проезжая по аулу.

* * *

О гапшиминцах в окрестных селах шла молва как о честных, справедливых и порядочных людях. Поэтому в Гапшиму из многих соседних селений и даже из аулов Казикумухского ханства приходили заключать сделки в присутствии свидетелей, заверять договоры об освобождении рабов. В свое время я опубликовал несколько таких договоров, записи которых сохранялись в гапшиминской мечети. Подписи и свидетельские показания гапшиминцев считались непререкаемыми.

* * *

Гапшима оказалась местом, где были собраны очень редкие рукописи, преимущественно на арабском языке. Перед войной часть их мне удалось извлечь из гапшиминской мечети. Одной из рукописных книг — «Райханал-хакаик» — интересовался акад. И. Ю. Крачковский (в настоящее время она находится у М. С. Саидова). Многие рукописи до сих пор хранятся в ауле в частных библиотеках. Я не теряю надежды, что когда будет организован Объединенный республиканский рукописный фонд, их удастся поместить в это хранилище, а до того времени мои односельчане сумеют сохранить их, не позволяя духовным богатствам расплзтись по частным рукам.

Важной вехой в жизни гапшиминцев явилась организация колхоза. Они одни из первых в районе создали у себя колхоз. Вначале были объединены все бедняцкие хозяйства. Кулаки и их пособники всячески мешали созданию в селе коллективного хозяйства. Трудности на этом пути вскоре были преодолены, и колхоз стал на правильный путь. Сейчас гапшиминцы не представляют иной жизни, кроме колхозной.

Да иначе и не могло быть. Кому не известно, как гапшиминцы жили до революции? Голод и нищета были тогда их постоянными спутниками. Жители села имели в своем распоряжении небольшой клочок земли. Что мог дать им клочок земли на выступе горы или в каменистой ложине вдоль речки? Незначительная земельная собственность не в состоянии была прокормить даже небольшую семью крестьянина в течение трех месяцев. Многие сельчане до революции в поисках куска хлеба уходили на отхожие промыслы или на сезонные работы. Обычной пищей крестьян была мамалыга, суп из крапивы, приправленный мукой, и хинкал на воде. Картошка считалась недоступной. Если в месяц один раз удавалось поесть мясного — считалось, что семье повезло.

Не отличалась особым разнообразием и одежда. Одевались гапшиминцы бедно. Не помнится, чтобы кто-либо в селе носил ботинки или пальто. Повседневной обувью бедняка были чарыки, а из одежды — шуба из овчины, штаны и рубашка из бязи или дотомканого сукна. Если все это было у человека, то считалось, что он живет в достатке.

Теперь это время безвозвратно ушло в прошлое. Колхозный строй изменил весь облик Гапшимы и выдвинул на первый план лучшие формы организации труда сельского населения. Такие отрасли колхозного производства, неизвестные гапшиминцам до революции, как, например, отгонное животноводство, ферма продуктивного скота, молочная ферма, садоводческие и полеводческие бригады, создали необходимый стимул для творческого труда крестьян на пути к зажиточной жизни.

Колхозное село Гапшима было расположено в ущелье, куда солнце проникало лишь к двенадцати часам дня. Дома стояли скученно, буквально прилепившись друг к другу. На узких проходах между домами

постоянно было сыро и грязно. Жилище, в котором обитал гапшминец, было неблагоустроенным, у большинства жителей селений было по одной комнате, которая ночью превращалась в спальню. Вместо окон в стенах жилых домов зияли отверстия. Иногда в селе можно было увидеть дом, где отверстие в стене было затянуто бычьим пузырем. Как правило, из-за отсутствия дымохода комната, в которой жили, была вся закопчена дымом, а потолок блестел так, как будто кто-то специально смазал его смолой. О том, что такое деревянный пол в доме, жители и понятия не имели. Некоторые крестьяне жили в постройках, разделенных на две половины: одна — для людей, другая — для скота.

В советское время многое из того, о чем мы говорили, уже навсегда забыто. В современной Гапшиме уже не редкость светлые и просторные дома городского типа с черепичной кровлей, а иногда кровлей из оцинкованного железа. По мере улучшения материальной обеспеченности колхозники стали чувствовать, что жить в ауле тесно и неуютно. Появилась потребность в благоустроенных домах. Колхозники все чаще стали поговаривать о строительстве нового колхозного села. Наконец на общем собрании они решили выйти из своего ущелья на широкие просторы. Сейчас Гапшима строится в новом живописном местечке под названием Кардырка. В Кардырке на наших глазах рождается новое колхозное село с прекрасным будущим.

В прошлом гапшминцы не могли и мечтать о грамоте, особенно на родном языке. Светской школы не было. Была единственная мечетская школа. Начетничество и бесплодные упражнения в повторении отдельных религиозных догм были характерны для этой школы. После школы дети оставались неграмотными на всю жизнь.

Сейчас в Гапшиме есть средняя школа с интернатом, клуб, стационарная киноустановка и постоянный медицинский пункт. Раньше в гапшминской мечети можно было найти в большом количестве религиозные книги на восточных языках, но там не было ни одной светской книги, ни одной рукописи на родном языке. В ауле никто и никогда не выписывал газету. Советская власть ликвидировала неграмотность среди населения. Теперь в Гапшиме своя библиотека. Здесь выписываются газеты на двух языках, начиная с районной газеты

и кончая центральным органом нашей партии — газетой «Правда». Выписываются также журналы разного направления. Молодежь жадно тянется к знаниям. Выросла своя интеллигенция: доктор наук, десятки специалистов с высшим образованием, еще больше — со специальным средним образованием. В настоящее время успешно продолжают учебу в высшей школе и техникумах гапшминские юноши и девушки. Все это стало возможным только благодаря социалистическому строю.

Было время, когда гапшминцам все, что лежит за соседними селами, казалось чуть ли не пределом мира. В сознании сельчан сильны были религиозные пережитки. Высшим благом считалось аккуратное исполнение религиозных праздников и постов ислама. Помню, как в старое время в селе праздновали уразу и курбан-байрам. Во время поста в течение месяца верующим с раннего утра до темноты запрещалось есть и пить. Взрослым подражали и дети. Голод и жажда приводили некоторых сельчан к печальным последствиям. Амулеты и заклинания, написанные муллами и кадиями, якобы должны были ограждать горцев от болезней и принести им счастье. Тогда верили этому обману. Верили потому, что люди были опутаны сетями темноты и невежества.

Советский строй нанес удар по реакционной идеологии, феодальным и религиозным пережиткам. Вместе с Октябрем в горные аулы пришли самые передовые и самые жизненные идеи современности.

В колхозном селе Гапшима между сельчанами существуют дружеские отношения, основанные на совместном труде и сожительстве. От старой Гапшимы в настоящее время ничего не осталось. В ней все изменилось. Изменились люди, иными стали их культура и быт. Во всем этом с особой глубиной сказалась великая жизненная сила социалистического строя.

В с. Гапшима проживал Насрулла Даудов, один из активных участников гражданской войны. Сейчас ему за семьдесят. Мне неоднократно приходилось беседовать с Насруллой о событиях тех лет. Часть его воспоминаний, относящихся к периоду деятельности Совета Обороны, мне удалось записать. На мой взгляд, они представляют определенный интерес для историков, за-

нимающихся изучением периода гражданской войны. Привожу их по своим записям.

«В начале антиденикинской борьбы Осман Османов направил меня как знающего турецкий, арабский и русский языки переводчиком к Казим-беку. Тот прибыл в это время в Акушу, приглашенный Советом Оборон в качестве специалиста. Здесь состоялась встреча Казим-бека с шейхом Али-Гаджи Акушинским, председателем Совета Оборон. Вскоре Казим-бек отбыл на Северный фронт, его штаб-квартира находилась в с. Урма.

Тогда ему было около двадцати шести лет. По происхождению он был из черкесов-эмигрантов, причем высшего сословия (у нас его звали «талкан», т. е. князь).

Казим-бек никому не доверял. Пищу ему готовили отдельно. В доме, где была хоть одна женщина, он не останавливался. Никогда никому не говорил, куда едет и что собирается делать. Вообще он был очень скрытным. Мне, по приказу Совета Оборон, пришлось, выполняя обязанности переводчика, неотлучно находиться при нем около восьми месяцев. За это время я ни разу не видел, чтобы он снял верхнюю одежду или оказался без оружия.

Это был жестокий человек с резким, вспыльчивым характером. Помню такой случай: мой отец пришел к нему с письмом от Али-Гаджи Акушинского, в нем содержалось разрешение демобилизовать меня. «Он мой единственный сын, отпустите его», — просил отец. Казим-бек буквально взорвался, обругал отца: «А еще повязал чалму! Я думал, ты приехал сюда возбуждать у людей ненависть к нашим врагам, а ты хлопчешь о семейных делах! Убирайся!»

Из официальных лиц, окружавших Казим-бека, мне помнятся следующие:

Шукри-бек, турок-адъютант Казим-бека (убит Г. Далгатом в Какашуре во время ликвидации турецкой авантюры);

капитан Халил-бек, турок-письмоводитель;

Юсупов Абдулла — советник Казим-бека;

я сам — Даудов Насрулла — переводчик от Совета Оборон.

Начальником штаба частей Северного фронта, где Казим-бек осуществлял военное руководство, был Хабибулла Шапиев. Его помощником был Магомед-Салам Гаджиев.

Кроме того, рядом с Казим-беком были лично преданные ему люди, те немногие, которым он в какой-то степени доверял: Али-Мардан из Южного Дагестана — офицер-топограф; Гази-магомед из Цудахара (обязанности этого человека трудно было определить), его называли просто «домашний человек», а также несколько человек личной охраны — их мы называли «нукерами».

Вначале отношения Казим-бека с Советом Оборон были нормальными. Постепенно, однако, они стали обостряться. О причине этого ухудшения я могу судить по словам, которые еще тогда слышал от Казим-бека: «Сперва я ненавидел Деникина, теперь — большевиков». Уже в то время было видно, что особенно зол он был на Султан-Саида Казбекова.

Когда в Левашах арестовали членов Совета Оборон и Дагестанского обкома партии и направили их в сторону Урмы, я сам слышал, как Казим-бек обратился к охране: «Султан-Саида по дороге пустите в расход. Если попадетсЯ Ахуидов — не щадите и его».

Вскоре мы получили письмо от Али-Гаджи Акушинского. Он в категорической форме требовал от Казим-бека немедленно освободить всех арестованных, предупреждая, что в противном случае явится сам и освободит их.

Прочтя письмо, Казим-бек выругался: «Черт его побери! Надо было еще раньше схватить его за бороду и отрубить голову! Опоздал!»

Позже я узнал, что оставшиеся члены Совета Оборон Осман Османов и другие решили по прибытии в Левашу разоружить Казим-бека, но не застали его. Османов сказал об этом решении только Али-Гаджи Акушинскому.

Между тем я заметил, что если до этого случая все письма Али-Гаджи к Казим-беку начинались словами «Дила дарха» («сын мой») и были написаны в очень теплом тоне, то теперь они стали сухими и официальными.

Тем временем партизанские отряды настигли отряд Казим-бека, при котором находился и я, в с. Какамахи. Очевидно, их интересовала прежде всего судьба пленных, о Казим-беке же они думали в последнюю очередь. Во всяком случае, к дому, где он остановился, подошла группа партизан: они были очень возбуждены. Я узнал Асадуллу-Гаджи и Арсланхана, которые громко крича-

ли: «Где Казим-бек? Мы его разденем и отправим голым под конвоем!»

Когда партизаны перекрыли вход, Казим-бек бросил в них бомбу, но неудачно: бомба угодила в натянутую бельевую веревку и, ударившись о землю, взорвалась во дворе. Был убит хозяин дома — Магомед Баташ-гаджи. Казим-бек тут же дал родственникам покойного «днят» — выкуп за печальное убийство Магомеда Баташ: мерку («сах») серебряных монет, позолоченное оружие. Вообще, я помню, как он при необходимости направо и налево раздавал золотые и серебряные деньги, вещи, дорогое оружие и другие ценности, которые хотел прихватить с собой, но по какой-либо причине это ему не удалось сделать.

Между тем партизаны, освободив пленных и увидев, что Казим-бек не один и голыми руками его не взять, окружили Какамахи. Партизан было триста человек. Здесь же находился Али-Гаджи со своими людьми. Видимо, им не хотелось поднимать стрельбу в селе — это вызвало бы лишние жертвы. Они были уверены, что схватят Казим-бека, который рано или поздно попытается уйти.

Однако Казим-бек смог скрыться благодаря заступничеству Али-Гаджи Акушинского: он запретил партизанам стрелять в Казим-бека и его людей. Однако при бегстве партизанами были убиты нукер Казим-бека чауш Магомед и Нажмудин, турецкий офицер, преданный Казим-беку. Казим-бек бежал через Карбуче-дирка — Муги — Уркарах — Маджалис».

Так бесславно кончилась авантюра турецкого контрреволюционера Казим-бея (Даудов и другие очевидцы называют его Казим-бек), который пытался повернуть вспять неодолимый ход исторического процесса, начавшегося после победы Великого Октября.

4. МЕКЕГИ

В Мекеги (Mikeli) я бывал неоднократно. Данные заметки сделаны в разное время. Собирать этот материал мне помогали мекегинцы Б. Ахмедов, М. Тухтарханов (75 л.), Кембаров, Шахбан-будун (95 л.), а также выпускники университета, мои ученики В. Сурхаев и братья Х. и Б. Арсланбековы и другие. Среди них наибольшей осведомленностью, любозна-

тельностью, знанием исторических памятников отличается Хасбула Арсланбеков.

* * *

За время гражданской войны село Мекеги прославилось упорной борьбой за Советскую власть. Особенно отличились в этой борьбе мекегинские женщины.

Из среды мекегинцев вышел отважный командир красных партизан Алибек Богатырев, погибший впоследствии в борьбе с бандами Гоцинского.

* * *

О древности обитания человека в окрестностях Мекеги свидетельствует существующая вблизи селения пещера с несколькими рисунками. В окрестностях Мекеги был найден топор эпохи ранней бронзы, хорошо известный археологам. В местностях Аяла-Каба и Айсала-Как сохранились следы поселений, там в 1959 году были произведены раскопки В. Г. Котовичем.

У с. Верх. Лабко, также входившего в Мекегинское общество, Х. Арсланбеков обнаружил каменную табличку с албанским алфавитом. Это вызвало большой интерес среди ученых. Ко мне, как к другу по аспирантуре, присяжал проф. А. Г. Абрамян, специалист по древнеармянской эпиграфике. После поездки в с. Верх. Лабко он пришел к заключению, что находка алфавита относится ко времени существования Кавказской Албании, а сам алфавит восходит к ранним его образцам. Археологи также заинтересовались этой находкой, О. Даудовым были произведены археологические раскопки.

* * *

По преданию, прежде основная часть предков мекегинцев жила в районе нынешнего Буйнака, затем что-то заставило их переселиться в местность Эла-Дубури, где было основано селение Бек-ши (т. е. «главное село»). Предание сообщает далее, что выселенцами из Бек-ши впоследствии были основаны Губден, Акуша, Мекеги, Цудахар, Усиша, Муги. Поэтому впоследствии территория Бек-ши считалась общей собственностью перечисленных селений, которой они пользовались поочередно. В течение трех летних месяцев Эла-Дубури оставалась в распоряжении губденцев, а затем поочередно переходила к остальным перечисленным обществам.

* * *

Другой вариант этого предания. На горе Шамхал в местности Шибарк, где до сих пор сохранились развалины старого аула, жили предки Акуша-Дарго. После войны (с кем — выяснить не удалось) из жителей этого селения осталось всего двенадцать мужчин, они решили, бросив разрушенный аул, поселиться в других местах. Так они разбрелись кто куда. Трое из двенадцати спустились на равнину и там построили аул, назвав его именем старшего из них — Губден. (Двух других, также основавших селения, звали Мекеги и Кадар.)

Остальные основали поселения в с. Мекеги, Акуша, Усиша, Цудахар, Гапшима, Муги, Сирга. Поэтому леса и пастбища горы Шамхал оставались у каждого поочередно в течение года, причем на каждого из «основателей» приходилось по равному отрезку времени. Так как в Губден переселились трое из двенадцати «основателей», губденцы пользовались землями горы Шамхал три летних месяца. Губденцы рано отделились от других перечисленных селений, а те, в свою очередь, сгруппировались вокруг Акуша-Дарго и пользовались землями горы Шамхал поочередно в течение остальных девяти месяцев года.

* * *

В с. Мекеги я записал необычное предание, где общепринятые термины для обозначения родственных групп понимаются как собственные названия каких-то древних даргинских племен. Согласно этому преданию, родственные коллективы — Тайпа, Наслу, Жинс, Кьам, Агьлу — говорили на едином языке без всяких диалектических различий. Затем из племени Тайпа сформировались акушинцы, из Жинс — цудахарцы, из Агьлу — мекегинцы, из Кьам — урахинцы, из Наслу — сиргинцы, — все со своим диалектом.

В Мекеги существует предание об одном древнем обычае, который в первобытную эпоху был присущ многим народам и племенам мира — об избавлении племени от членов, потерявших трудоспособность. Согласно этому обычаю, одряхлевших стариков сбрасывали со скалы. Однако обычай этот был навсегда забыт после того, когда один старик спас мекегинцев в засушливые годы от голода, научив их сеять засухоустойчивое просо.

Подобные легенды бытуют в Акуше, Согратле, а возможно и в других селениях.

* * *

Очевидно, в древности у предков мекегинцев существовал культ огня. Еще доньше бытуют клятвы огнем и зерном: «дурхъай ца ликера» (т. е. «дорогим огнем») и «ризкьила дяхликара» (т. е. «урожаем зерна»).

Другой обычай свидетельствует о следах существования анимизма и фетишизма у мекегинцев. В засуху, чтобы вызвать дождь, раньше было принято обращаться к камню, находящемуся напротив селения. Если камень находился в лежащем положении, то его ставили вертикально, а если в момент мольбы о дожде он стоял, то его, напротив, валили, считая, что эти действия вызывают дождь. Когда и это не помогало, молящие о дожде отправлялись на гору Халахека, где совершали жертвоприношение. Гора эта имеет коническую форму, на самой вершине ее находится углубление, напоминающее потухший вулкан с кратером. Приносимого в жертву барана закалывали таким образом, чтобы кровь его попала в это углубление — считалось, что это вызовет дождь.

* * *

В Мекеги и окрестных селах широко распространено предание о еврейском происхождении мекегинцев. Соседи, да и сами они, называют себя «жугьут агьлула». Однако это утверждение нельзя понимать буквально. Мекегинцы по своему происхождению ничем не отличаются от остальных даргинцев, а в легенде этой отражены, очевидно, их былые религиозные верования.

* * *

Существует также предание, что мекегинцы самыми последними из даргинских обществ приняли ислам. Они упорно сопротивлялись арабам, принесшим новую религию. В борьбе с арабами мекегинцы в местности Зурп-ла бяхI убили, по преданию, трех шейхов — сподвижников (третьего поколения) легендарного Абумуслима. Их могилы до сих пор показывают в этой местности, раньше они считались «священными».

* * *

В старину с. Мекеги со всех сторон было окружено оборонительной стеной. Остатки ее кое-где уцелели доныне.

* * *

В Мекеги находили убежище переселенцы, беженцы, кровники из Харбука, Сирги, Салты, Кумуха, Верх. Мулебки, Акуши, Цудахара, Кадара, Губдена, из аварских земель. По преданию, такие переселенцы пребывали в Мекеги уже четыреста — пятьсот лет тому назад.

Мекегинское вольное общество объединяло джамааты следующих аулов: Мекеги, Верх. Лабко, Ниж. Лабко, Джангамахи, Аяла-Каб, Зурила-Уди, Тарлан-Как, Айсала-Как, ЧахIмахи, Жамсарала, Субактымахи, Кибурхи.

* * *

В Мекеги сохранились предания о нашествии Тимура. Его войском было разрушено с. Герга у входа в долину Ая-Кака, а жители селения растоптаны конницей. Шамшахар был разрушен Тимуром.

* * *

По мекегинскому преданию, некогда все селение находилось во власти талканов (князей). Те жестоко обращались со своими односельчанами. Наконец возмущенные мекегинцы восстали и направились к дому талканов. Место на краю обрыва, где стоял этот дом, сельчане помнят и сейчас. Находившихся в доме талканов побросали с обрыва, имущество их было захвачено народом (по преданию, оно могло бы составить груз сорока ослов). Некоторые из родственников талканов спустились тайным ходом в ущелье и пытались бежать, но были настигнуты в местности Ванаши-дирка и перебиты. Из всего рода талканов уцелел лишь один мальчик, находившийся в это время на хуторе. Мальчика оставили в селении. От него произошел тухум Талкъанчил, который сохранился доныне.

* * *

По преданию, было время, когда мекегинцы платили дань аварским нуцалам. Однажды перед мекегинским джамаатом выступил от имени молодежи Батирла Али и объявил, что отныне мекегинцы не будут платить

дань; так как такие выплаты оскорбляют честь свободного джамаата. На этом собрании джамаат поручил Али возглавить борьбу против нуцалов.

Те основали в свое время с. Чуни, где обычно останавливались сборщики дани. Когда сборщики явились вновь, мекегинцы и другие хIуреба напали на них и обратили их в бегство. Так мекегинцы положили конец выплате дани аварским нуцалам.

* * *

В начале XIX века кадием в Мекеги был Чамсадин. Он решительно выступал против ущемления прав мекегинцев и погиб в борьбе с шамхалом. После него мекегинским кадием стал Амази.

* * *

Мекегинцам всегда было присуще гостеприимство. Однажды мне пришлось описывать интересный эпизод об открытии автобусного движения по маршруту Изберг — Мекеги. Автобус делал два рейса в сутки. Расписание было построено так, что одному шоферу поневоле приходилось ночевать в ауле. Сельские власти приготовили комнату-общежитие для ночлега водителей автобуса, приехавших к вечеру и возвращавшихся обратно утром. Однако комнатой этой ни одному водителю воспользоваться не пришлось: сельчане буквально наперебой приглашали каждого шофера к себе в гости, причем с этого дня всякий раз, приезжая в аул, шофер останавливался у одних и тех же людей.

Одна из традиций, связанных в Мекеги с обычаем гостеприимства, состояла в следующем. Если кто-либо приходил в гости, все находившиеся в помещении вставали, уступая ему место, и не садились до тех пор, пока не садился гость. Затем задавался вопрос: «Кайадев?» («Сели?») После того как следовал утвердительный ответ, присутствовавшие могли также сесть. Таким образом выражалось высокое уважение к гостю.

* * *

Любопытный обычай связан с мекегинской свадьбой. Свадебный кортеж из дома жениха направляется за невестой вечером. Невесту отпускают не сразу. Начинается торг с обеих сторон, он длится часа три. Наконец получено согласие родителей невесты. Но и после этого

невесту из дома ни за что не выпустят раньше двенадцати часов ночи. Лишь к часу ночи свадебное шествие из дома невесты направляется в сторону дома жениха. Расстояние от дома невесты до дома жениха, пусть оно даже совсем невелико, свадебная процессия, ведущая невесту, проходит крайне медленно, затягивая его до крика первых петухов. Невеста то и дело на каждый шаг вперед стремится сделать два шага назад, сопровождающие делают то же самое. Между тем не утихает музыка, веселье, танцы—словом, все, что присуще свадебной процессии.

* * *

Интересна старая форма проведения выборов сельского кадия в с. Мекеги. Там было двенадцать квартальных мечетей, и от каждой выставлялся кандидат на должность кадия. Соответственно этому, на площади, где происходило голосование, выставлялось двенадцать больших глиняных кувшинов, на каждом из которых было написано имя кандидата; у каждого кувшина стоял человек, называвший для неграмотных имя кандидата. К голосованию допускались только взрослые мужчины.

Следившая за процедурой комиссия из уважаемых лиц вручала каждому голосовавшему небольшой камешек, полностью уместившийся в кулаке. Получив такой «бюллетень», голосующий должен был опустить сжатый кулак с камешком в каждый из двенадцати кувшинов поочередно, так что никто не знал, где он оставлял камешек. В конце этой процедуры голосующий был обязан показать пустую ладонь. Так обеспечивалась тайна голосования. Примечательно, что в «Мусульманском праве» о такой форме избрания ничего не говорится. Вероятнее всего—это местный древний обычай, восходящий к нормам общинной демократии.

* * *

Выпускник нашего университета, страстный краевед Хасбулла Арсланбеков сообщил мне один из выразительных и трагических штрихов старого быта Мекеги, где в яркой форме отразились и страшная живучесть обычая кровной мести, и глубоко человеческий протест против него.

Давным-давно в Мекеги был убит один мужчина. Убийцу выслали в Аварию. У убитого остался сын-младенец. По обычаю, за кровь необходимо было отомстить во что бы то ни стало—это было неизбежным долгом для родственников убитого, и сделать это должен был наиболее близкий родственник последнего. Очевидно, в данном случае близких родственников не оказалось. Легко можно представить себе, что подрастающий ребенок-сирота с младенчества слышал от родных разговоры о необходимости убить кровника, да и причиной всех тягот его сиротства называли опять-таки кровника. Когда мальчик достиг возраста девяти-десяти лет, в Мекеги вернулся изгнанник—убийца его отца. Вскоре, в один из базарных дней, мальчик разыскал его, выстрелил в упор из пистолета и бросился бежать. Однако когда близкие пострадавшего хотели поймать мальчика, смертельно раненный кровник запретил им трогать его. «Я понимаю, как тяжело было ему расти без отца»,— так объяснил он свой запрет.

Увы, не всегда подобные случаи кончались столь же мирно. Хотя народ тяготился этим обычаем, но с властью древней традиции кровомщения тоже приходилось считаться. Лишь при Советской власти губительному явлению был положен конец.

* * *

В с. Мекеги на праздниках порой встречается кое-что от старых магических обрядов. В ауле в день первой борозды пахаря по старинке обливают водой. Обливают и бригадиров, а председателя колхоза даже окунают с головой в речку или в пруд.

5. УСИША

Усиша как центр вольного общества было средоточием общественной жизни, там издавна существовала почва для традиционной арабской науки. Из этого селения вышел известный ученый-филолог—составитель грамматики арабского языка Дауд Усишинский (умер в 1757 году). До революции в Усиша издали съезжались жаждущие получить образование у местных ученых.

Одним из продолжателей лучших традиций образованности был Магомед Мингаджов, которому к момен-

ту моего посещения был уже восемьдесят один год. Во время революции он был на стороне народа, позже активно включился в советское строительство. Мне повезло, что М. Мингаджов жил и работал в моем с. Гапши-ма. Он знал моих родителей, и когда я прибыл в Усиша, Мингаджов старался помочь мне чем только мог в моих научных изысканиях. Это был человек, в совершенстве владевший арабским языком и хорошо знавший цену рукописям. Тогда-то я и получил от него рукопись «Из истории даргинцев», написанную им на родном языке. Здесь мне хотелось бы привести отрывки из описаний наиболее древних событий. Но прежде приведу некоторые записанные мною исторические предания усишинцев.

* * *

По преданию, население с. Усиша некогда составляли жители семи хуторов. Причиной их объединения были частые нападения соседей. После объединения возникло сильное и многолюдное селение.

До появления в Дагестане арабов усишинцы были язычниками. Ныне сохранившийся обычай разводить костры по пути следования невесты в дом жениха или разжигать их во время лунного затмения, чтобы «луну отпустили» («бац бутукакис»), может быть, свидетельствует о былом культе огня.

Среди окружающих Акуша-Дарго сел усишинцы приняли мусульманство последними. За ними закрепилось прозвище «Капур Усала», т. е. «безбожники». Ислам усишинцы приняли только после нашествия Тимура.

Некогда в Усиша был талкан, ведущий свой род от арабов. Однако подробностей о нем выяснить не удалось.

* * *

Приведу наиболее полный вариант широко распространенного предания об освобождении даргинских общин от гнета хунзахских феодалов, вариант этот содержится в рукописи, полученной мною от М. Мингаджова.

«Около 1400 года население нынешнего Левашинского плато находилось под игом нуцала Хунзахского и каждый год платило ему дань. Однажды случился неурожайный год, и даргинцы стали просить нуцала отложить уплату с условием, что в следующем году они

внесут ему дань вдвойне. Хан отказал им в просьбе и послал в их земли своего нукера-сборщика с приказом собрать дань полностью. Общинники заволновались, и те из них, кто оказался в наиболее тяжелом положении, собрались на сход. И вот, когда каждый высказал свое мнение, там оказался АЙСА-МИРЗА из Акуши. В то время его еще никто не знал. Он тоже попросил выслушать его и сказал: «Разве мы трусливее нукеров нуцала? Или люди нуцала храбрее нас? Почему мы должны платить дань?»

Люди объяснили ему: «Это обязательство наших предков, наша земля входит во владения нуцала, и поэтому мы платим ему дань». На это АЙСА-МИРЗА ответил: «Это не причина для уплаты дани. Настоящая причина в том, что мы разобщены, поэтому и берут с нас дань». Для наглядного примера он показал народу метлу и сказал: «Если кто-нибудь из вас попытается сломать эту метлу, то вряд ли это удастся, но если ломать по одному пруту, то сделать это сможет всякий. Если мы объединимся, то никакой хан не сможет взять с нас дань, и наши права будут в наших руках. Давайте же будем действовать сообща: коней ханских нукеров привяжем к надгробным памятникам наших предков, а нукерам скажем, чтобы они попробовали взять дань для своего нуцала с тех, кто на это соглашался. Мы же — свободные уздени и не обязаны никому подчиняться!»

Предложение АЙСЫ-МИРЗЫ поддержали все присутствовавшие на сходе. Затем об этом сообщили нукерам нуцала. Те уехали. Но даргинское селение ожидало, что нуцал не успокоится, поэтому общинники заранее собрали свои силы и вышли навстречу ханской дружине. Битва состоялась в местности у СалтIа Куда, было пролито много крови, но восставшее даргинское население одержало победу. Таким путем оно освободилось от гнета хунзахского нуцала.

На землях, с которых некогда были изгнаны ханские сборщики дани, позже возникли селения Лабко, Панах-махи, Аямахи, Уллу-ая, Чанкамахи, Сулейманкент, Тагиркент, Тазгиркент, Хассакент, Наскент, Эбдала-ая, Какамахи, Леваша, Цухтамахи, Верх. и Ниж. Убеки.

До этого здесь были пастбища ханских коней, и местность эта являлась пограничным пунктом с акушинцами. Был отведен участок и для табунщиков — на нем позже возникло с. Чуни.

Когда же общинники отстаивали свои права на эту землю, ее разделили по общему согласию между различными общинами. Акушинцы, доказав, что у них мало земли, обратились к Дарго (обществу) с просьбой выделить им еще часть земель. Акушинцам отвели участок земли от Лабко до Левашей. Цудахарцы получили Убеки, мекегинцы — Аямахи, мугинцы — земли, где ныне расположен Панахмахи. Усишинцам дали право пользоваться даргинскими горными пастбищами.

Начиная с этого времени, даргинцы создали общие законы и обычаи, которые были признаны народом. Раз в год народное собрание принимало решения или даже законы. Выбиралось также ответственное лицо для контроля за их исполнением. В то время даргинцы не имели уже ни ханов, ни беков — они все стали свободными узденями».

* * *

На мой взгляд, интересно сопоставить записи М. Мингаджова с вариантом того же предания, доставленным выпускником исторического факультета ДГУ Х. Магомедовым из с. Чуни. Текст предания был записан по-арабски Мусалавом из Чуни, причем последний был знаком с усишинской рукописью и делал оттуда выписки. Затем, после смерти, рукопись Мусалава была переведена на аварский язык М. Азизовым и передана Х. Магомедову.

«Откуда возникло с. Чуни?— Этот вопрос был обсужден даргинскими представителями на собрании в с. Уснша. VIII в. хиджры». — Очевидно, это не дата собрания, а предлагаемая в усишинской рукописи дата возникновения с. Чуни. (Прим. составителя.)

Первый дом хутора на месте с. Чуни был заложен Хючол НурхIамом и его сыном Алиханом. Дом был построен на вершине возвышенности, на месте, называемом Сивух. К этой возвышенности примыкает высокая гора Шах-даг. На ней держал табуны своих лошадей Нуцал Хунзахский. Место стоянки лошадей называлось «чугъаниби», отсюда возникло название аула — «Чуни». Хунзахские и даргинские табуны лошадей охранялись людьми разных национальностей. Эти люди и основали себе здесь жилища.

Нуцал-хану подчинялись все акушинцы, ему же принадлежали их земли. Ежегодно хунзахский Нуцал-хан

прибывал в Акушу для сбора дани («харадж»). Насильно собрав дань, он возвращался к себе в Хунзах.

Долгое время не прекращалось недовольство населения этими насиллиями. Наконец терпение кончилось, народ возмутился. Свергнув своего прежнего предводителя, акушинцы поставили во главе более деятельного Аминал БахIанда. Тот созвал уполномоченных всех даргинцев: цудахарцев, мекегинцев, урахинцев — словом, всех даргинских представителей и «предводителей» племен и обратился к собранию с речью: «Мы все дети одной матери, у нас один язык, но у нас нет единства, мы враждуем между собой. В единстве наша сила». Для примера он взял метлу из прутьев и предложил любому из присутствующих сломать ее. Никто не смог этого сделать. «Я смогу», — сказал Аминал БахIанд. По одному пруту он сломал метлу, затем спросил: «Вы видели, как я смог это сделать? Если мы объединимся, то Нуцал-хан не сможет подчинить нас себе, но если мы будем врозь, то ханы высосут нашу кровь».

Скоро опять наступит пора сбора дани для хана. У сборщиков не будет к нам сострадания, но мы объединимся и выступим сообща, только тогда мы вернем незваных гостей по тому же пути, по которому они пришли. Их лошадей привяжем к надгробным камням и скажем: «Ваши кунаки там, идите к ним». Тогда они начнут бой, но мы положим конец данническим отношениям».

Когда на акушинскую землю прибыл отряд Нуцала, там не нашлось ни одного дома, где бы его встретили с почетом. Конники спешили на окраине села, их коней привязали к надгробным плитам. Отряд Нуцала начал бой. Насилия Нуцала настолько переполнили народ гневом, что отряд угнетателя вскоре был разбит и изгнан за цудахарскую реку. Тогда обе стороны пришли к соглашению: земли за рекой оставались во владении Нуцала, но он не должен был переходить на ту сторону реки.

Во время этих событий даргинцы не тронули селения Чуни. Здесь жили люди разных тухумов: даргинцы, аварцы, лакцы. И ныне в этом маленьком селении существует семь тухумов: Нурчилал, Хочолал, АдухIилал, ДангицIилал, Айдилал, Хъудалал, КIуркилал, а также «гергилал» («грузины»).

6. БУТРИ

Записи о Бутри сделаны мною после третьего посещения селения. Моими информаторами, наряду с учителями, были К.-И. Магомедов (70 л.), И. Халимбеков (84 г.), М. Закарьяев (89 л.).

* * *

Слово «бутри», говорят, произошло от «батур» (т. е. «оставили»). Передают, что какие-то пришлые враги напали на село, стали уводить людей. Жители сопротивлялись. Враги долго не могли взять аула, но в конце концов ворвались в селение и разорили его. Уцелел лишь маленький хутор, расположенный недалеко от села. Когда оставшиеся в живых сельчане увидели неразрушенный хутор, они стали кричать: «Битур!» («Они прошли!»). Отсюда и произошло название села Бутри.

* * *

Сохранилось предание, рассказывающее, что раньше бутринцы называли себя армянами. В местности Асият-ла-Къаб произошло столкновение между арабами и местными жителями. На этом месте находят погребения людей, человеческие кости.

* * *

Существует предание, что бутринцы первыми приняли мусульманство и стали ревностными сторонниками ислама. В Харбуке и Маджалисе мне рассказывали о том, что бутринский кадий силой оружия пытался внедрить ислам в этих местах. В силу этих обстоятельств, видимо, был период, когда бутринцы играли главенствующую роль среди даргинских сел в их политической и хозяйственной жизни. Тогда бутринцы распевали песню:

Мы — бутринцы, гинтинцы,
Даргинские головы!

* * *

По преданиям, раньше в с. Бутри было много пленных грузинского и иранского происхождения.

Передают, что в ауле некогда жил талкан по имени Аку с четырьмя братьями. Но не было согласия между талканом и сельчанами. Братья были такими же насильниками, как и он. Жители села взбунтовались против своих угнетателей и изгнали их в Акушу.

Потом бутринцы вошли в состав Акуша-Дарго и судились акушинским кадием.

* * *

Наследие Бутри делилось на «къаты» (кварталы), их было четыре: Хала-къат, Ургаб-къат, Ураб-къат, Биште-къат. Каждый «къат» имел свои земли и распоряжался ими.

* * *

Когда по с. Бутри ведут невесту, на ее пути разжигают костры, разбрасывают зерно. Костры разжигают люди из дома жениха. У каждого костра невесту останавливают, требуют выкуп, кричат: «Невесту согреть, невесту согреть!»

* * *

У бутринцев, как и в других местах Дагестана, члены старой семьи рассаживались у домашнего очага в таком порядке: мужчины занимали места у очага, ближе к выходу, женщины — у стены, дети — между родителями.

* * *

Как я уже упоминал, до революции в даргинских селах, в том числе в Бутри, бытовала кровная месть. Иногда она принимала драматический характер. В таких случаях вмешательство женщины, несомненно, оказывало положительное влияние на кровников. Например, если мужчина собирался кого-нибудь убить, то женщины снимали с себя платки и, держа их перед мужчинами или бросив перед ними на землю, просили изменить решение во избежание несчастий. Мать говорила своему сыну: «Пусть молоко из моих груди будет тебе гаром (ядом), если ты не изменишь своего решения». Это считалось тяжелым проклятием, и сын, несомненно, считаясь с матерью и с женщинами вообще, уступал.

7. НАХКИ

Сиргинских селений много, они очень разбросаны. Среди них есть и крупные села, такие, как Урари, Цугни, Наци, Нахки, Карбучи, Кассату, Дуакар. Я посетил Урари, Дуакар, Карбучи, Нахки, Наци, Кассату, Тузлу.

* * *

Сирга — в этническом отношении особый даргинский район со своими диалектами и особенностями развития. Для охраны территории Сирги в прошлом от каждого села выделялся один человек. В случае какого-либо конфликта на границе с соседями охранники сами собирались и решали некоторые тяжбы на месте, не прибегая к созыву джамаата.

Нахкинцы близки с нацинцами. В селе мне показывали место под названием «Духа биргем», где два-три раза в год собирались представители всех сиргинских джамаатов для решения спорных вопросов и установления новых адатов.

* * *

Среди нахкинцев до сих пор бытует предание о том, как во время нашествия кызылбашей им (нахкинцам) пришли на помощь жители Бутри, Акуши, Гинты. Бой длился пятнадцать дней. Мне показывали на кладбище плиты с именами погибших в борьбе с Надир-шахом.

* * *

У местного жителя Раджаба Омарова сохранилась рукопись с завещанием, на полях рукописи можно прочесть: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня. Село разрушено кызылбашами в 1735 году. Среди нас убитых насчитывалось 635 человек. Эта запись прочитана у Таймаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шамхала и других улемов». («Улем» — ученый.)

* * *

Соседи нахкинцев указывают на развалины «хабши» — трех селений — в местности Укруца. Передают, что персы сравняли с землей город Кунтраги, около нынешнего села Кураши. Оставшиеся в живых люди из трех сел — «хабши» — переселились в нынешнюю Гапшиму:

* * *

На полях рукописи «Ал-Махали» имеется следующая запись, сделанная нацинским жителем М. Сулеймановым.

«Это память на будущее. В 1741 г. войска кызылбашей разрушили Нахки. Нахкинцы воевали с ними, они от нас (нахкинцев) забрали триста пятьдесят три человека: мужчин, женщин и детей. Мы против них воевали десять дней. Потом мы оставили Нахки. Пришлось оставить имущество, детей, матерей и отцов. Нераненных мужчин среди нас оставалось двое. В селе, кроме одной коровы, одного быка и трех лошадей, не осталось ни овец, ни ослов. Потом начался голод, унесший мужчин, женщин и детей. Количество умерших мы не знаем. Одни говорят — 117, другие называют еще больше, — спаси нас аллах! Потом нам удалось уточнить количество павших людей — 3635.

Эта запись в присутствии Сурхай-хана, шамхала и других ученых прочитана Таймаз-хану».

8. ТУЗЛА

Селение Тузла состоит из восьми хуторов, которые образовались в результате переселения жителей из аула Наци во время чумы. Соседями тузлинцев являются кулишцы. На границе между ними были созданы укрепленные места.

* * *

В Тузле есть место, посящее особое название: «Хала шинкыала гьала» («площадь перед большой мельницей»). Передают, что здесь во время нашествия Надир-шаха его воины устроили «дегбариб дархнала» («мольбу детей»).

* * *

В ауле рассказывают о кулинарной хитрости молодой невестки. По пятницам, в своеобразный праздничный день, у мусульман в домах горцев обычно готовили какое-нибудь праздничное блюдо. Молодая невестка решила сделать халву, но не знала, кладут ли в нее соль. Она вышла на улицу, затеяла ссору с соседкой и стала, в частности, упрекать ее в том, что та кладет соль в

халву. Соседка стала кричать: «Это я-то в халву соль кладу? Сумасшедшая! Кто же солит халву?» Так молодая невестка узнала секрет приготовления халвы.

9. МУГИ

Информаторов в селении Муги у меня было много. Но среди них наиболее сведущим информатором был Саид Абдулаев. Будучи директором Института истории, языка и литературы и одним из руководителей филиала АН СССР, я часто сталкивался с Саидом Абдулаевым. Меня как историка в то время интересовали рукописи на восточных языках, документы и материалы по истории революции и гражданской войны, легенды и предания о Дагестане. Саид Абдулаев помогал мне в научной работе переводом исторических документов с восточных языков.

О нем как об ученом могу сказать следующее. Хотя ему и не пришлось окончить вуз, он самостоятельно овладел курсом высшей математики, в совершенстве владел арабским, персидским, турецким, а также дагестанскими языками: кумыкским и некоторыми другими. Что касается трудов С. Абдулаева по родному языку, то они до сего времени служат настольными книгами для научных работников. О лингвистических способностях С. Абдулаева еще при его жизни высоко отзывались академик И. И. Мещанинов, профессора Н. Я. Яковлев, С. Л. Быховская, Н. И. Дмитриев, Л. И. Жирков. Они не раз, обращаясь ко мне, просили создать наиболее подходящие условия для творческой работы С. Абдулаева, содействовать ему в работе над диссертацией. Я думаю, многие наши лингвисты, фольклористы, востоковеды согласятся со мной в том, что познания С. Абдулаева в области восточной и дагестанской филологии, в области восточной библиографии и рукописного книжного наследия были исключительными. Во всяком случае, мне не пришлось встретить человека, которого бы можно было сравнить с ним в этом отношении.

С. Абдулаев был человеком, много сделавшим для строительства новой советской школы в даргинских районах, и страстным пропагандистом атеистических взглядов. Помню, что в мои юношеские годы много говорили о его публицистических статьях, которые тогда печатались в газете «Дарган». Эти статьи были направлены

против пережитков адата и шариата, против действий реакционного духовенства в сельских местностях.

* * *

В с. Муги после завоевания его арабами был поставлен эмир. В самом ауле сохранились развалины крепости, где он раньше жил. «Амиртала ургалала» — так называли земли и место, где жил эмир.

* * *

Когда кадием в с. Муги стал Шейх-кади, шамхалу не раз приходилось воевать с мугинцами. Часть населения во время войн уходила в Гапшиму. Передают также, что когда представители даргинских общин съезжались в Карбуки-дирка, туда приезжал и шамхал. Там был родник, носящий имя шамхала.

* * *

Сохранилось предание о том, что в Муги пришли иранцы и устроили «шахскую молотьбу».

* * *

Передают, что много крови было пролито мугинцами в борьбе с Тимуром.

* * *

Население Муги в прошлом делилось на узденей и лагов. Уздени, в свою очередь, подразделялись на две категории. К первой категории относились «юртла» — коренные жители. Судьи выбирались только из их числа. Эта часть населения делилась на четыре тухума и выбирала из каждого тухума по одному старейшине.

«Юртла-этанты» — это некоренные жители, пришедшие позднее. Они составляли вторую категорию. Эти не имели права выбирать судей и не делились на тухумы.

Среди четырех судей был «халал-каттын» — старший судья. Кроме судей, был еще кадий.

* * *

У мугинцев существовал обычай при женитьбе закладывать дом и приобретать имущество на имя невесты. В случае развода муж лишался всего. Была даже поговорка: «Если не хочешь жить, бери свою палку и убирайся».

* * *

Мне рассказали и о таком обычае. Когда невесту приводили в дом жениха, мать юноши выливала ей на голову ковш теплого масла. Масло медленно стекало с головы по одежде невесты. Будущая свекровь при этом приговаривала: «Пусть ваша жизнь всегда будет сытной, в достатке».

* * *

Своеобразен обряд оплакивания. Во дворе умершего собирались женщины, образовывали круг. В середину круга выходила одна из близких покойника. Она заводила плач, а все стоящие в кругу начинали подпрыгивать, плача и постукивая себя по бедрам. Прочитая, перечисляли родственников покойного, упрекали аллаха за то, что он забрал такого хорошего человека.

* * *

Черточка новой морали. В ауле Муги трое колхозников перегоняли отару овец. У одного из них по какой-то причине овцы пали. Двое попутчиков откликнулись на несчастье товарища: поделились с ним своими овцами.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Поездка по аулам Буйнакского района	10
1. Эрпели	10
2. Ишкарты	14
3. Нижний Каранай	17
4. Чиркей	18
II. Поездка по аулам Гунибского района	28
1. Чох	28
2. Согратль	34
3. Мегеб	37
III. Поездка по аулам Хунзахского района	40
1. Хунзах	41
2. Цада	47
3. Гиничугль	51
4. Ахальчи	62
5. Сиух	65
6. Шогота	68
7. Обода	70
8. Тануси	74
9. Харахи	78
10. Гонох	81
11. Батланч	82
12. Орта	85
13. Гоцатль	88
IV. Поездка по аулам Акушинского и Левашинского районов	92
1. Акуша	92
2. Цудахар	100
3. Гапшима	106
4. Мекеги	122
5. Усиша	129
6. Бутри	134
7. Нахки	136
8. Тузла	137
9. Муги	138